

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный профессионально-педагогический университет»

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ИДЕОГРАФИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ**

Монография

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ)
в рамках научно-исследовательского проекта
№ 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»*

Екатеринбург
Издательский дом «Ажур»
2018

УДК 81'374
ББК 81.2стд1-4
Щ70

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ)
в рамках научно-исследовательского проекта
№ 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»*

Рецензенты:

д-р пед. наук, проф. *Т. В. Гусейнова*
(МОУ ВО «Российско-Таджикский (славянский) университет»,
член Общественного Совета по русскому языку СНГ от Таджикистана, 2014—2016);
канд. филол. наук, доцент *Т. Н. Бунчук*
(ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорочкина»)

Щетинина А. В.

Щ70 Теоретико-методологические основы идеографирования социальной лексики : монография / А. В. Щетинина ; под науч. ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 180 с.

ISBN 978-5-91256-419-2

Книга посвящена принципам и методам идеографического описания лексики, характеризующей человека как единицу социума, общество в целом и социальные отношения между людьми. Сообщается о подготовке идеографического словаря такой лексики. Методика исследования демонстрируется на примере номинативных множеств «Взяточничество» и «Конфликт человека и власти», объединяющих лексические факты из разных языковых идиомов: литературного языка, диалектов, просторечия, жаргона.

Для специалистов в области лексической семантики, этнолингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, когнитивной лингвистики и всех исследователей, интересующихся вопросами представления в языке социальных феноменов, процессов, акторов общественной жизни.

УДК 81'374
ББК 81.2стд1-4

Художник Неупокоева Елизавета Евгеньевна

ISBN 978-5-91256-419-2

© Щетинина А. В., 2018
© Издательский дом «Ажур», 2018
© Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2018
© Неупокоева Е. Е., иллюстрации, 2018

Оглавление

Введение	4
ГЛАВА 1. Социальная лексика: системно-языковые связи	8
1.1. Социальная лексика: определение понятия	8
1.2. Исследование социальной лексики: ретроспектива и перспективы описания	22
1.3. Личное и социальное в структуре значения: к методике выявления (на примере зооморфизмов и цветообозначений)	32
ГЛАВА 2. Идеографическое описание социальной лексики сферы институциональных отношений	64
2.1. Принципы и методы описания социальной лексики в идеографическом словаре	64
2.2. Принципы отбора социальных номинаций для лексикографирования	83
2.3. Отражение в идеографическом словаре лексики, номинирующей исторические факты	85
2.4. Структура словарной статьи в идеографическом словаре социальной лексики	96
2.5. Энциклопедический компонент в составе дефиниций слов	110
ГЛАВА 3. Опыт описания предметно-тематических сфер «Взяточничество» и «Конфликт человека и власти»	119
3.1. Идеографическая сетка лексико-семантического поля «Взяточничество»	119
3.2. Конфликт человека и власти в аспекте идеографического описания	134
Заключение	150
Источники и принятые сокращения	154

Введение

Для современного общества характерно включение носителей языка в обсуждение социально-политических проблем в ситуациях взаимодействия как в реальном пространстве, так и в виртуальной коммуникации. Поэтому вполне закономерен интерес представителей разных научных отраслей, в том числе лингвистов, к языку участников современной коммуникации. Сегодня изучение языковых единиц осуществляется с позиций антропоцентризма, и в поле зрения оказываются слова, обозначающие различные аспекты жизнедеятельности людей: быт, семейные, дружеские, деловые и иные контакты. Значимыми составляющими жизни человека являются его взаимодействие с государственными структурами, представителями власти, участие в социально-политических процессах, общественной работе, трудовой деятельности и др. Примеривая на себя эти роли, человек выступает как *homo socialis*. Деятельность человека и ее оценка в политико-властных, экономических, культурных и иных институциональных сферах фиксируются в языке значительным по объему фондом языковых фактов, которые мы условно называем социальной лексикой. В настоящее время в современной отечественной лингвистике не выработаны единые и непротиворечивые критерии выявления и описания языковых фактов, фиксирующих знания человека о социуме.

Все больше осознается необходимость комплексного исследования той части лексики русского языка, которая отражает

представления людей из разных социальных слоев и групп о взаимодействии государства, общества и человека, отношениях людей и групп как социальных акторов, о месте государства, общества и человека в глобальном мире. Одновременно необходимо решать такие задачи, как систематизация научных исследований в данной области¹, разработка методики анализа лексики, называющей социальные феномены, составление непротиворечивого идеографического описания такой лексики.

Номинации, репрезентирующие понятия из области политических и общественных отношений, изучались ранее, но вне актуализации той связи между языковыми единицами, которая позволяет считать их организованной лексической системой, не выявлялись принципы организации этой системы. До настоящего времени учеными не предпринимались целенаправленные усилия к составлению типологии лексики, называющей реалии общественной жизни, по семантическим основаниям.

В данной работе мы хотели бы представить теоретико-методологические основы идеографического описания лексических множеств, которые объединяют слова и выражения из разных подсистем русского языка: его литературной разновидности, жаргона, городского просторечия и русских народных говоров. Такой подход к составлению идеографии, можно надеяться, покажет расхождения и сходства между представлениями носителей русского языка, принадлежащих к разным стратификационным, этническим, территориальным и иным группам. Научная работа, направленная на выделение и изучение стилистически

1 В настоящее время коллективом, работающим по теме гранта Российского научного фонда «Русский социум в зеркале лексической семантики» (проект № 16-1802075), разработано комплексное библиографическое описание научных публикаций «Исследования русской социальной лексики: библиография» / составители: Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина, Л. А. Феофанова, М. А. Еремина, А. Н. Блинова, В. С. Кучко; под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург: Ажур, 2017. — 332 с.

дифференцированной лексики, передающей знания о явлениях, событиях, процессах, персоналиях и т. д. из сфер государственной и общественной жизни, поможет решению ряда задач. К ним относится системная этнолингвистическая интерпретация языковых фактов, совершенствование методики анализа лексики с точки зрения репрезентации в ней социальной семантики, разработка типологии языковых фактов, составляющих лексический фонд «Социум», комплексное описание которого пока отсутствует.

В процессе исследования перед нами последовательно вставали вопросы, ответы на которые определили структурирование текста в предлагаемой монографии. Первая глава посвящена описанию методики сбора материала. На примере отдельных лексических групп: зооморфизмов и цветообозначений — показана методика анализа слов и выражений, направленная на обоснование их принадлежности к социальной лексике, на установление места локализации социальных компонентов в структуре значения языковой единицы. Выявление новых лексем, новых значений слов, новых коннотаций проводится на основе анализа контекстного окружения лексем. В этой же главе представлен анализ работ, в которых изложены различные подходы к выделению социального компонента значения и частные наблюдения над лексической репрезентацией взаимодействия людей в социуме, например, в традиционном крестьянском обществе, в различных профессиональных группах, в субкультурных объединениях и т. д.

Представление о лексике, соотносимой с социальной действительностью, как о системе определяет интерес к ее идеографическому описанию. Поэтому вторая глава посвящена рассмотрению принципов и методов идеографирования языковых фактов, описывающих ту часть жизнедеятельности человека, которая связана с институциональными отношениями. На примере номинативных множеств, объединяющих слова и выражения, значения

которых связаны с применением государством силы по отношению к своим гражданам, с протестом граждан, направленным против государства и его политики, с коррупционными отношениями во власти, показано, как осуществляется отбор, систематизация и словарное описание языковых единиц для подготовленного к изданию «Идеографического словаря русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика». Кроме того, рассматриваются частные вопросы отражения в данном словаре слов и выражений, называющих оригинальные исторические факты (персоналии, события, документы и др.), обосновывается важность их включения в словарь, а также анализируется роль введения энциклопедической информации в дефиниции слов.

В третьей главе иллюстрируются принципы и методы идеографического описания материала на примере лексико-семантических множеств «Взяточничество» и «Конфликт человека и власти».

Таким образом, в монографии представлено комплексное теоретическое описание принципов и методов исследования лексики, называющей социальные объекты и феномены институциональной сферы, а также приводятся примеры применения предложенных методик препарирования лексического материала, комментируются принципы оформления результатов такой работы в виде идеографической типологии.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА: СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

1.1. Социальная лексика: определение понятия

Исследование лексики социальной сферы предполагает обращение к вопросам языковой репрезентации разных сторон жизни социума, в том числе взаимоотношений человека и власти, человека и общества, общества и власти, роли человека как социальной единицы в глобальном мире и т. п. Комплексное описание лексического фонда, объединяющего такие слова и выражения, в настоящее время отсутствует, хотя лингвисты анализируют и описывают языковые факты, для которых подбирают разные терминологические обозначения: *социальные смыслы* [Кретов, 2002, с. 25], *социальные термины и социальная терминология* [Бенвенист, 1995; Кретов, 2002, с. 27, 35], *социальный компонент в семантике, социальное в слове* [Крысин, 1988, с. 124; Крысин, 2004, с. 438], *социальная информация* [Поповичева, 2011, с. 213] и др.

Мы считаем возможным использовать термин *социальная лексика*. Под ней подразумевается совокупность языковых фактов: лексем, фразеологизмов, составных неидиоматических выражений, а также паремий (поскольку они являются достаточно устойчивыми фактами речи), — в значениях которых выявляются социальные семы, то есть семантические компоненты, объективирующие принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального общения ('государство', 'власть', 'административный', 'должность', 'управлять' и т. д.) или социального

неинституционального взаимодействия ('вместе', 'опорочить', 'общественное мнение', 'гость' и др.; например, в традиционном крестьянском социуме все стороны жизни человека сопряжены с социальной регуляцией). Такое определение позволяет нам проводить исследование, исходя из положения о том, что языковые единицы извлекаются в первую очередь из лексикографических источников разного типа: современных и исторических толковых словарей русского литературного языка, а также жаргонных и диалектных словарей. Однако такого рода издания не успевают фиксировать новые номинации, а также значения слов, появляющиеся в результате переосмысления существовавших ранее значений и актуальные для настоящего времени. В связи с этим мы обращаемся к анализу современных текстов разных жанров, функционирующих в том числе в виртуальном пространстве, с целью выявления слов и выражений, имеющих в значении, в том числе на периферии, в его прагматической части, социальные семы.

Комплексное описание социальной лексики обуславливает разработку методики анализа семантики отдельных слов, в которых социальный компонент может быть представлен в ассертивной части значения (ядерной) и, соответственно, зафиксирован в словарной дефиниции и в пресуппозиционной части (обычно соотносимой с периферией значения). Последняя, в свою очередь, может быть реализована как семантическая пресуппозиция, выводимая на основе представлений людей о системно-языковых связях, и прагматическая пресуппозиция, предполагающая контекстную интерпретацию семантики обозначаемого на основе общих экстралингвистических фоновых знаний о мире, см. об этом: [Логический..., 2009; Падучева, 2013; Heim, 1983; Karttunen, 1974 и др.]. Кроме того, описание социальной лексики, как и лексиче-

ской системы языка вообще, предполагает объединение номинаций в группы в зависимости от общности значений, для чего необходимо описание семного состава значений слов и вычленение социальных компонентов в ассертивной и пресуппозиционных зонах значения. Известно, что «типы сем гораздо более многочисленны, чем выделенные на этапе становления структурной семасиологии и компонентного анализа, что семная структура значений языковых единиц обладает значительно бóльшим разнообразием, чем это представлялось на первых этапах развития структурной семасиологии. К тому же развитие языков и культуры народов приводит к появлению новых типов семантических компонентов» [Маклакова, 2013, с. 4].

Дополняя данное высказывание, отметим, что семантический анализ языковых единиц предполагает обращение к словарным дефинициям, которые не могут в силу разных причин включать в себя все разнообразие семантических компонентов, поддающихся извлечению в результате дискурсивного анализа словоупотреблений, необходимого для более полного описания лексических единиц, в том числе имеющих социальную семантику. Кроме того, социальные семы могут быть явно представлены в дефиниции слова, называющего, например, профессию, должность, сословную принадлежность и др., а могут требовать реконструкции и осмысления с учетом использования в разных контекстах, поскольку интегрированы в пресуппозиционную зону значения.

Далее с целью демонстрации методики выделения и описания социальной лексики проанализируем языковые единицы, извлеченные из газетных текстов, поскольку для них типично обращение к социальным темам: «Любое содержание рассматривается в СМИ с социальной или социально-политической точки зрения. <...> О чем бы ни писали, ни говорили СМИ, они выра-

жают в конечном счете социальную (социально-оценочную) точку зрения» [Солганик, 2010, с. 23].

Методом фронтального просмотра статей еженедельника «Аргументы и Факты» за март — май 2016 года [АиФ] сделана выборка всех имен прилагательных, характеризующих человека (65 слов). Задача исследования состоит в том, чтобы в общем списке выявить лексемы, содержащие в значении социальные компоненты, определить, в какие лексико-семантические группы (далее — ЛСГ) объединяются слова с социальной семантикой, выделить семемы, содержащие социальные семы, охарактеризовать социальные семы, определить, в каких зонах значения репрезентирована социальная семантика.

Мы выделили несколько ЛСГ, объединяющих социальные характеристики человека, представленные в проанализированном нами газетном дискурсе (отметим, что лексемы имеют различную стилистическую маркированность, то есть принадлежат к разным языковым стратам):

1. Характеристики человека в соответствии с его официальным статусом: *простой, многодетный*.

2. Характеристики человека по отношению к нему государства, представителей власти, политических или общественных организаций: *опальный, неблагонадежный, рукопожатный, нерукопожатный*.

3. Характеристики человека, достигшего больших успехов в каком-либо деле и благодаря этому пользующегося широкой известностью: *популярный, известный, легендарный, большой, сильный, образцовый, гениальный, талантливый, одаренный*.

4. Характеристики человека, связанные с достижением какой-либо цели, поведением в процессе достижения результата: *целеустремленный, активный, решительный, деятельный, упрямый, настойчивый, дерзкий, смелый*.

5. Характеристики качеств человека как работника, участника делового процесса: *зрелый, опытный, ловкий, прилежный, добровольный, невольный, ответственный, безответственный, рациональный, уникальный.*

6. Характеристики человека, обладающего знаниями в каком-либо деле: *ученый, грамотный, образованный.*

7. Характеристики речевого поведения человека в коммуникации: *болтливый, крикливый, скандальный, косноязычный, эмоциональный.*

8. Характеристики человека, свидетельствующие о его морально-нравственных качествах, этических установках и соответствующем отношении к окружающим: *циничный, великодушный, благодарный, добрый, открытый, мирный, честлюбивый, нежный, безвредный, строгий, жесткий, суровый, подобострастный.*

9. Характеристики человека, свидетельствующие о его имманентных качествах: *инфантильный, хрупкий, светлый, суеверный.*

10. Характеристики человека, обусловленные производимым на окружающих впечатлением: *потрясающий, нормальный, великолепный, ужасный, плохой, смешной, бравый.*

Анализ прилагательных, характеризующих человека в газетном дискурсе преимущественно в аспекте его социальности, выявил несколько типов словарных дефиниций, различных по локализации социального компонента значения.

ПЕРВАЯ ГРУППА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, У КОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРЕДСТАВЛЕН В АССЕРТИВНОЙ ЗОНЕ, включает следующие семемы:

‘принадлежащий к непривилегированному сословию’, например, *простой*;

‘вызывающий у правительства подозрение’, например, *неблагонадежный*;

‘вызывающий немилость, нерасположение власти (преимущественно верховной)’, например, *опальный*;

‘человек, которому в российской либеральной оппозиции готовы / не готовы пожать руку’, например, *рукопожатный* / *нерукопожатный*.

Ассертивная зона значения в данных лексемах представлена социальными семами: ‘принадлежавший’ (актуализируется принадлежность к какому-либо обществу, группе); ‘сословие’, ‘либеральная оппозиция’ (указывается на сословную принадлежность, а также принадлежность к партии, общественному движению); ‘правительство’, ‘царь’, ‘верховная власть’ (принадлежность к власти). Таким образом, характеристики человека как *homo socialis* так или иначе связаны с институциональными отношениями людей. Данные характеристики распределены по первым двум ЛСГ из 10, представленных выше: характеристики человека в соответствии с официальным статусом; характеристики человека по отношению к нему государства, представителей власти, политических или общественных организаций.

Вторая группа слов, у которых социальный компонент отсутствует в АССЕРТИВНОЙ ЗОНЕ, но реализуется на БЛИЖНЕЙ ПЕРИФЕРИИ, СОЗДАВАЯ СЕМАТИЧЕСКУЮ ПРЕСУППОЗИЦИЮ, представлена лексемами из всех ЛСГ, за исключением первых двух (в которых социальность реализуется в ассерции), а также некоторых лексем из 8-й, 9-й и 10-й ЛСГ, социальная коннотация у которых проявляется только в отдельных газетных контекстах ситуативно и которые, соответственно, составляют третью группу (см. далее).

Во вторую группу мы включаем называющие качества человека прилагательные, которые,

во-первых, в представлении носителей языка, могут характеризовать человека как *homo socialis*, сочетаясь с номинациями, имеющими социальные семы в ассерции (то есть описывающие

отношения институционального типа, например, названия профессий, должностей и т. д.), а также называть личные качества человека, не связанные непосредственно с его социальностью, сочетаясь с номинациями человека, не имеющими социальных сем в ассерции (то есть описывающие отношения неинституционального типа, например, названия членов семей и т. д.);

во-вторых, встроены в парадигматические отношения синонимии / антонимии с социальными коннотациями в периферийной зоне значения; обозначаемые этими прилагательными характеристики могут проявляться как в личной, так и в социальной жизни.

Рассмотрим подробно образец анализа идеограммы ‘характеристика человека, достигшего больших успехов в каком-либо деле и благодаря этому пользующегося широкой известностью’, чтобы обосновать включение прилагательных в данную группу. Так, качество *сильного* может приписываться человеку в рамках отношений институционального типа, что подтверждается иллюстративным материалом: *Сильный ученик. Сильный пловец. Пианисты и пианистки были, большею частью, очень сильные* (А. Бородин. Мои воспоминания о Листе); *Алексеев уже был известен среди местных шахматистов как сильный игрок* (А. Бек. Тимофей. Открытое сердце [СлРЯ, т. 4, с. 93]; а также в рамках отношений неинституционального типа, что зафиксировано в словаре как оттенок значения, а также подтверждается контекстуально: Разг. Хорошо знающий что-либо, сведущий в чем-либо. *В русском языке князь был не силен* (А. Герцен. Былое и думы); [Мосальский:] *А вы не ошибаетесь, господин Колесников?* [Федор:] *Да нет, я в арифметике силен* (Л. Леонов. Нашествие) [Там же].

Кроме того, синонимы, включенные в дефиницию: *способный* ‘имеющий способности (индивидуальные особенности лич-

ности, обуславливающие предрасположенность к осуществлению какого-либо вида деятельности [Там же, с. 230]) к чему-либо; даровитый' [Там же] и *умелый* 'обладающий умением, нужными навыками; искусный' [Там же, с. 490], — а также антонимы *бездарный* 'лишенный таланта, одаренности' [Там же, т. 1, с. 70]), *неумелый* 'не обладающий умением делать что-либо, не владеющий достаточным опытом, навыками, знаниями в выполнении чего-либо' [Там же, т. 2, с. 489], если судить по приводимым к ним словарным иллюстрациям, репрезентируют данные качества в отношениях институционального типа: **Способный студент**. **Способная актриса** [Там же, т. 4, с. 230]; [*Лиза*] *просила Ознобишина рекомендовать умелого адвоката, так как Виктор Семенович чинил всякие препятствия расторжению супружества* (К. Федин. Необыкновенное лето) [Там же, с. 490]; *Гимназия с ее бездарными педагогами по-прежнему давала мне очень мало* (Ю. Юрьев. Записки) [Там же, т. 1, с. 70]; **Неумелый руководитель**. [Там же, т. 2, с. 489] и неинституционального типа: **Способный ребенок**. <...> **Способная**, волевая, с живым, быстрым, восприимчивым умом, она без особых усилий отлично училась (Б. Полевой. Золото) [Там же, т. 4, с. 230]; *Акварель [К. Маковского], изображающая прекрасную болгарку с умирающим ребенком, вероятно, замученным башибузуками, написана, как говорится, «вкусно» и рукою умелого мастера* (В. Гаршин. Выставка в помещении «Общества поощрения художников») [Там же, с. 490]; **Бездарный поэт** [Там же, т. 1, с. 70]; [*Ребята*] *пришли к нему неумелыми и балованными малышами* [Там же, т. 2, с. 489]).

Такого же рода отношения в институциональной и неинституциональной сферах репрезентируют лексемы *зрелый* 'достигший опытности, мастерства': *Надо быть очень зрелым художником, чтобы решиться взять на себя работу на заказ* (М. Пришвин. Кладовая солнца) [Там же, т. 1, с. 622]; *гениаль-*

ный 'обладающий гением, исключительно талантливый, творчески одаренный': **Гениальный** ученый. **Гениальный** полководец. **Гениальный** ваятель извлек из сердцевины камня дивную голову трепетной и ласковой молодой женщины и подарил ее векам, подарил ее нам, своим далеким потомкам, так же как и он, взывающим нетленной красоты (К. Паустовский. Ильинский омут) [Там же, с. 305]; талантливый 'обладающий талантом (в 1 знач.), творчески одаренный': **Талантливый** артист. **Талантливый** ученый. — **Талантливые**, богато одаренные натуры, — сказала Должикова, — знают, как им жить, и идут своей дорогой (А. Чехов. Моя жизнь); Как силен, красив, **талантлив** русский народ! (М. Горький. Письмо Н. Е. Буренину, 2 сент. 1911) [Там же, т. 4, с. 336]; одаренный 'талантливый, даровитый': **Одаренный** актер. [Отец] был человеком **одаренным**: хорошо рисовал, писал стихи (Т. Щепкина-Куперник. Театр в моей жизни) [Там же, т. 2, с. 590].

Важно отметить, что еще одним критерием отнесения данных слов ко второй группе является наличие социального компонента в пресуппозиции, которая не может быть подвергнута отрицанию, поскольку слова *сильный*, *способный*, *талантливый*, *одаренный*, *гениальный* относятся к одной тематической группе, характеризующей человека по наличию у него способностей, и своей пресуппозицией имеют утверждение «все люди обладают способностями и отличаются друг от друга по этому параметру, их можно сравнивать», а отрицание для человека вообще возможности иметь какие-либо способности, или вероятности различий между людьми, или возможности производить операции сравнения логически абсурдно. Иначе говоря, в самой пресуппозиции есть социальная сема «все», так как одаренность видна на фоне прочих людей, на фоне массы, и отрицание этой семы невозможно, иначе нивелировался бы и сам смысл одаренности как отличительной особенности человека среди прочих людей.

Ниже представлены семемы, социальный компонент в которых находится в пресуппозиции и выделяется и интерпретируется на основании тех же критериев: соотносительность с номинациями институционального типа, способность вступать в синонимические и антонимические отношения с социальной лексикой, невозможность отрицания пресуппозиции:

‘пользующийся широкой известностью, общественными симпатиями; знаменитый, прославленный’, например, *популярный, известный*;

‘породивший, вызвавший своей необычностью (героизмом, силой и т. п.) много легенд’, например, *легендарный*;

‘получивший специальные знания в какой-либо области’, ‘обладающий необходимыми сведениями, знаниями в какой-либо области’, например, *ученый, грамотный, образованный*;

‘проявляющий особенную энергию, старание в выполнении какого-либо дела; постоянно, непрерывно действующий, работающий’, например, *деятельный, активный*;

‘отличающийся высоко развитым чувством долга, ответственности, добросовестно относящийся к своим обязанностям’, например, *ответственный, добросовестный*; ‘усердный, старательный’, например, *прилежный*;

‘упорный, настойчивый’, например, *настойчивый*;

‘твердый, непреклонный, лишенный мягкости, не знающий снисходительности к себе и другим’; ‘очень требовательный; взыскательный’, например, *суровый, строгий*;

‘принимаящий на себя какие-либо обязанности по собственному желанию, без принуждения’, например, *добровольный*;

‘соответствующий чему-либо общепринятому или обычному, положенному’, например, *нормальный, адекватный*;

‘может служить образцом для других’, например, *образцовый*;

‘достойный уважения’, например, *добрый* в 6-м значении в сочетании с сущ.: *люди, человек, молодец* и т. п.: ‘устар. и народно-поэт. обладающий положительными человеческими качествами, достойный уважения’ [Там же, т. 1, с. 410—411]);

‘замечательный в каком-либо отношении, выдающийся’, например, *большой*: см. оттенок 3-го значения: ‘при существительных, характеризующих качество человека, имеет усилительный смысл || замечательный в каком-либо отношении, выдающийся’ ***Большой писатель. Она вырастет и сделается хорошим большим человеком*** (Д. Мамин-Сибиряк. Человек с прошлым) [Там же, с. 106—107];

‘стремящийся к определенной, заранее намеченной цели’, например, *целеустремленный*;

‘решительно, упорно добивающийся своей цели’, например, *настойчивый*.

Семемы, характеризующие человека как участника коммуникации с точки зрения его речевых характеристик, также рассматриваются нами как имеющие социальный компонент в предсуппозиции, поскольку умение красиво говорить оценивается прежде всего как качество, важное для процесса взаимодействия в обществе.

‘страдающий косноязычием’, например, *косноязычный* (см. оттенок значения мотивирующей лексемы *косноязычие*: ‘перен. неумение владеть речью, говорить свободно, не спотыкаясь’ *Заранее обдуманые, гладкие фразы вылетали из памяти, он начал запинаться и злиться на себя за свое косноязычие* (Е. Катерли. Стожаровы) [Там же, т. 2, с. 112]);

‘чрезмерно говорливый’, например, *болтливый*;

‘много, часто кричащий, любящий кричать, громко говорить’, например, *крикливый*;

‘то, что проявляется в общении: который устраивает скандалы’ (во 2 значениях: Ссора, сопровождаемая криками, шумом, дракой и т. п.; дебош), например, *скандальный*;

‘расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты, сочувствия к ним, готовности помочь’, например, *добрый*;

‘не причиняющий вреда’, например, *безвредный*;

‘раболепно-льстивый, угодливый’, например, *подобострастный*;

‘вызывающе смелый, пренебрегающий опасностью’; ‘исполненный смелости, дерзания’, например, *дерзкий*.

Таким образом, вторая группа слов представлена лексемами, значения которых содержат социальные коннотации в пресуппозиции, при этом оценка человека как *homo socialis* предполагает, что он связан,

во-первых, с каким-то делом в определенной области, владеет знаниями в какой-либо сфере деятельности, о чем свидетельствуют семы ‘в деле’, ‘в выполнении дела’, ‘действующий’, ‘работающий’, ‘специальные знания’, ‘в какой-либо области’, ‘обладающий знаниями’;

во-вторых, с широкой известностью в обществе, о чем свидетельствуют семы ‘общественные симпатии’, ‘широкая известность’, ‘знаменитый’;

в-третьих, со стремлением к достижениям, что репрезентировано в значениях семами ‘стремящийся’, ‘добивающийся’, ‘цель’;

в-четвертых, с проявлением качеств, важных для процесса коммуникации, в том числе и деловой, о чем свидетельствуют, например, семы ‘требовательный’, ‘чувство долга’, ‘упорный’, ‘достойный уважения’, ‘говорливый’, ‘устраивает скандалы’, ‘общение’ и др.

При этом слова данной группы могут актуализировать в пресуппозиции смыслы, акцентирующие отношения институционального и неинституционального типа.

Заметим, что в газетном дискурсе, из которого были извлечены для анализа обозначения характеристик человека, актуализируется преимущественно социальный аспект семантики: — *Определённо, президент Владимир Путин — очень **сильный** лидер, — сказал премьер-министр доктор Махатхир Мохаммад — и я верю, что он сможет вернуть России её былое величие* (Они о нас // Коммерсантъ-Власть, 2002) [НКРЯ]; — *В раздевалке Петреску такой же нервный, как и во время игр? — **Крикливый** тренер. Но мне больше запомнился не его крик, а слова, сказанные в раздевалке: «Я не могу работать с именитыми игроками»* (С. Кузовенко. «И тогда Петреску посмотрел на меня волком» // Советский спорт, 2013.02.25) [Там же] и т. д.

ТРЕТЬЯ ГРУППА, в которой социальность актуализируется только в прагматической пресуппозиции. В эту группу мы включаем часть лексем из 8-й, 9-й и 10-й ЛСГ, где социальные коннотации реализуются только в контексте, при этом понятны адресату, поскольку пишущий и читающий имеют общие фоновые знания. Формально они не представлены в дефиниции и иллюстративном материале. Так, в 2606 контекстах из АиФ, в которых используется прилагательное *потрясающий*, представлено сочетание данного слова преимущественно с обозначениями неодушевленных понятий (*потрясающие платья, потрясающая радость, потрясающий эффект* и др.). Только несколько примеров употребления данного прилагательного репрезентируют характеристику человека: — *Одним из знаковых на этой киностудии для меня стал фильм «Золотая мина» с **потрясающими** партнёрами — Далем, Глузским, Полищук, Ефремовым ... Или общение с Игорем Дмитриевым* (Е. Данилевич. «Не знала,

как пишется «облигация»! // Аргументы и Факты, 2016.04.27) [АА]; — *Киллиан Мёрфи* — **потрясающий** человек, при этом внимательный, добрый и невероятно терпеливый партнер, — поделилась впечатлениями *Дина* с Иваном Ургантом (Российская актриса Дина Корзун снялась в сериале ВВС «Острые козырьки» // Аргументы и Факты, Смоленск, 2016.03.27) [Там же]. Как и другие слова третьей группы, прилагательное *потрясающий* в дефиниции не содержит отсылки к возможности характеризовать этим словом человека, однако в контекстах эта неупомянутая возможность находит воплощение: *Тот же Ислямов, организатор крымской блокады, потрясающий персонаж, такой болтливый!* (В. Цепляев. Шутники или хулиганы? Кто такие пранкеры и как они разыгрывают президентов // Аргументы и Факты, 2016.04.27) [Там же].

К этой же группе, в которой социальная коннотация реализуется только в прагматической пресуппозиции, относятся следующие слова:

смешной: — *Как вы оцениваете форум, который недавно прошел в Вильнюсе, где как раз последователи Гайдара собрались?* — *Ну, это же все смешные люди* (Е. Ларина. Руслан Хасбулатов: мы могли вернуть Крым еще в 90-х // Аргументы и Факты, Смоленск, 2016.04.05) [Там же];

открытый: *Политики должны быть открытыми, ответственными перед обществом* (В. Цепляев. Шутники или хулиганы? Кто такие пранкеры и как они разыгрывают президентов // Аргументы и Факты, 2016.04.27) [Там же];

суеверный: *Суеверная императрица Елизавета Петровна приказала, чтобы ни один катафалк не пускали на улицы, по которым она обычно ездила* (Г. Шейкина. Хоронить ... не положено? Кому в Москве не нашлось погоста // Аргументы и Факты, 2016.04.05) [Там же] и др.

Таким образом, анализ характеристик человека, выраженных именами прилагательными, показывает, что адъективные номинации человека могут иметь социальный компонент как в ассертивной зоне значения, так и в пресуппозиционной. В результате установлены лексико-семантические группы прилагательных, характеризующих человека как *homo socialis*; выделены социальные семы в составе значений проанализированных прилагательных; описаны значения, в которых социальная сема актуализируется в разных зонах значения: в ассерции, что свидетельствует о ядерном статусе социальной семы; в семантической пресуппозиции, подтверждаемой иллюстративным материалом, который обнаруживает встроенность слова в системно-языковые связи; а также в прагматической пресуппозиции, предполагающей активизацию социальной коннотации исключительно контекстуально, поскольку данный смысл находится на дальней периферии структуры лексического значения и появляется только в речи, не будучи зафиксированным в дефиниции языковой единицы. Результаты анализа семантической и прагматической пресуппозиций в данном исследовании подтверждают мысль Л. П. Крысина о том, что социальное может проявляться в презумпции [Крысин, 1988], соответственно, представления пишущего и читающего должны предполагать наличие общей картины мира.

1.2. Исследование социальной лексики: ретроспектива и перспективы описания¹

Анализ работ близкой нашему исследованию проблематики показывает, что в научных трудах содержатся лишь отдельные наблюдения над лексическими воплощениями представлений о социальном аспекте взаимодействия людей. Исследования, посвя-

1 Материалы этого раздела частично опубликованы в соавторстве с Т. В. Леонтьевой.

ценные анализу социальной лексики, интересны с точки зрения используемых в них подходов, поскольку ученые так или иначе вели поиск инструментов выделения социального компонента значения. Накопленные исследователями данные об отдельных словах или лексических группировках позволяют проводить сравнительный анализ, осуществлять верификационные процедуры, которые дают возможность оценить точность интерпретации на основе сходства выводов, добытых посредством применения различных методик. Так, обширный список исследований, в которых отражены наблюдения над языковыми фактами, репрезентирующими знания носителей языка о социуме, условно можно разделить на работы, посвященные лексике сферы институциональных отношений, и исследования, посвященные лексике сферы неинституциональных социальных отношений. Такая дифференциация основывается на идее, согласно которой к социальной лексике относятся языковые единицы, обозначающие социальные характеристики человека и разные аспекты его жизнедеятельности в сфере социально-политических, экономических, культурных, церковно-религиозных отношений и в сфере неинституционального взаимодействия людей, например, в традиционном крестьянском социуме, нахождение человека в котором, его погруженность во взаимодействие с другими членами внутри общины, подчинение личного общественным установкам обычно представляют собой скрытый механизм социализации человека [Леонтьева, 2013].

Среди исследований, посвященных лексике сферы институциональных отношений, обнаруживаются публикации и диссертационные работы, в которых уделяется внимание языку политики, в частности, рассматриваются следующие вопросы:

- теоретико-методологического анализа социально-политической лексики [Будаев, 2011; Воробьева, 2000; Ворошилова,

2013; Голованевский, 1993; Жданова, 2001; Загребельный, 2013; Крючкова, 1991; Крысин, 1989; Ошеева, 2004; Чудинов, 2013; Шмелькова, 2010; Язык..., 1997 и др.];

- лексической репрезентации внутригосударственного устройства, политики в области культуры и спорта, структуры общества, внешнеполитических отношений [Балашова, 2006; Березович, 2015; Васильев, 2014; Вепрева, 2005; Веснина, 2010; Довголюк, 2016; Егорова, 2016; Желтухина, 2004; Заварзина, 2014; Касаткина, 2012; Катерьмина, 2005; Ким, 2011; Колесов, 2016; Корбо, 2015; Костомаров, 1999; Кузнецова, 2017; Купина, 2015; Кусова, 2006; Майба, 2013; Михайлова, 2017; Михалева, 2004; Нахимова, 2011; Невинская, 2006; Никифорова, 2016; Паршина, 2005; Плотникова, 2014; Руженцева, 2013; Складьевская, 2001; Солганик, 2010; Терских и др., 2015; Щетинина, 2017 и др.];

- номинации институциональных конфликтов, связанных с криминальной, информационной, военной сферами, что в настоящее время обусловлено повышенным вниманием ученых из разных научных областей, в том числе лингвистики, к социально-политическим конфликтам в современном российском и мировом пространстве [Аболин, 2009; Балашова, 2016; Бараева, 2009; Бариловская, 2008; Борисова, 2016; Будина, 2016; Васильев, 2016; Выходцева, 2006; Голованова, 2015; Карцевский, 1923; Каслова, 2003; Коростелева, 2017; Крысин, 2015; Купина, 1999; Лаптева, 2013; Лотман, 1982; Михайлова, 2015; Невинская, 2006; Петрова, 2014; Прибылова, 2011; Рамазанова, 2012; Растатуева, 2008; Ряпосова, 2002; Савельева, 2008; Свистельникова, 2010; «Свое» и «чужое»..., 2003; Тихонова, 2005; Щетинина, 2016; Экстремистский текст, 2014; Язык вражды ..., 2006 и др.];

- языка советской эпохи как одного из самых неоднозначных и интересных исторических периодов [Адясова, 2016; Дуличенко, 1999; Купина, 2012; Мазон, 2013; Надель-Червиньска,

2009; Пихурова, 2005; Селищев, 1928; Сидоренко, 2016; Червинский; Шипицына и др., 2016 и др.];

- лексической репрезентации понятий экономической сферы и трудовых отношений [Аксютенков, 2002; Ахметова, 2015; Барсукова, 2007; Бартминьский, 2008; Быкова, 2002; Голованова, 2004; Гоннова, 2003; Едалина, 2016; Епимахова, 2010; Еремина, 2003; Заречнева, 2009; Исаева, 2010; Карпухина, 2007; Ковлакас, 2003; Назаренко, 2005; Радбиль, 2017; Токарев, 2003; Чернова, 2004 и др.];

- номинации понятий церковно-религиозной сферы [Дмитриева, 2013; Дубровина, 2014; Ицкович, 2013; Косицина, 2010; Мечковская, 1998; Прохвятилова, 1999; Саттарова, 2014; Селезнева, 2013; Смирнова, 2014 и др.].

В исследованиях, посвященных анализу языковых фактов из сферы неинституциональных социальных отношений, рассматриваются вопросы изучения:

- обозначений социальной нормы — обычая, правил, установлений и др. [Глебкин, 1998; Ефанова, 2013; Колесов, 1986; Леонтьева, 2014; Олсон, 2016; Попова, 2007; Урысон, 2010; Шацкая, 2006; Шведова, 2000 и др.], *внеинституциональной стратификации* [Архарова, 2008; Аругюнова, 1999; Баматгиреева, 2010; Белова, 2006; Березович, 2007; Варбот, 1981; Вендина, 2002; Леонтьева, 2014; Никитина, 2009; Пелипенко, 2009; Толстая, 2000; Трубачев, 1959 и др.], *общественного мнения* [Апресян, 2003; Бабаева, 2003; Богуславская, 2000; Гак, 2000; Ермакова, 1999; Зализняк, 2000; Леонтьева, 2011; Нагибина, 2002; Ситникова, 2009 и др.] и т. д. как механизмов социальной регуляции вне официальных институтов власти;

- лексических репрезентантов, описывающих разновидности бытовых обычаев, например, традиций гощения [Афинская, 2015; Байбурун и др., 1990; Бенвенист, 1995; Васильева и др.,

2012; Гарипова, 2010; Кабакова, 2015; Кретов, 2002; Леонтьева, 2013; Талл, 2011 и др.], *образования, воспитания, обретения ремесла* [Воронина, 2012; Ивашкович, 2001; Ковшова, 2009; Крюков, 2005; Леонтьева, 2013; Свиридова, 2008; Толстая, 2016 и др.] и др.;

- обозначений трудовых отношений вне сферы профессиональной деятельности (в частности, коллективный труд, сезонные хозяйственные работы и др.) [Анферова, 2000; Басова, 2004; Вильк, 2013; Еремина, 2014; Жуков, 2004; Зайкина, 2015; Косенко, 1993; Маркелова, 2004; Серова, 2009; Шкатова, 2016 и др.];

- слов, характеризующих способы консолидации и конфликты внутри общины, лексику дружеских отношений [Арапова, 2004; Вежбицкая, 2001; Володина, 2006; Вольф и др., 1984; Гриценко, 2009; Зацепина, 2010; Леонтьева, 2016; Толчина, 2010; Шмелев, 2005 и др.];

- лексических средств общения в молодежных субкультурах [Андреев, 2011; Афанасова, 2016; Библиева, 2007; Блинова, 2016; Вдовиченко, 2016; Гаранович, 2013; Гриценко, 2012; Игошина, 2009; Калинина, 2015; Кондрашова, 2013; Мы такие разные ..., 2012; Никитина, 2013; Полозова, 2008; Сенько, 2014; Шавлюк, 2017 и др.];

- обозначений личностных качеств в контексте социальной оценки [Баженов, 2012; Березович и др., 2004; Богуславская, 2003; Кругликова, 1995; Леонтьева, 2008; Кучко, 2016; Панченко, 2008; Санников, 2006; Сурикова, 2016; Федюнина, 2012; Формановская, 2009; Шаховский, 2005; Шмелев, 2009, Щетинина, 2017б и др.].

Кроме того, чтобы оценить разработанность типологии социальной лексики, необходимо обратиться к данным идеографических словарей, в которых осуществляется систематизация лексического состава языка по семантическим основаниям,

и к научным публикациям, в которых предпринимались попытки классификации лексики с социальной семантикой. Анализ содержания имеющихся на сегодняшний день идеографических изданий и указанных статей дал следующие результаты.

В современном русском литературном языке функционируют обозначения государственных органов и других властных структур, гражданских и иных объединений, социальных институтов, процессов и тенденций, охватывающих общество в той или иной его части, политических течений, оценок состояния общества, форм совместной деятельности людей, явлений массовой культуры, характеристик человека по его статусу в обществе, социальной роли, принадлежности к социальному классу и т. д. Слова имеют разные грамматические характеристики. Например, имена существительные семантической области «Социум» представлены в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой. В раздел «Названия лиц» включены обозначения людей «по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям» [РСС, т. 1, с. 65], в том числе по принадлежности к партии, включенности в другие объединения, по сословному положению, титулованию, экономическому, правовому состоянию, социальной значимости, авторитету, гражданству, отношению к административно-правовым нормам, к закону, суду и т. д. Во втором томе словаря в разделе «Слова, именующие всё создаваемое руками и умом человека» есть подраздел «Организации, учреждения, предприятия, партии, общества, армия». В третьем томе этого же словаря в разделе «Имена существительные с абстрактным значением: бытие, духовный мир, общество» имеется подраздел «Общество, его жизнь, устои; социальное устройство; социальные состояния, отношения» [РСС, т. 1–3].

Выявление ассортимента «социальных характеристик человека» и их вербальных репрезентаций остается исследовательской задачей, решению которой посвящен ряд публикаций [Кусова, 2000; Лапшина, 2008; Шерина, 2012 и др.]. Например, Е. А. Шерина относит к микрополю «Социальные характеристики человека», включающему 76 образных единиц русского языка, лексику следующих микрогрупп: «Отношение к труду» (деловые и социальные качества, нежелание / желание работать, бесполезная работа, профессиональное занятие), «Отношения в обществе» (отношения подчиненности, мужчина и женщина, хозяин и гость, бескультурие), «Материальное положение» (бедность, жадность, богатство, щедрость), «Социальные проблемы» (слова крючкотворство, волокита, загвоздка). Предлагаемый в тех или иных работах состав социальных характеристик человека вариативен, так как следует принять во внимание различия в принадлежности материала какому-либо языковому идиому и в интерпретациях категорий «социальное» и «межличностное».

При анализе номинаций лексического множества «Социальные взаимодействия» исследователи в разные годы уделяли большое внимание глагольной семантике, поскольку людей связывают определенные акции, процессы, отношения [Гайсина, 1981; Ковенева, 2008; Плотникова, 2006 и др.]. В словаре под редакцией Л. Г. Бабенко (Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание) за основу взято различие глаголов действия и состояния. В число глаголов социальной деятельности включены глаголы деятельности по достижению цели; общественно-политической деятельности; издательской деятельности и распространения информации; использования; воспроизведения; осуществления; противодействия; профессионально-трудовой деятельности; поступка и поведения [ТСРГ, 1999, с. 380—434]; в свою очередь, среди глаголов социальных отношений разли-

чаются подгруппы глаголов победы и поражения; принуждения; влияния; подчинения; защиты; помощи; обеспечения; разрешения и запрещения; управления [Там же, с. 607—637].

Глаголы социальных действий и отношений становятся объектом рассмотрения в монографии А. М. Плотниковой, определяющей социальные глаголы как «концептуализирующие тот фрагмент процессуально-событийной картины мира, который связан с жизнью человека в социуме, социальными действиями и социальными отношениями между людьми» [Плотникова, 2006, с. 203].

Л. В. Балашова определяет семантическую область «Социальные связи и отношения» как занимающую особое место в реализации ключевых социоморфных концептуальных моделей метафоризации, «формируемых на базе оппозиций “свой — чужой” и “властвующий — подвластный”» [Балашова, 2014а, с. 89, 193]. Она отмечает две особенности: «Во-первых, при формировании переносных значений, как правило, не происходит решительной смены сферы приложения метафоры: социальная метафора преимущественно функционирует внутри той же макросистемы» [Там же, с. 87]. Об этом же пишут Е. В. Ваулина, Г. Н. Скляревская [Ваулина и др., 1995, с. 210; Скляревская, 1993, с. 93]. Вторая особенность состоит в том, что характеристика типа отношений в общине сопровождается «квалификационной оценкой» этой характеристики [Балашова, 2014а, с. 88].

Определяя спектр подтем, образующих тематическую область «Социальные отношения», исследователи прибегают к экспериментальным методикам. Например, Е. В. Ерофеева, Е. А. Пепеляева путем опроса студенческой аудитории выделили в семантическом поле «Человек» несколько актуальных для современного сознания лексико-семантических групп, среди которых представлена группа «Социальные характеристики человека», составленная из под-

групп «профессия и другие занятия», «семья», «национальность», «статус», «межличностные отношения», «социальная роль», «религия», «убеждения», «асоциальные элементы», «группы и групповые отношения» [Ерофеева и др., 2011].

В учебном пособии В. А. Масловой «Когнитивная лингвистика» раздел «Социальные понятия и отношения» представлен параграфами, посвященными словам-концептам «Свобода», «Воля», «Дружба», «Война» [Маслова, 2001, с. 179]. Заметим, что обозначения объектов, процессов, явлений из сферы общественной жизни чрезвычайно сложно в семантическом отношении непротиворечиво упорядочить.

В «Идеографическом словаре русского языка» выделены семантические группы, названия которых свидетельствуют о разнообразии объектов социальной сферы, о вынужденной множественности критериев, используемых при их классификации, о соотношении понятий из сферы представлений о социальных явлениях с различными абстрактными категориями, о частичном наложении идеограмм друг на друга: «общество», «жизнь общества», «общественные отношения», «организация», «руководство», «государство», «армия», «взаимоотношения», «содействие», «регламент общественной жизни», «соблюдение норм», «наказание», «культура» и т. д. [ИСРЯ, 1990]. Грамматическое и семантическое многообразие социальной лексики обуславливает трудность ее дифференциации и описания. По результатам просмотра материалов «Русского семантического словаря» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой отметим преобладание книжных лексем — обозначений административных органов, руководящих должностей, документов и мн. др. [РСС, 2003] Это означает, что реалии, выступившие объектом номинации, соотносятся прежде всего с государственностью, с общественно-политическим устройством современного государства.

В целом приходится признать, что идеографическая «сетка» социальной лексики в русском литературном языке не вполне разработана, только начато ее осмысление. Еще меньше она описана по данным русских народных говоров и жаргонов.

Вопросу установления спектра диалектных лексем с «социальной семантикой» уделяется большое внимание в работе М. В. Пелипенко, подчеркивающей возможность выявления таких смыслов на разных уровнях семантической структуры слова: «Социальная семантика в диалектном слове классифицируется по нескольким типам: исходная, приобретенная в новых коммуникативных ситуациях, приращенная в тексте, пассивная, актуализированная и др.» [Пелипенко, 2009, с. 14]. Опыт систематизации значений слов, принадлежащих одной группе говоров, предпринят в «Этноидеографическом словаре русских говоров Свердловской области» [ЭИС]. В нем частично отражена идеография лексики, составляющей область «Социум», но она разнесена по разным выпускам словаря в соответствии с логикой структурирования материала. Так, в третий выпуск «Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи» включены обозначения обычая [ЭИС, вып. III, с. 131], коллективных помочей [Там же, с. 171—175], а в разделе «Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры)» можно найти номинации, описывающие обычаи гощения (раздел «Ходить в гости, принимать гостей, гостеванье») [Там же, вып. IV, с. 10—25]. Понятно, что выделение и типология «социальных» идеограмм не входили в задачи словаря.

Итак, социальное в языке может быть выявлено посредством процедур семантико-мотивационного анализа, который активно используется современными исследователями, но требует совершенствования. Традиционно выборка слов может осуществляться путем фронтального просмотра словарей и картотек, а также

посредством обращения к текстовому материалу, в частности к газетному дискурсу, для которого характерно внимание к социальным темам. При анализе лексического материала могут применяться методы семантико-мотивационной реконструкции, приемы идеографического, компонентного, этимологического анализа, лингвостатистики, текстового эксперимента, интерпретации контекстной семантики, анализа дефиниций. Кроме того, возможно использование методов сопоставительного (контрастивного) анализа, систематизации, типологизации.

В процессе выделения и описания социальной лексики необходима разработка приемов структурирования лексико-семантических полей, а также методики анализа социальной семантики с позиций ее локализации в ассертивной или пресуппозиционной зонах лексического значения слова.

Исследование лексического фонда русского языка в той его части, которая составляет важнейшую для социальной и культурной идентичности нации часть языка — социальную лексику, представляет большой интерес, поскольку наименования социальных явлений, процессов, участников социальной коммуникации сохраняют сведения о том, как носитель языка представляет себе русский социум и отношения в нем.

Перспективность исследования социальной лексики обусловлена тем, что довольно большим группам лексики до настоящего времени в лингвистической литературе уделялось недостаточно внимания.

1.3. Личное и социальное в структуре значения: к методике выявления (на примере зооморфизмов и цветообозначений)

ЗООМОРФНЫЕ НОМИНАЦИИ НОМО SOCIALIS. К числу антропоцентрических номинаций относятся в числе прочих зооморфизмы как «метафорически мотивированные наименования человека»

[Лапшина, 2016, с. 102], которые не просто называют предмет, а дают его образную характеристику. «Длительная история функционирования в языке позволила им получить дополнительную смысловую нагрузку, превратив в своеобразные ментальные образования образы-символы, в которых зашифрованы основные представления социума о внешних и внутренних характеристиках человека (особенности внешнего вида, сила, сексуальная активность, характер, интеллектуальное развитие и пр.)» [Маслов, 2013, с. 51]. Интерес исследователей к зооморфизмам, характеризующим человека, нашел выражение в большом количестве исследований [Гукетлова, 2009; Галимова, 2004; Кривошапова, 2007; Лапшина, 2016; Малафеева, 1989; Маслов, 2013; Солнцева, 2004 и мн. др.].

Наша задача в данной части работы — выявить основания для включения слов и фразеологизмов в ЛСГ «Зооморфные номинации *homo socialis*». Материалом для исследования послужили зооморфные метафорические номинации человека, выбранные из современных толковых, фразеологических словарей, словарей жаргона, а также из литературно-художественного и газетного дискурсов, поскольку анализ функционирования лексем в разных языковых стратах и дискурсах позволяет увидеть изменения в семантике слов и уточнить их современное значение¹. При этом, как и ранее, мы учитываем, что семантические множители, указывающие на социальные качества человека, могут присутствовать не только в ассертивной зоне значения, но и в пресуппозиционной, притом главным образом на периферии значения. В соответствии с данным положением мы выделяем в составе ЛСГ «Зооморфные номинации *homo socialis*» три группы языко-

¹ Здесь не рассматривается диалектный дискурс, который имеет свою специфику; исследование диалектных единиц данной группы проводилось в таких работах, как [Громыко, 1991; Еремина, 2003; Леонтьева, 2013; Пелипенко, 2009 и др.].

вых единиц, значения которых содержат социальный компонент в ядерной и периферийной зонах.

(1) Первой представим подгруппу, включающую лексемы и фразеологизмы, у которых социальный компонент присутствует в ассертивной зоне значения. Они репрезентируют:

— во-первых, профессиональную деятельность, род занятий: *горилла* ‘разг. о телохранителе бизнесмена, некоторых эстрадных звезд, мафиози’ [Григоренко, 2009, с. 108]; *ночная бабочка* ‘разг. проститутка’ [Там же, с. 35]; *ночной мотылек* ‘разг. мужчина, обычно гомосексуалист, занимающийся проституцией’ [Там же]; *кукушка* ‘прост. вражеский снайпер, стреляющий откуда-либо сверху: с дерева, из окон чердаков и т. п.’ [СлРЯ, т. 2, с. 147.]; ‘угол. агент милиции, подсаживаемый в камеру к преступникам под видом преступника’ [Елистратов, 2000, с. 219]; *крот* ‘жарг. человек, служащий кому-либо, чему-либо, но тайно, скрывая свои истинные цели, работает в интересах противостоящей стороны || агент разведки, создавший себе легальное положение в другой стране’ [Григоренко, 2009, с. 214]; *морской волк* ‘о старом, опытным моряке’ [СлРЯ, 1999, т. 1. с. 204]); *офисный планктон* ‘сотрудники офисов, клерки’ [Григоренко, 2009, с. 301]); *хромая утка* ‘англ. lame duck. жарг. политик, вступивший во вторую половину своего избирательного срока, в связи с чем не имеющий былого влияния и не принимающий серьезных политических решений’ [Там же, с. 428];

— во-вторых, общественный статус; образ жизни, связанный с определенной социальной ролью: *важная птица* ‘человек, занимающий высокое служебное или общественное положение, обладающий весом, властью, большим влиянием’ [Фразеологический словарь ..., 1978, с. 368]); *птица высокого полета* ‘влиятельный человек, занимающий видное положение в обществе’ [Там же]; *птица низкого полета* ‘человек, не занимающий вид-

ного, значительного положения в обществе' [Там же]; *светская львица* 'известная, популярная личность; женщина, девушка, вращающаяся в светском обществе, уверенно чувствующая себя в светском обществе' [Григоренко, 2009, с. 230]; *светский лев* 'устар. и ирон. о мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин' [СлРЯ, 1999, т. 2, с. 167.];

— в-третьих, социальную оценку профессиональных качеств человека или его социальной роли: *зубр* 'разг. шутол. о крупном, ценном специалисте' [Там же, т. 1. с. 624]; *крыса* 'разг. пренебр. о человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное' [Там же, т. 2. с. 141]); *архивная крыса* 'разг. презрит. служащий архива; сотрудник, много лет проработавший в архиве' [БСРЖ, 2001, с. 179]; *канцелярская крыса* 'прост., пренебр. чинуша, бюрократ, формалист' [Фразеологический словарь, 1978, с. 216]; *мелкая рыба* 'разг. перен. о незначительном, невлиятельном человеке, людях' [РСС, 1998. 8553]; *акула* 'газет., ритор., перен. корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом, эксплуататор' [Ушаков, 1935, стб. 25.].

Последнее слово является компонентом синонимичных фразеологизмов *акулы капитализма* и *акулы бизнеса* в указанном значении, которое в настоящее время часто может быть дополнено семантическими компонентами 'олигарх', 'богатый человек, наживший состояние нечестным трудом', извлекаемыми из значений данных фразеологизмов в контекстах. Сравним: — *Скажите, а как конкретно акулы капитализма ущемляют права работяг?* (А. Гамов. Токарь с 50-летним стажем Валерий Трапезников — миллиардеру Арасу Агаларову: «Если вы богаты и у вас личный самолет — надо делиться!» // Комсомольская правда, 2012.04.17) [НКРЯ]; *Моя переводчица с украинского Ангелина Крок из изда-*

тельства *Free Media Ukraine* («Свободная украинская пресса») пояснила, что это значит: если алчные **акулы капитализма** захватят власть — они задушат всякую культуру и демократию, поскольку их цель — нажива (Н. Варсегов. Юлия Тимошенко намерена судиться с Россией // Комсомольская правда, 2006.03.31) [Там же]; *В погоне за сверхприбылью многие акулы бизнеса проигнорировали печальный урок с Lehman Brothers, и ситуация в мире только усугубилась* (Е. Чинкова. Барак Обама: Главное, не вырвать у пациента раньше времени костыли // Комсомольская правда, 2009.09.15) [Там же] и др.

Эти сочетания также могут не содержать оценочных сем, то есть употребляться как обозначения людей или фирм, занимающихся бизнесом. Сравним: «**Акулы бизнеса**» — *новое реалити-шоу о молодых и амбициозных предпринимателях* (<https://www.youtube.com/channel/UCaDmNHM-siu2omaKOE11xAw>) [AA]; *Принципы КСО исповедуют отнюдь не только акулы бизнеса, но и небольшие фирмы* (Е. Забродина. Корпоративная карма // Российская газета, 12.12.2014) [Там же] и др.

Кроме того, лексема *акула* входит в состав фразеологизма *акулы пера*, известного российскому телезрителю в качестве названия передачи «Акулы пера», одной из первых на российском телевидении в формате ток-шоу, участники которого, журналисты, должны были задавать каверзные вопросы приглашенным звездам, провоцируя их на откровенные признания и даже скандалы. В настоящее время фразеологизм *акулы пера* используется в значении ‘журналист’, сравним: *Не только слуги режима, но и знатные борцы с ним, а также акулы пера — все любят отдыхать* (М. Соколов. Советская декада января // Известия, 2014.01.10) [НКРЯ], а также ‘журналист, пишущий на острые, скандальные темы’, сравним: *Он считает, что защититься от расправы со стороны обиженных героев скандальных публи-*

каций *акулы пера* смогут только при помощи боевого оружия (А. Новикова. Журналистам дадут право носить оружие // РБК Дейли, 2012.09.19) [Там же] и др.

Таким образом, первая группа зооморфных номинаций человека как *homo socialis* имеет в своих значениях (в ассертивной зоне) семы: 'власть', 'род занятий', 'общественное положение', 'высокое положение', 'служащий', 'агент', 'чиновник', 'влиятельный', 'невлиятельный' и т. д., — актуализирующие отношения преимущественно институционального типа.

(2) Во вторую подгруппу мы включаем слова и фразеологизмы, которые реализуют социальные семы не в ассертивной зоне значения, а в семантической пресуппозиции. Такие лексемы могут представлять человека как *homo socialis*, а также актуализировать иные характеристики человеческой личности как, например, *homo psychologicus*, *homo intellectus*, *homo biologicus* и др., которые репрезентируются номинациями из сферы «Личное».

В отношении зооморфизмов, называющих человека, значения которых основываются на метафорическом переносе, трудно применить критерий встроенности в парадигматические отношения синонимии / антонимии между словами с социальными коннотациями на периферии значения, который легко используется при выделении существительных и прилагательных в прямом значении, что было показано выше на примере социальных характеристик человека в газетном дискурсе. Исключение составляют некоторые номинации, например, отражающие хронотипы человека жаворонок / сова (*жаворонок*: 'психол. организация психики человека, период активности которого приходится на утренние часы; человек такого типа (противоп.: сова)' [БТСРЯ, 1998, с. 298]; *сова*: 'психол. организация психики человека, период активности которого приходится на ночное время; человек такого типа (противоп.: жаворонок)' [Там же, с. 1225]. Эти

термины стали использоваться в русском языке начиная со второй половины XX века, в том числе и в повседневном общении людей, однако они зафиксированы не во всех толковых словарях. Выделяется еще один хронотип человека — *голубь* ('промежуточный тип, самостоятельное пробуждение утром, несколько позже «жаворонков», активность в течение дня постоянная, без заметных пиков и спадов, ложится спать за час-полтора до полуночи' [Хронотип]), не получивший представление ни в одном толковом словаре. С одной стороны, значения данных слов в ассертивной зоне содержат компоненты, характеризующие человека как *homo biologicus*, с другой — данные биологические характеристики могут непосредственно влиять на социальную активность человека, в частности, на выполнение им трудовых функций, что выявляется из контекстов: — Я — **«сова»** ... *То есть, конечно, если нужно позарез, я могу встать рано утром, работать, ехать куда-то ... Но все равно организм проснется только где-то к 12-ти. Чашка кофе — обязательно* (А. Балужева. Юрий Башмет: «Меня называли и демоном, и Паганини, и Гагариным!» // Комсомольская правда, 2013.01.24) [НКРЯ]; — *Валерий Карпин в этом сезоне порой замечал, что не может «разбудить» команду перед выходом на поле. В этой связи интересно узнать — вы **сова** или **жаворонок**? — Вообще я не люблю ложиться рано, но и режим никогда не нарушаю. Некоторые игроки любят поспать перед матчем еще и в середине дня. У меня это не получается — люблю бодрствовать днем, настраиваюсь на игру мысленно* (А. Лисин. Защитник «Спартака» Марек Сухи: Второй Видич? Первый Сухи! // Советский спорт, 2010.05.06) [Там же] и др. Как видно из иллюстративных контекстов, люди сами подчеркивают, что их хронотип сказывается на выполнении ими определенной работы.

Таким образом, для зооморфных номинаций человека критериями включения в данную группу являются возможность прак-

тически в равной степени актуализировать как социальные, так и психологические, интеллектуальные и иные характеристики человека, а также наличие социального компонента в презумпции, которая не может быть подвергнута отрицанию. В соответствии с данными критериями во вторую группу мы включаем следующие лексемы и фразеологические сочетания (представлены текстовые фрагменты, в которых присутствуют номинации человека в соответствии с его поведением в ситуациях институциональных отношений (в первом примере) и неинституциональных отношений (во втором примере)):

— **белая ворона** ‘о человеке, резко выделяющемся среди других, непохожем на окружающих’ [СлРЯ, т. 1. с. 78]: *Среди своих коллег — директоров ДЕЗов и управляющих соответствующих компаний — Татьяна Георгиевна — “белая ворона”* (Комendant Татьяна. Посадить всех на счетчик // Труд-7, 2004.11.24) [НКРЯ]; — *Прошло ли у вас с возрастом ощущение того, что вы белая ворона?* (Г. Галкина. Марион Котийяр: «Я могу жить только любовью. Правда, мне еще нужно немного воды и еды» // Труд-7, 2009.07.15) [Там же];

— **волк (волчара)** ‘нахал, рвач, человек с хищническим, потребительским характером, эгоист’ [Елистратов, 2000, с. 70]: *Все члены Политбюро вышли из крупных партийных организаций или министерств и тянули за собой земляков и товарищей. А Андропов — одинокий волк* (А. Велигжанина. Принцип Юрия Андропова: Можно ссориться с женой. Но ни в коем случае — с интеллигенцией // Комсомольская правда, 2014.06.19) [НКРЯ]; *Матёрый волчара из ЦК КПСС сделал шоу-бизнесменов как деток: вспомним, сколько лет он «любил нам мозги», призывая с высоких трибун к бескорыстным свершениям во имя торжества коммунизма* (Е. Попова. Юбилей негодяя-2. Горбачев не достоин ордена Андрея Первозванного // Новый регион 2, 2011.04.13) [Там же];

— *Обычно герой вашего кино — одинокий волк, а тут у него семья, дети и слово «дом» — пароль в телефоне* (Е. Силаева. «Когда мир стоит на пороге перемен, появляются фильмы про эпидемии» // Известия, 2013.06.21) [Там же];

— *волк в овечьей шкуре* ‘о лицемере, человеке, прикрывающем свои дурные намерения, действия маской добродетели’ [СлРЯ, т. 1. с. 204]: *Конечно, все это отнюдь не означает, что Обама холодный, калькулирующий политик, прикинувшийся любящим отцом; такой вот волк в овечьей шкуре, покушающийся на Красную Шапочку* (Мэлор Стурау, Миннеаполис. Делать жизнь с кого ... // Известия, 2010.11.22) [НКРЯ]; *ТЕЛЕЦ. Будьте внимательнее, чтобы волк в овечьей шкуре не пробрался в ваше окружение* (Астрологический прогноз // Труд-7, 2007.10.05) [Там же];

— *гусь* ‘перен. о ловкаче, пройдохе, мошеннике; в некоторых выражениях: разг. хорош (или каков) гусь [Лопатин и др., 2009, с. 138]: *«Заболел» на четыре недели. Так решил: будь что будет! Удивительно, но по возвращении с сессии меня не уволили. Директор сказал, что я, конечно, гусь, но он уважает такое стремление к образованию* (С какой целью вы брали фиктивный больничный? // Труд-7, 2009.04.28) [НКРЯ]; *Но больше, конечно, осуждали китайца, который выкинул на произвол судьбы родных людей, да еще и обобрал. Хорош гусь. У автора этих строк — опытного работника массовой прессы — сразу закрались сомнения: а не врут ли коллеги?* (Д. Завгородняя. Китаец отсудил у жены 120 тысяч за некрасивого ребенка // Комсомольская правда, 2013.11.08) [Там же];

— *заблудшая овца* ‘о человеке, оторвавшемся от своего круга, общества, семьи и т. п., сбившемся с правильного жизненного пути [СлРЯ, 1999, т. 1, с. 494]: *Двадцать пять профессионалов, да еще с идеальным характером, собрать невозможно. Но ког-*

да ты знаешь, что у тебя есть достойные вожаки в команде, можешь быть спокоен: какая-то **заблудшая овца** свои условия диктовать не будет (Н. Петухов. Нельзя оскорблять подчиненных // Труд-7, 2008.05.19) [НКРЯ]; Читая “**заблудшим овцам**” проповедь, он обратил внимание на молоденькую девушку, не сводившую с него глаз (Погасшая свеча // Аргументы и факты, 26.01.2000) [АА];

— **зверь** ‘о чрезвычайно жестоком, свирепом человеке’ [СлРЯ, 1999, т. 1, с. 602]: *Генерал Калачов считался извергом и зверем по всей Растеряевой улице* (Гл. Успенский. Нравы Растеряевой улицы) [Там же]; *Однажды Петр, Катин муж, пьяный, долго и жестоко колотил Катю, потом тут же в кухне, сидя, заснул. Петенька решил избавить Катю от этого зверя* (В. Вересаев. В юные годы) [Там же];

— **кукушка** ‘мать, бросившая или подбросившая кому-либо ребенка’ [Елистратов, 2000, с. 219]: *Между тем, пока мать-кукушка задержана и против нее возбуждали уголовное дело, пока подкидыш Костик в больнице становится с каждым днем улыбчивее, все больше забывая про предательницу-мату, сегодня сотрудники ПДН забрали из дома и старшего сына Насти — Максиму, больного детским церебральным параличом, неходячего, но доброго и хорошего малыша* (Л. Максименко. Полицейские в Кузбассе нашли мать, которая увезла годовалого сына за 100 км и подбросила в подъезд чужого дома // Комсомольская правда, 2012.01.12) [НКРЯ]; *Как быть, если жена — «кукушка»? Прожили 10 лет в браке (Что делать, если жена «кукушка»? // Комсомольская правда, 2012.01.10) [Там же];*

— **морж** ‘любитель зимнего плавания в открытых водах’. Секция **моржей**. Соревнования **моржей** [СлРЯ, т. 2, с. 299]: *Какой-то морж из локомотивских оголяет торс и с видом завоевателя поворачивается к болельщикам «Атлетика»*

(С. Кузовенко. Греков грели сигареты, басков — песни ... // Советский спорт, 2012.02.21) [НКРЯ]; *Ангелина Вовк на Крещение ныряет в прорубь. «Я морж со стажем, — смеется Ангелина Михайловна. — Я и Олега Газманова вдохновила на этот подвиг»* (Знаменитости окунулись в крещенскую воду // Труд-7, 2010.01.20) [Там же];

— **наседка** ‘доносчик, осведомитель, ябеда; ненадежный человек, способный предать; ср. угол. «наседка» — подозрительный человек; тот, кто подсажен в камеру для получения сведений об арестованных’ [Елистратов, 2000, с. 273]: *Название таким сокамерникам придумали разные. «Курица», «наседка», «кумовской» и так далее. Все про них уже написано и даже удивительно, что до сих пор есть люди, случайно попавшие в тюремную камеру, которые ничего про подсадных уток не слышали* (А. Адашев. Лукьяновка: тайны «каменного мешка» // Криминальный отдел, 2010) [НКРЯ]; кроме того, судя по контекстам это слово имеет значения ‘человек, проявляющий заботу о ком-то’, не зафиксированное словарях, но актуализирующееся в контекстах, в том числе в составе сравнительного оборота, например: *И от тренера, у меня он самый лучший в мире. «Чёгин — как наседка. Мы — его цыплята»* (Р. Карманов. Отметка Канинькиной. Трехкратная чемпионка мира с дипломом математика сдала экзамен «Советскому спорту» // Советский спорт, 2011.09.27) [Там же]; *Мать-наседка сопровождает каждое действие ребенка, и тот привыкает, что она всегда рядом, привыкает вместе с ней думать и чувствовать* (Н. Петрова. Один на один с ребенком // Труд-7, 2000.07.15) [Там же] и др.; и ‘женщина, живущая узкими интересами домашнего хозяйства’, например: *Он — артист, с головы до пяток, ему нужна женщина — на высоте его таланта и его судьбы; а она — просто наседка, ограниченная, тошная, кислая, больная* (П. Боборыкин. Труп, 1892) [Там же] и др.;

— **орел** ‘о человеке, отличающемся мужественной красотой или удачью, отвагой, смелостью и т. п.’ [СлРЯ, т. 2, с. 638]: — *Славный у тебя комбат — Горбунов. Умный офицер ... — Орел, — подтвердил с неожиданной горячностью майор* (Г. Березко. Ночь полководца) [Там же]; *Как же, он, такой весь орел, а жена у него не рожает* (Н. Варсегов. «На Кавказе торговля детьми — дело почти святое» // Комсомольская правда, 2013.04.10) [НКРЯ];

— **паук** ‘разг. о том, кто жестоко эксплуатирует кого-либо’ [СлРЯ, т. 3, с. 34]: — *[Миловидов] был подрядчиком на шахтах, вернулся в село перед войной, стал держать тайный шинок с закладом ... Такой паук, ростовщик, — все село высосал по мелочам* (А. Толстой. Хмурое утро) [Там же]; — *Что тебе от меня надо, психопат? — заскулил Фрам. — Вы свою долю получили. — Паукмирод, — восхитился Юрка. — Что нам от тебя надо? — сказал Димка. — Как ты думаешь, Юрка?* (В. Аксенов. Звездный билет // Юность, 1961) [НКРЯ] — в данном значении слово в настоящее время используется редко, чаще оно употребляется в составе слова *человек-паук* (об этом см. ниже);

— **пес** ‘о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками’ [СлРЯ, т. 3, с. 113]: *Всем тунеядцам — осужденье, Всем псам, терзавшим бедняков!* (А. Богданов. Интернационал) [Там же]; в оттенке значения *пес* представлен как лексема, которая используется обычно с определением ‘прост. употребляется как бранное слово’: *[Марфа:] Тьфу, пес лупоглазый, и говорить с тобой не хочу* (Л. Толстой. От ней все качества) [Там же]; — *Не могла Ольга с Константином жить. Сдается мне, что изменял он ей. Вот ведь пес какой!* (В. Ажаев. Далеко от Москвы) [Там же] — в современном газетном дискурсе в этом значении слово практически не встречается, используется, как правило, в составе сравнительных оборотов, например: *ДиКаприо здесь словно пес, сорвавшийся с цепи* (создается образ злого

как собака человека) (РБК Daily. Овца в волчьей шкуре // РБК Дейли, 2014.01.31) [НКРЯ];

— **пиявка** ‘разг. о том, кто живет за счет чужого труда, ведет паразитический образ жизни’ [СлРЯ, т. 3, с. 129]: *[Большов:] Целовальник был не одной пиявкой, которая сосала кровь фабричного народа* (М. Горький. Рабочие пишут историю своих заводов) [Там же]; *Присосалась эта пиявка так, что и не оторвешь! Высасывала из него деньги, врал на каждом шагу, все время подслушивала, изворачивалась, сплетничала, наговаривала то на меня, то на Анечку всякую гадость, а Андрей и верил ей, змее. И чуть что, сразу в крик. Говорила ему: «Давай лечиться, ведь сопьешься скоро!»* (С. Сергеевна. Ведьма издевалась над семьей // Труд-7, 2005.12.08) [НКРЯ];

— **подсадная утка** ‘о человеке, пользующемся близостью к кому-либо или вхождением в какую-либо организацию, в какие-либо круги для получения достоверной информации’ [БТСРЯ, 1998, с. 879]: *Участники заседания неофициально высказали мысль, что Толстов — просто подсадная утка, которой велели взять вину на себя* (Е. Низамова. Начался суд над водителем Lexus-убийцы // Комсомольская правда, 2010.04.20) [НКРЯ]; *В конце 80-х в одной из программ «Взгляд» журналисты проводили по тем временам смелый эксперимент: положили мужика зимой в подземном переходе и уселись в засаде ждать: как быстро найдется кто-нибудь сердобольный. Долго ждали. А народ все шел мимо и «никто не повернул головы кочан». Наконец, когда «подсадная утка» совсем замерзла, нашелся неравнодушный — сорвал с тела шапку и ушел* (С. Черных. Человек человеку москвич? // Комсомольская правда, 2005.12.06) [Там же];

— **попугай** (часто в составе сравнительных оборотов) ‘перен. разг. тот, кто не имеет собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова’ [СлРЯ, т. 3, с. 298]: *Один Катенин знает*

свое дело. Прочие — **попугаи** или *сороки Инзовские* (А. Пушкин. Письмо П. А. Плетневу, 7 января 1831) [Там же]; — *У тебя своих мозгов нет? Ты **попугай** — повторять за другими? — кричала она* (М. Трауб. Домик на Юге, 2009) [АА];

— **сорока** (часто в составе сравнительных оборотов) ‘разг. о болтливом человеке; о сплетнике, сплетнице’ [СлРЯ, т. 4, с. 203]: [*Городничий:*] *Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые, сплетни сеете, **сороки** короткохвостые!* (Н. Гоголь. Ревизор) [Там же]; — *Костик, правда, Люба стала красавицей? Посмотри на нее. Люба вспыхнула, встала и отодвинула свою чашку. — Перестанешь ли ты наконец! **Сорока!*** (К. Паустовский. Далекие годы) [Там же];

— **хамелеон** ‘перен. человек, который часто меняет свои мнения, взгляды, симпатии применительно к обстановке или в угоду кому-либо’ [СлРЯ, т. 4, с. 591]; *Потому что она — по определению — социальный **хамелеон**, меняющий окраску в соответствии с ландшафтом* (А. Архангельский. Гражданин // Известия, 2004.08.03) [НКРЯ]; *Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух: — Что за **хамелеон** эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра* (И. Тургенев. Ася) [Там же];

— **хищник (хищница)** ‘перен. тот, кто наживается, обогащается на разорении, ограблении, эксплуатации кого-либо’ [СлРЯ, т. 4, с. 129]: *Гецевич всю жизнь хлопотал и ходатайствовал по судебным местам за крестьян, отстаивал крестьянские мирские интересы против интересов кулаков, плутов и всяких **хищников*** (Гл. Успенский. Через пень-колоду) [Там же]; *В тюрьме есть два типа людей: **хищники** и жертвы. Если ты будешь жертвой, то с тобой произойдет множество плохих вещей. Если ты **хищник** — тебе придется делать множество плохих вещей* (В. Иванова. «Успех — это когда здоровы и счастливы твои

дети» // Известия, 2012.11.08) [НКРЯ]; кроме того, в словаре отмечено устаревшее значение, в современной речи не использующееся: ‘похититель, вор’ [СлРЯ, т. 4, с. 129]: *Будочник Иван Федосеев встретил на заборе хищника. — Стой, подлец! — энергичски произнес будочник, неколеблящейся рукой хватая вора за полу* (Гл. Успенский. Сторона наша убогая) [Там же]; слово женского рода — **хищница** — характеризует качества человека, относящиеся преимущественно к личной сфере, например: *Выходило, что юная хищница, от которой один муж уже сбежал, собирается теперь сесть на шею любимому Димочке и ещё своего ребенка туда усадить* (Н. Прибутковская. Будьте моей бабушкой // Труд-7, 2009.10.08) [НКРЯ]; *Звезда, красавица, сексуальная террористка, алкоголичка, психопатка, хищница, акула, мисс бюст, многодетная мать — это все она, великая и несравненная Элизабет Тейлор* (Кто боится Элизабет Тейлор // Труд-7, 2007.02.27) [Там же];

— **червь** ‘о ничтожном, приниженном человеке’ [СлРЯ, т. 4, с. 662]: *Я переложил топор в другую руку и начал медленно обходить соперника по кругу: — А о чём же ещё ты можешь говорить, лабораторный червь? С этими словами я кинулся в атаку* (Я. Кудлак. Симбиоз // Наука и жизнь, 2009) [НКРЯ] (в современном газетном дискурсе в этом значении слово не встречается); — *Я полчаса назад тому был орел и, червь теперь, познал, как мало нужно жизни времени и усилий, чтоб сломить гордость человеческого духа* (М. Горький. Грустная история) [Там же].

В данную группу можно включить слова и выражения, в значениях которых социальные семы фиксируют только словари жаргона, хотя в литературно-художественных и газетных контекстах они активно используются для обозначения *homo socialis*. Например, слово *бык* в лексикографических источниках в значении, относящемся к человеку (только в нескольких словарях),

представлено как ‘разг. о крупном, здоровом, сильном (обычно упрямом) человеке’ [БТСРЯ, 1998, с. 107] и ‘рэкетир, налетчик’ [Елистратов, 2000, с. 52], а также ‘так называемый «новый русский»’ [Там же]. Анализ литературного (преимущественно в детективном жанре) и газетного дискурсов показывает, что слово *бык* с начала 90-х годов довольно часто используется в значении ‘бандит, имеющий характерную внешность: здоровый, накачанный, сильный, обычно с золотой цепью на шее’, ‘боец криминальной структуры’: *Если человек хорошо стреляет, ему никакие отморозки, никакие «быки» накачанные не страшны* (А. Белозеров. Чайка, 2001) [НКРЯ]; *Хотя теперь и «быки», в смысле бойцы структур, которые принято называть криминальными, уравнины в правах с Юпитером, то есть с представителями власти* (Е. Козырева. Дамская охота, 2001) [Там же]; *Быки Гаврилова, уразумев неладное, отшивырнули Рыкалову и сунулись было в люк, но из подпола полыхнул выстрел: в кармане у Олега оказалась пистолет, и Кузнецова им воспользовалась* (П. Акимов. Плата за страх, 2000) [Там же] и др.

Обратная ситуация наблюдается со словом *олень*: здесь словарь жаргона фиксирует социальную семантику, а в литературном и публицистическом дискурсах она практически не актуализируется. Например, существительное *олень* в газетном корпусе НКРЯ используется преимущественно в прямом значении как название животного, и только в нескольких контекстах употребляется в отношении *homo socialis*: *Супергонсалес — курьер, у которого есть карта города. Лось — убытки (от loss); менеджер среднего звена. Олень — менеджер высшего звена. Финик — сотрудник финансовой службы на предприятии* (С. Данилова. В каждом офисе есть «финики» и «лоси» // Комсомольская правда, 2005.10.31), а также присутствует в составе слова *олигарх-олень*, образованном, видимо, по аналогии с названием

фильма «Король-олень»: *Олигарх-олень всегда осторожен, всегда на чеку* (М. Чижиков. Зачем шоу-бизнес взялся за перо? // Комсомольская правда, 2007.04.24). При этом в «Большом словаре русского жаргона» [БСРЖ] слово *олень* представлено как полисемант, в некоторых ЛСВ которого присутствуют социальные семы: ‘угол., шутл. - ирон. представитель народов Севера’, ‘угол. человек, не принадлежащий к преступному миру’; а в других ЛСВ актуализируется семантика личных характеристик (молодость, неопытность и др.): ‘мол., угол., пренебр. глупый, наивный, несообразительный человек’, ‘мол. молодой человек, парень’. Помимо прочего, слово *олень* входит в состав жаргонных идиоматических выражений, также репрезентирующих социальные характеристики: *северный олень* ‘угол. азиат’, *фаршированный олень* ‘угол. наивный интеллигент’, *олень с развесистыми рогами* ‘угол., пренебр. глупый, наивный человек, не принадлежащий к преступному миру’.

Кроме того, в современном американском кино (очень популярном в России) активно эксплуатируются образы супергероев, приобретающих в определенной ситуации облик животных (сокол, черная пантера, реактивный енот, россомаха); некоторые слова образуются путем сложения производящих основ с компонентом *человек* или *женщина*, например, *человек-паук*, *человек-муравей*, *женщина-оса*, *женщина-кошка*. В газетном дискурсе эти слова могут использоваться не только как обозначения супергероев, но и как характеристики «обычных» людей, особенно в экспрессивной речи, например: — *Какой ты медвежатник — ты человек-паук!* (А. Дыбин. Человек-паук ограбил 16 квартир в Челябинске // Комсомольская правда, 2012.10.30) [Там же]; *Какая ты женщина-кошка? Найди свой темперамент. Вы согласны с тем, что в душе каждой женщины живет ... кошка?* (Какая ты женщина-кошка? Найди свой темперамент // Аргументен-

ты и Факты, 2008.08.13) [АА] и т. д. Роль супергероев обычно сводится к спасению / уничтожению людей / мира, при этом, как отмечают авторы русского сайта, посвященного героям Marvel, «все новые герои графических новелл в США выходили в зависимости от внешних факторов, реальных исторических событий и оказывали сильное влияние на умы своих поклонников» (Кино Марвел. <http://kinomarvel.info/supergeroi-marvel-kak-rozhdalis-geroi-kinovselennoj/#toc-7>). В связи с наличием в значении коннотации, связанной с социальной ролью, мы считаем возможным включить зооморфизмы, называющие супергероев комиксов, в ЛСГ «Зооморфные номинации *homo socialis*».

Таким образом, вторая группа представлена словами и фразеологизмами, которые реализуют социальную семантику на ближней периферии значения наряду с иными характеристиками человека, при этом интересно, что большая часть слов имеет негативную коннотацию, например, *бык*, *гусь*, *зверь*, *хищник* и др. Социальность человека в номинациях данной группы реализуется в связи с такими феноменами жизни общества, как:

— отношение человека к другим людям и других людей к нему, что передается посредством сем ‘выделяющийся’, ‘среди других’, ‘дурные намерения’, ‘непохожий на окружающих’ и т. д.;

— выполнение им определенной социальной роли, что передается посредством сем ‘мошенник’, ‘супергерой’, ‘боец’, ‘криминальная структура’, ‘наживается’, ‘за счет других’, ‘ограбление’, ‘эксплуатация кого-либо’, ‘паразитический образ жизни’ и т. д.;

— способность человека иметь собственное мнение, быть независимым, что передается посредством сем ‘повторять’, ‘менять’, ‘чужие мысли’, ‘мнение’ и т. д.

(3) Третья подгруппа объединяет существительные, значения которых актуализируют социальную семантику только

в прагматической пресуппозиции. Это слова, социальная коннотация в значениях которых проявляется ситуативно, поэтому она не представлена ни в дефиниции, ни в иллюстративном материале, а также редко реализуется в контекстах. В этом случае речь идет об оценке интеллекта (*баран, осел* и др.), чертах характера (*ленивец, мышка, павлин* и др.), внешних качествах (*кабан, слон, глиста, жираф* и др.), отношении к нему других людей, чаще всего негативном (ср. ругательства *козел, сука, собака, овца* и др.), то есть о признаках, не связанных с социальной ролью человека или другими особенностями, проявляющимися в сфере институциональных отношений.

Таким образом, анализ зооморфизмов, называющих человека, позволяет выделить языковые единицы, характеризующие его как *homo socialis*. Ядро группы составляют слова и фразеологизмы с социальной семой в ассертивной зоне значения (*горилла, морской волк* и др.). Ближняя периферия группы включает лексические и фразеологические единицы, в значениях которых социальная семантика реализуется в семантической пресуппозиции. Социальная сема в значениях таких слов может быть реализована:

— на ближней периферии значения и в контекстах (*белая ворона, зверь, хищник* и др.);

— на ближней периферии значения, но при этом она может отсутствовать в современных контекстах (*червь*);

— в контекстах, но при этом она может отсутствовать в значении — в составе базовой и дифференциальных сем (*сова, жаворонок, голубь*).

Проанализированные зооморфные номинации имеют преимущественно негативные коннотации, что подтверждает наблюдения других исследователей: «При восприятии зооморфного мира человеком представители животного мира выступают, чаще всего,

как эталонные носители отрицательных черт характера человека» [Гукетлова, 2009]. Кроме того, ряд относительно новых, но актуальных слов не зафиксирован в словарях (например, названия супергероев: *человек-паук*, *женщина-кошка* и др.), хотя они активно используются в газетном дискурсе не только для обозначения американских супергероев, но и в качестве характеристик обычных людей. В данной части работы представлены лишь некоторые зооморфизмы, называющие человека с точки зрения социальных характеристик, с целью демонстрации методики анализа.

ЦВЕТОВЫЕ НОМИНАЦИИ НОМО SOCIALIS. Цветообозначения в русском и других языках привлекают исследователей, рассматривающих цвет в аспекте когнитивной, психолингвистической, этнокультурной, антропологической парадигм в синхронии и диахронии [Братчикова, 2006; Василевич и др., 2005; Ермакова, 2007; Кезина, 2010; Колесникова, 2009; Кульпина, 2002; Лукашенко, 2011; Фрумкина, 1984; Чистякова, 2009 и др.]. «Без преувеличения можно сказать, что имена цвета неизменно находятся в фокусе внимания сменяющих друг друга научных парадигм, и каждая из них выдвигает по отношению к цветообозначениям новые проблемы и новые исследовательские задачи» [Ермакова, 2007, с. 6]. Наша задача — рассмотреть адъективные, субстантивные цветовые номинации, а также фразеологизмы и неидиоматические составные наименования с цветовым компонентом в аспекте актуализации социальной семантики.

Материал извлечен из толковых словарей, включающих лексику разных социальных идиомов, а также из газетных текстов, содержащих сравнительно новые номинации, отсутствующие в лексикографических источниках. Привлекались словари, репрезентирующие лексику с XI по XXI века, поскольку «вопросы, связанные с механизмом семантических изменений, их причинами, классификацией и, что самое важное, с исследованием закономер-

ностей этих изменений, до сих пор не получили в современном языкознании логического завершения, хотя глубоко и тщательно прорабатывались» [Кезина, 2010, с. 5]. В результате выборки было собрано 63 языковых факта, проанализировано 548 контекстов.

Большая часть номинаций, зафиксированных в словарях, аккумулирует социальные семы прежде всего в ассертивной зоне значения.

Прилагательное *зеленый* представлено в словарях лексики XI—XVII и XVIII веков только как цветовая характеристика неодушевленных объектов. В качестве обозначения человека оно появляется в «Словаре русского языка»: ‘перен. очень юный, не достигший зрелости; неопытный вследствие молодости’: *Зеленый юнец. Воспоминание о той минуте — не доставляло мне ни малейшего удовольствия. Я вел себя как самый **зеленый** гимназист* (В. Короленко. С двух сторон) [СлРЯ, т. 1, с. 606] (социальные семы: ‘не достигший зрелости’, ‘неопытный’; в иллюстрациях сочетается с социальной лексемой *гимназист*). В «Толковом словаре языка Совдепии», содержащем обозначения реалий и идеологем советского периода, представлен субстантиват *зеленые* ‘обиходное название членов контрреволюционных партизанских отрядов, скрывавшихся в лесах в годы гражданской войны’: *Зеленые, синие, бурые — сходились друг другу в масть, но мы отстояли, товарищ, нашу советскую власть* (А. Прокофьев. Стихотворения и поэмы) [Язык Совдепии, 1998, с. 215] (ядерные социальные семы: ‘член’, ‘контрреволюционные’, ‘партизанские’, ‘отряды’). Интересно, что в «Словаре русского языка» [СлРЯ] данное значение не представлено, видимо, в связи с тем, что к середине XX века, когда начал создаваться данный лексикографический источник, оно утратило актуальность и не относилось к общеупотребительной лексике, которую включает словарь. Однако негативная социальная коннотация значения

слова *зеленый* сохранилась в фонде арготической лексики: *зеленый* ‘осужденный за партизанскую войну против Советской власти в Западной Украине, Прибалтике и др.’: *Локарь срок мотал еще при Сталине, когда в лагерях было полно зеленых* [Грачев, 2003, с. 350] (пересечение между ними находим в семе ‘партизанский’ и в семах ‘контрреволюционный’ и ‘против Советской власти’, указывающих на противоправность деятельности, хотя, очевидно, речь идет о разных партизанах: в первом случае — времен гражданской войны, а во втором — о «лесных братьях» в Прибалтике и «бандеровцах» на Украине, действовавших в 1940—1950-е годы; значение лексемы *зеленый*, вероятно, мотивировано тем, что партизаны, как правило, скрывались в лесах, хотя словарь не дает комментария, который указывал бы на это, однако в иллюстрации к лексеме *партизан* есть отсылка к объекту «лес»: *В этих лесных местах очень храбро и неуловимо действовали партизаны. Они разрушали мосты, пускали под откосы немецкие поезда, нападали на гарнизоны в деревнях* (Ф. Гладков. Павлушкины голуби) [СлРЯ, т. 3, с. 26.]). Кроме того, семантика противоправной деятельности сохраняется в значении омонимичного арготизма *зеленый*⁵ ‘член воровской группировки, грубо нарушающий режим ИТУ’: *Как-то администрация попыталась договориться с зелеными ...* [Грачев, 2003, с. 350]. Таким образом, судя по репрезентации слова *зеленый* в лексикографических источниках, интегрированная в некоторые его значения и семантические дериваты социальная семантика, отсылающая к явлениям противоправной, в том числе контрреволюционной деятельности, в середине XX века утратила актуальность; перечисленные лексемы исчезли из фонда общепотребительной лексики, но сохранились в жаргоне.

В «Словарных материалах» О. В. Григоренко среди названий человека, появившихся в русском языке в конце XX — начале XXI века, снова появляется лексема *зеленый* со значением

‘член организации’: ‘исламисты представители исламистских организаций’ [Григоренко, 2009, с. 150], при этом в иллюстрации актуализируется негативная социальная коннотация, связанная с революционной деятельностью: *Кризис легко приводит к дестабилизации. В качестве вариантов называют сразу два типа революций — оранжевую и зеленую. Ни та, ни другая России не нужна, хотя опыт подсказывает, что с зелеными (то есть исламистами) ей договариваться сподручнее, чем с оранжевыми* (Новая газета, 23.03.2009) [Там же].

В газетных текстах в этот период функционируют семантические новообразования, также имеющие социальные коннотации: *зеленые* (сокращенное наименование Российской экологической партии «Зеленые»): «**Зеленые**» и социал-демократы объединились в единый альянс (А. Кашеварова. Фетисов объединился с Гудковыми и Пономаревым // Известия, 2014.01.25) [НКРЯ]; неидиоматическое составное выражение *зеленые человечки* (они же «вежливые люди» — эвфемизм для обозначения военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации в военной форме без знаков различия, блокировавших стратегические объекты в Крыму во время крымского кризиса): «**Зеленые человечки**», находившиеся в Крыму, были российскими военнослужащими, следует из ответов Путина в четверг в ходе прямой линии (М. Рубин. Президент объяснил политику по отношению к Украине, Европе и США // РБК Дейли, 2014.04.18) [Там же]; в другом значении *зеленые человечки* — это инопланетяне: *Ведь «мертвые души» регистрируют на «полтора квадратных метрах» не абстрактные зеленые человечки из числа неуловимых инопланетян, а самые обыкновенные чиновники* (А. Гамов, А. Гришин. Прописал в однушке триста мигрантов? Сам пойдешь в казенный дом! // Комсомольская правда, 2013.01.12) [Там же]. Нужно отметить, что в контекстах не содержится резко негативной оценки.

Социальный компонент в ассертивной зоне значения содержит и прилагательное *красный* ‘относящийся к революционной деятельности, революционный; связанный с Советским строем, с Красной Армией. <...> || до революции — крайний левый по политическим убеждениям; революционно настроенный’ [СлРЯ, т. 2, с. 122]. Более подробное описание данная номинация имеет в «Толковом словаре языка Совдепии», где *красный* — это полисемант, имеющий три значения, два из которых непосредственно связаны с социальной характеристикой человека: ‘относящийся к революционной деятельности; связанный с советским строем, с Красной армией’ и ‘коммунист, сторонник советской власти; боец Красной Армии’ [Язык Свдепии, 1998, с. 290—292]. При этом словарная статья включает неидиоматические составные наименования, соотносимые с реалиями первых лет Советской власти: *красный командир* (‘лицо, принадлежащее к командному составу Красной Армии’); *красные конники* (‘бойцы конных соединений С. М. Буденного’); *красный юнкер* (‘курсант военного училища, перешедшего на сторону Советской власти во время революционных событий 1917 года’); *красный профессор* (‘выпускник Института красной профессуры, преподаватель общественных дисциплин’); *красный курсант* (‘воспитанник военного училища, перешедшего на сторону Советской власти во время революционных событий 1917 года, воспитанник советского военного училища в первые годы советской власти’) [Там же, с. 290].

В современном газетном дискурсе функционируют неидиоматические составные наименования с прилагательным *красный*, обозначающие реалии более позднего времени: *красные директора* (‘руководители предприятий в 90-е годы, работавшие еще в период существования Советского Союза’): *Были среди них и «красные директора», но большая часть этих гениев хозрасчета, которых пятью-шестью годами ранее воспевал «Прожек-*

*тор перестройки», не смогла отразить напор новоиспеченных банкиров и корпоративных рейдеров, умевших к тому же лучше находить общий язык президентской командой реформаторов (А. Бирман. Роковая ошибка «ресурсократов» // Известия, 2014.02.21) [НКРЯ]; красные губернаторы (‘губернаторы, являющиеся членами КПРФ’); красные блогеры (‘активисты от КПРФ, занимающиеся пропагандистской работой в Интернет-сетях’): Если это будет в грубой форме, дескать, мы — «**красные блогеры**», наш отряд скачет по сетевой степи, это будет не очень удачно, ведь кавалеристским наскоком такие вещи не решаются (С. Субботина, С. Звезда. Коммунисты выпускают первую партию «красных блогеров» // Известия, 2013.07.19) [НКРЯ]. Таким образом, можно предположить, что с учетом исторического контекста и довольно активной роли Коммунистической партии РФ в настоящее время прилагательное *красный* может мотивировать появление новых значений и выражений.*

В «Словаре тысячелетнего русского арго» представлены омонимы: *красный*¹ имеет социальную семантику в асертивной зоне каждого значения (‘воспитанник ВТК, не соблюдающий воровские законы’ и ‘заклученный-активист в местах лишения свободы’ [Грачев, 2003, с. 447]), а *красный*² является обозначением цвета волос (‘рыжий’ **Красный** мужик тут подходил, спрашивал Слона [Там же]).

Семантически продуктивным является в настоящее время слово *черный*. В «Словарных материалах» О. В. Григоренко данная лексема имеет значение ‘разг. уничиж. о человеке с темным, смуглым цветом кожи; о кавказце или о выходце из некоторых азиатских стран’ [Григоренко, 2009, с. 475]. Лексема маркируется как разговорная и уничижительная. Толковый словарь современного русского языка В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной включает такую же характеристику человека, но безоценочную:

‘с темной кожей (как признак расы), а также (прост.) со смуглой кожей и темными волосами (как признак южного происхождения)’ [Лопатин и др., 2009, с. 870]. В обоих словарях слово *черный* имеет социальную коннотацию, но в словаре Григоренко — еще и негативную окраску, которая имеет место и в неидиоматических составных наименованиях с прилагательным *черный*: *черный археолог, черный брокер, черный дилер, черный копатель, черный маг, черный пиарщик, черный риелтор, черный следопыт, черный юрист*, — значения которых, будучи дифференцированы по признаку ‘род занятий’, объединяются семантикой незаконной деятельности (*черный археолог, черный брокер* и др.) или возможного негативного влияния на окружающих (*черный маг, черный пиарщик*), о чем свидетельствуют семы ‘незаконный’, ‘негативный’, ‘мошеннический’. В газетных текстах появляются и другие составные наименования, которыми можно дополнить список: *На их территорию вторглись киевские военные и черные человечки национальной гвардии* (Э. Лимонов. Самопровозглашенные. Известия, 2014.06.14) [НКРЯ] (военная семантика, мотивированная цветом формы); *Есть, правда, «синие бороды» и «черные вдовы», но понятно, что речь не о них* (В. Топоров. Чум в Охотном Ряду // Известия, 2013.07.01) [Там же]. Кроме того, в публицистике активно используются выражения, указывающие на незаконную деятельность людей: *черные нотариусы* (*Подорожают нотариусы — появятся неофициальные скидки на услуги или черные нотариусы* (М. Бруснев. Налог на сигареты нужно поднять в семь раз // Комсомольская правда, 2013.06.13) [Там же]; *черные скорняки* (*Я с удивлением узнал, что тушками интересуются черные скорняки* (О. Адамович. Как я работал «живодером» // Комсомольская правда, 2013.07.22) [Там же]; *черные бизнесмены* (*Рабовладельческую империю «черные бизнесмены» развернули под Карабашом* (С. Уфимцев. Рабы пять лет вкалыва-

ли на плантации курганского фермера // Комсомольская правда, 2013.04.05) [Там же]; *черные кредиторы* (В магазине электроники «*черные кредиторы*» приобретают на имя нуждающегося человека смартфон, перепродают его и выдают человеку часть вырученных денег (В. Логинов. Банки не желают кредитовать покупку смартфонов // Известия, 2013.08.23) [Там же] и др. Таким образом, негативные характеристики со словом *черный* очень популярны в современном газетном дискурсе.

Словарь русского языка не фиксирует значения и словоупотребления прилагательного *черный*, связанные с незаконной деятельностью людей. Лексема *черный* с социальной семой в ассертивной зоне значения характеризует человека с точки зрения его сословной принадлежности: ‘в дореволюционной России: принадлежащий к низшим, не привилегированным сословиям, к простонародью’ [СлРЯ, т. 4; с. 667—668], а ЛСВ этого слова с социальным компонентом в околядерной зоне — в отношении расы: ‘только полн. ф. темнокожий (как признак расы); в знач. сущ. *чёрный, чёрная* [Там же]; также им обозначается человек, выполняющий тяжелую работу: ‘устар. выполняющий физически тяжелую, грязную работу’ [Там же]. При этом словарная статья включает устойчивые выражения с прилагательным *черный*, характеризующие человека по его сословной принадлежности: *черная кость* (‘устар. о человеке незнатном, не дворянине’) [Там же; 668]; *черные люди* (‘ист. в Русском государстве 12—17 вв. сельское население (черносошные крестьяне) и население посадов, платившее государственные налоги’ [Там же]), а также выражение *черный поп* (‘устар. монах в сане священника’ [Там же]), которое связано с указанием на чин священнослужителей.

Цветовая номинация *белый*, актуализируя социальную семантику в отношении человека, находится в отношениях противопоставления с номинациями *красный* и *черный*. Слово *белый*

фиксируется в лексикографических источниках следующим образом: в ядерной зоне социальная семантика репрезентирована в значениях: ‘действующий против советской власти в период гражданской войны’ [Язык Совдепии, 1998, с. 50], ‘то же, что белогвардеец’ [Там же]; ‘в первые годы советской власти: контрреволюционный’, ‘со светлой кожей (как признак расы)’ [Лопатин и др., 2009, 35]; такие же значения фиксирует «Словарь русского языка», там же представлены фразеологизмы: *белая ворона* (‘о человеке, резко выделяющемся среди других, непохожем на окружающих’); *белая кость* (‘устар. о человеке знатного происхождения’); *белое духовенство* (‘часть православного духовенства, которая не дает обетов строгого воздержания, безбрачия и т. п. в отличие от черного (монашеского) духовенства’) [СлРЯ, т. 1, с. 78]; последнее выражение фиксируется и в «Словаре русского языка XVIII века», в нем представлено и выражение *Белый Царь* (‘почетное название русского царя у восточных народов’ *Азиатские народы Российских Монархов Белыми Царями называли* [СлРЯ XVIII в, вып. 2, с. 196—197].

В газетном дискурсе присутствуют не зафиксированные в словарях номинации, реализующие социальную семантику:

— *белые воротнички* ‘офисные работники’: *Китай для LinkedIn крайне перспективный рынок — конкуренция среди компаний за «белые воротнички» высокая, поэтому обычно сотрудники меняют место раз в два-три года, то есть даже быстрее, чем в Европе и США.* Ю. Калачихина. LinkedIn ищет «белые воротнички» в Китае // РБК Дейли, 2014.02.10 [НКРЯ];

— *мертвые белые мужчины* ‘великие авторы в западном дискурсе’: *Если кто забыл, напомню, что в западном интеллектуальном дискурсе существует понятие «мертвые белые мужчины». Так обычно называют великих авторов западной цивилизации — поэтов, философов, художников, музыкантов, писателей и всё*

в таком духе, внесших величайший вклад в культуру во всем ее многообразии — от самых ее вершин и до самых низов. А. Павлов. Вечная музыка для последнего танца // Известия, 2013.10.28) [Там же];

— *белые вдовы* ‘террористки’: Журналист Арина Холина — о том, откуда берутся «**белые вдовы**». Вчера в международный розыск объявили 29-летнюю англичанку Саманту Луизу Льютуайт — как ее сейчас называют, **Белую Вдову**. Женщину подозревают в организации кенийского теракта, в котором погибли 72 и были ранены 200 человек. А. Холина. Феминизм для террористок // Известия, 2013.09.27 [Там же];

— *белые отбросы* ‘представители белой расы, ведущие аморальный образ жизни’: *Жаркой и душевной ночью белые отбросы приходят сюда, чтобы купить девочку. Это их способ исследовать Восток. Расстегнутое платье, груди наружу, холодные глаза той, кого продают. Манговое безумие в сезон муссонной пещали*. К. Волков. Нуар-эстеты Юго-Восточной Азии поют о дивных безобразиях // Известия, 2014.02.07 [Там же];

— *белые люди* ‘цивилизованные люди, живущие в комфорте’: *Бабушка фермера Прасковья Федоровна Кулинич всю жизнь мечтала ходить по селу как белые люди, не увязая по колено в грязи*. А. Артемкин. Пенсионерка завещала миллион на дорогу в своем селе // Комсомольская правда, 2014.07.01 [Там же].

Синий цвет проявил себя в следующих языковых фактах:

— *синий* (‘вор в законе, придерживающийся ортодоксальных традиций и норм поведения’, ‘профессиональный преступник’ [Грачев, 2003, с. 831—832]);

— *синяя борода*;

— *синий чулок*;

— *синие воротнички* (‘работники, занятые физическим трудом’: «**Синие воротнички**» не согласны — физический труд сильнее сказывается на здоровье (этот довод привели 68 %

опрошенных работников физического труда), и устаешь от него быстрее (с этим соглашаются 33 %). Д. Варламова. Интеллектуальный труд равен физическому по нагрузке // Комсомольская правда, 2012.03.13 [НКРЯ].

Розовый и голубой цвет образуют в сознании современного человека оппозицию как символизирующие различную сексуальную ориентацию людей: *розовая* ('разг. лесбиянка') *На самом же деле современную Германию можно назвать «Меккой» для «голубых» и «розовых»* [Григоренко, 2009, с. 340], *голубой* 'гомосексуалист' и 'заключенный, осужденный за мужеложество' [Грачев, 2003, с. 203]. Слово *голубой* более употребительно, в первом значении часто используется в газетных текстах, поскольку социальная роль гомосексуалиста в настоящее время активно демонстрируется обществу в аспекте борьбы за легализацию сексуальных браков, разрешение проведения гей-парадов, соблюдение правового паритета и т. п.: *Не удивлюсь, если через несколько лет в России тоже разрешат однополые браки, отечественные и иностранные “голубые” парочки начнут активно осчастливливать своей “любовью” российских сирот, а РПЦ начнет рукополагать в священники женщин и геев. Г. Пятов. Обреченные на гомосексуализм // Комсомольская правда, 2013.10.23 [НКРЯ]; В публике укоренилось много мифов о гомосексуальности (и разная она, и излечимая, только они не хотят лечиться и т. д.), в среде гомосексуалов тоже ходят мифы о себе и «натуралах» (все отчасти голубые, каждый подвержен и т. п.). Я как-нибудь напишу об этих мифах. Л. Клейн, Т. Катаева. Профессор в законе: лагерь и природа человека // Знание-сила, 2012 [Там же]). Кроме того, в газетном дискурсе прилагательное *голубой* функционирует в составе выражений *голубые береты* ('о российских десанниках': *Теперь именно так могут отвечать на замечания полиции подданные голубые береты в свой профессиональный праздник. М. Во-**

лодин. Десантуре официально разрешили бить бутылки об головы // Комсомольская правда, 2013.07.31 [Там же:]); *голубые каски* ('о миротворцах ООН': *Даже американской армии было чему у нас поучиться при выполнении миссии в Боснии и Герцеговине, где наши «голубые каски» были в составе американской дивизии, — сказал Золотарев. Н. Сависько. Россия экипирует фиджийских миротворцев* // Известия, 2013.07.09 [Там же]).

Цветообозначения *желтый, коричневый, оранжевый* в применении к людям приобретают значения из общественно-политической сферы:

— *желтый* (*желтые журналисты* 'о журналистах, пишущих на основании слухов и сплетен о жизни известных людей': *Сейчас желтые журналисты, папарацци скажут, и завтра заголовков выйdet «У Кристины Асмус муж полицейский».* М. Небера. Кристина Асмус: «В сериалы не всегда набирают по объявлению!» // Комсомольская правда, 2013.02.05 [Там же:]);

— *коричневые* ('о представителях политической партии': *На сходку собралось около 100 «коричневых». Их главная цель — пройти в ландтаги на выборах, которые состоятся в этом году в ряде восточных земель. У них вполне реальные шансы получить представительства в парламентах Саксонии-Ангальт, Мекленбурга, берлинском сенате.* О. Шевцов (Париж). Чужие здесь не ходят // Известия, 2011.01.17 [Там же:]);

— *оранжевые* ('о представителях оппозиционных политических сил': *«Оранжевые», опасаящиеся русификации Украины, намерены закон заболтать.* Я. Соколовская, И. Являнский. Русский язык на Украине тонет в поправках // Известия, 2012.06.19 [Там же]; *Это очень похоже на ситуацию на Украине в 2004 году, когда еще за полгода до выборов было объявлено, что «оранжевые» признают только те результаты, согласно которым победит Ющенко.* Е. Лукьяница. Оппозиционный блоггер Носик: Путин

все равно победит нечестно // Комсомольская правда, 2012.02.24). Еще несколько десятилетий назад, в XX веке, слово *оранжевый* передавало позитивные коннотации («цвет радости»), что отразилось в известной песне советского периода «Оранжевое небо, оранжевое море...» (впервые исполнена в 1965 году), а в настоящее время, судя по контекстам, на первый план выходит негативная оценка из-за связи с понятием «политический переворот, революция»: *И все оранжевые революции в мире показали, что никто не вышел из этой революции с хорошим государством и с переменами* (В. Якеменко: «Ксения Собчак живет ...») // Комсомольская правда, 2012.05.24)

Большую популярность приобрело в современном русском языке использование цветовых номинаций для обозначений футболистов. Такие отсылки к цвету маркируют принадлежность футболиста к определенной команде и обычно мотивированы цветом формы, которую носят представители того или иного футбольного клуба, например: *Вот ради них «фиолетовые»* (об итальянской команде «Фиорентино» — примеч. наше. — А. Щ.) *и отыгрались, сравняв счет за две минуты*. Е. Седов. ПСЖ проигрывает «Сошо», «Бастия» возвращается на собственный стадион // Советский спорт, 2013.02.18 [Там же]; *«Желтые»* (о дагестанской команде «Анжи» — примеч. наше. — А. Щ.) *пытаются прорваться к чужим воротам, «черно-белые»* (об английской команде «Ньюкасл» — примеч. наше. — А. Щ.) *тоже, но безуспешно*. Д. Бутырский. Пердью не поддались. «Анжи» и «Ньюкасл» настолько промерзли в «Лужниках // Советский спорт, 2013.03.07 [Там же] и др.

Примечательно, что в современном газетном дискурсе цветообозначения часто приобретают переносные значения и выступают в роли обозначений людей, притом по их общественно-политическим ролям и статусам.

ГЛАВА 2. ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СФЕРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Принципы и методы описания социальной лексики в идеографическом словаре

К идеографическому описанию лексики отечественные исследователи, как известно, начали активно обращаться в середине XX века. В 1970 году В. В. Морковкин в работе «Идеографические словари» писал о том, что, несмотря на заметное оживление словарного дела в нашей стране, нельзя говорить о разнообразии лексикографических источников [Морковкин, 1970, с. 4]: «Ярким примером этого может служить тот факт, что русская наука о языке до сих пор не имеет идеографического, или, как его иногда называют, идеологического словаря русского языка, хотя такой тип словаря достаточно хорошо разработан за рубежом» [Там же]. С тех пор ситуация в отечественном языкознании существенно изменилась: разработаны теоретические и практические вопросы идеографического описания лексики разных языковых страт [Абрамов, 2003; Бабенко, 2016; Караулов, 1976, 1981; Кобозева, 2000; Леонтьева, 2013; Морковкин, 1970, 1977; Табанакова, 2001; Теоретическая семантика..., 2014; Уфимцева, 1988; Федосов, 2002; Шеина, 2010; Щерба, 1974; Щур, 1974 и др.]; увидели свет идеографические словари [Баранов, 1990; БТССРР, 2008; РСС, 1998—2003; РИС, 2011; Словарь-тезаурус ..., 2011; Толковый ..., 1999 и др.]. В современных исследованиях и лексикографических источниках систематизирована и описана лексика разных тематических групп, в том числе отдельные группы социальной лексики, например, лексика социально-политической сферы [Балашова, 2006; Будаев, 2011; Воробьева, 2000; Купина, 2015; Чуди-

нов, 2003 и др.], экономических и трудовых отношений [Карпухина, 2007; Китайгородская, 1996; Токарев, 2003 и др.] и т. д. В то же время комплексного описания социальной лексики, принадлежащей разным языковым стратам и историческим периодам, пока не представлено. Поэтому в числе актуальных задач на повестке дня стоит разработка концепции комплексного описания социальной лексики русского языка (до сегодняшнего дня целостно не описанной в отличие от лексики материальной культуры, природы, внутреннего мира человека — эмоций, интеллекта и др.), методики анализа социальной лексики и ее классификации, а также составление непротиворечивого идеографического описания такой лексики.

Идеографическое описание лексики соотносится с системой знаний человека об окружающем его мире, позволяет упорядочить номинации, репрезентирующие предметы, явления, события, действия, свойства и т. д. определенного фрагмента действительности. Задача лексикографа, как известно, состоит в том, чтобы систематизировать языковые факты, выбрав для этого концептуальное основание в соответствии с типом лексикографического издания. Ниже представим основные принципы, на которые мы опираемся при идеографическом описании социальной лексики в словаре соответствующего типа.

Составление идеографии массива слов, описывающих социум во всем его многообразии, основывается на том, что в центр такого описания помещается человек, находящийся в постоянном взаимодействии с другими людьми, обществом, государством, то есть основополагающим принципом исследования является антропоцентричность. Проект идеографического толкового словаря (серии словарей), разрабатываемый научным коллективом, членом которого является автор настоящей работы, основывается на ряде идей, среди которых, во-первых, положение о том, что

социальная лексика отражает основные принципы организации лексической системы русского языка и может быть классифицирована и описана по разным основаниям. Во-вторых, авторами принята идея о двусторонней антропоцентричности словаря: с одной стороны, человек как носитель языка является источником информации о нем («словарь в человеке»), с другой — имеет значение степень объективности передаваемого знания о человеке («человек в словаре») [Дубчинский, 1998, с. 77—78]. Реализация этих положений обусловила выбор материала исследования и логику его включения в словарь.

Материал, который фиксируется в идеографии, представлен лексемами, фразеологизмами, неидиоматическими составными наименованиями, паремиями, которым соответствуют ментальные единицы, характеризующиеся разной степенью устойчивости. Языковые факты извлекаются из толковых словарей [БТСРЯ, 1998, БУСРЯ, 2017; СлРЯ, 1999; ССРЛЯ, 1950–1965; ТСРЯ XXI вв., 2008; Ушаков, 1935—1940 и др.], в том числе из словарей жаргона, русских народных говоров, пословиц и поговорок, исторических словарей русского языка и т. д. [Бирих и др., 2007; БСРЖ, 2001; Грачев, 2003; Иллюстров, 1915; Михельсон, 1896—1912; СлРЯ XI—XVII, 1975—2008; Снегирев, 2014; СРНГ, 1965—2004; Язык Совдепии, 1998 и др.]. Включение в словарь актуальных сегодня и утративших актуальность идеограмм, а также иллюстрирование их лексическими репрезентантами из разных подсистем русского языка позволяет с большой полнотой отразить взгляды людей, относящихся к разным социальным слоям (представителей научного сообщества, традиционного крестьянского социума, преступного мира, молодежи и др.). Следовательно, обращение к стилистически дифференцированным номинациям реализует свойство антропоцентричности идеографического издания как «словаря в человеке».

Это же положение обуславливает выбор для анализа социальных номинаций, принадлежащих разным хронологическим пластам: их включение в словарь позволяет проследить изменения представлений человека о социуме в разные периоды истории. «Этот фактор сегодня также является чрезвычайно значимым и должен учитываться в системе гуманитарного образования, поскольку в условиях глобальных социальных перемен утрата актуальных ранее идеологических компонентов значений является препятствием для адекватного восприятия текстов культуры XX века» [Козырев, 2006, с. 33]. Систематизация социальных номинаций на логико-понятийной основе предполагает прояснение полевой организации языковых фактов, отражающей релевантные для носителя языка связи между предметами, явлениями, действиями, отношениями, свойствами, репрезентируемые в языке. «Множество слов, составляющих лексико-семантическое поле, можно рассматривать как слепок реальности или слепок сознания человека, воспринимающего этот отрезок действительности. Иначе говоря, языковые факты хранят информацию не только об объективной предметной действительности, но и о понятийной сфере как продукте мыслительной деятельности человека, то есть о том, как человек трактует объективную реальность» [Леонтьева, 2013, с. 12].

Так, например, в «Словаре русского языка XVIII века» представлено «описание русской лексики на протяжении века, составляющего очень важный этап в развитии русского языка» [СлРЯ XVIII, т. 1, с. 4]. Источниками для лексикографирования послужили книги русские и книжно-славянские, оригинальные и переводные, произведения художественной литературы (поэзия, проза, драма) и публицистические, научные книги и учебники, деловые документы (из области законодательства, дипломатии, суда, экономики, техники), эпистолярное наследие века, дневни-

ки, записки и т. д. [Там же, с. 5]. Таким образом, данный словарь, как и другие исторические словари, можно рассматривать как гипертекст, содержащий важную информацию об актуальной лексике XVIII века, и, соответственно, как источник описания номинаций *homo socialis*.

Л. Г. Бабенко указывает на особую социологичность словаря как текста, поскольку «он связан с определенным временем, эпохой, социальным устройством общества и в то же время выполняет важные социальные функции — информативную, коммуникативную, нормативную, дидактическую» [цит. по: Плотникова, 2013, с. 47].

Исследование материалов «Словаре русского языка XVIII века» показало, что антропоцентрические номинации занимают значительное место в лексике XVIII века. Семантическому анализу были подвергнуты 650 номинаций человека (только имена существительные), из них большая часть слов (578) характеризует человека как *homo socialis*. Можно выделить несколько лексико-семантических групп (далее — ЛСГ), объединяющих имена существительные с социальной семантикой.

Первая ЛСГ «Профессия, род занятий», самая многочисленная, представлена словами, у которых социальные семы находятся в ассертивной зоне значения. Слова данной группы называют:

— священнослужителей, например: *абыз* ‘священнослужитель у мусульман’ *Чли им в наказе, как станут дочерей своих выдавать, чтоб был татарский абыз, другой русской поп; аббатиса / обатеша* ‘настоятельница женского католического монастыря’ *Авватисса герфортская о претендованных своих денгах в Курляндии предложение чинила;*

— предсказателей, например: *гадатель* ‘предсказатель, прорицатель; гадатель по внутренней из животных’ *Детина моло-*

дой, хотел узнать в перед, Счастливоль он иль нет На свете проживет... И для того велел **гадателя** призвать, И счастье от него свое узнать желает; ‘астролог’ Сл. ин. сл. гадательница; **вещун** простонар. ‘предсказатель, прорицатель’ <Храм> славен был **вещуном** или Оракулом, который будто бы в нем находился; Цыган! что ты делаешь? Ведь ты убьешься! А ты что за чорт? отвечал ему Цыган; не уш ли ты **вещун**? по чему ты ведаешь, что я убьюсь?. — Ср. волхв, ворожей, ворожея, угадчик, оракул, гадатель, прорицатель и др.;

— людей, занимающихся творческим трудом, в том числе изданием и продвижением творчества кого-либо, например: **издатель** ‘создатель, сочинитель, автор’ И хотя 50 000 рублей по вексям к заплачению ... Перпетуум Мобиле в готовности были, то однакож оный торг ради особливаго упрямства **издателя** незаклучен; автор ‘сочинитель книги, документа, музыкального произведения и т. п.’ Устава сего **Автор** Всероссийскии Император, не просто устав сеи издал, но с крепкими резонами или доводами; **баснослагатель** ‘баснотворец’ Стихотворцы и **баснослагатели** стали моими учителями и проповедниками; **панегирист** ‘сочинитель панегириков’ **Естьли бы в сии дни существовал славный оный панегирист Плиний**, котораго перо имело способность толико возвысить дела Траяна, то бы он нашел здесь к прославлению Екатерины еще большее число похвал источников;

— людей, которые занимаются каким-либо физическим трудом, промыслом, изготавливают что-либо, например: **ловец** ‘тот, кто ловит, уловляет кого-либо’ И сам рыболов симон, скоро сотворится **ловец** человеком; ‘тот, кто занимается ловлей зверей, птиц и т. п. как промыслом; охотник’ Некий **ловец** со псами своими елень зело гоняше; охотник ‘тот, кто охотится, участвует в охоте’ Лисица ото псов бежала И от

охотника: *лисицу он травил; бандажист* ‘Мед. Лицо, изготовляющее бандажи’;

— официальное лицо; представителя кого-то или чего-то, например: *агент* ‘лицо без дипломатического звания, официально уполномоченное правительством для политических сношений и наблюдения при каком-либо иностранном дворе’ *Агент Моденскаго Герцога сюда назад возвратился. Ср. секретарь, поверенный*; ‘лицо, посланное в иностранное государство с секретным политическим поручением’ *Тут, сверх того, стекаются разные скрытные Берлинскаго двора агенты*; ‘представитель торгового общества, компании, торговый посредник’ *Агент. Сей чин употребляют более купцы, для надзирания их купчества*; ‘лицо, выполняющее деловые поручения какого-либо частного лица’ *Агент, стряпчей, за делами ходящей*. — Ср. прикащик, поверенный, адвокат; *адъюнк* / *адъюнктус* ‘лицо, придаваемое другому лицу или учреждению для обучения и помощи’ *Крамер взят во академическую канцелярию, при которой поныне обретается адъюнктусом*; ‘помощник и заместитель профессора, академика; должность помощника профессора’ *Адъюнк* *профессора вышней математики*. — Ср. помощник, приданный, товарищ;

— людей, чья деятельность связана с военным делом, например: *адъютант* ‘офицер для поручений при старшем офицере или государе’ *Адъютант ... чтоб пребывал дневно у полковника и у полуполковника или у маеора, или у началнаго офицера ... и по их по велению сказать их указы*; ‘офицер, помощник майора в полку’ *Адъютант Желтухин ... поставил его под ружье, желая тем представить его неисправным в должности и обнести тем у майора Маслова*; *воин* ‘военный; солдат; боец’ *Воину всегда достоинь вооруженному и уметельну быть, такожде и ружье доброе и острое иметь*; *пандур* ‘венгерский пехотинец’ *Он <сербский полковник> начало службы своей толь*

отличнейшим сделает, когда ... двутысячной полк регулярных пандур набрав, в наши границы и службу приведет;

— людей, чья деятельность связана с горным делом, например: *берггауер* ‘горн. рабочий, добывающий в рудниках руду или камень’. — Ср. горосечец, каменосечец, рудокопатель, рудокопщик; *берггешворен* ‘горн. присяжный служитель по горным делам’ *Для розобраня ссор между партикулярными заводчики при межевании рудников и лесов и для посылок по казенным заводам, когда какая нужда потребует, берггешворену.*

С данной группой непосредственно связаны слова второй ЛСГ со значением «Социальное положение», поскольку род занятий человека, живущего в XVIII веке, непосредственно связан с его сословной принадлежностью и положением в обществе. В данную группу входят слова, характеризующие человека с точки зрения:

— сословной принадлежности, например: *боярин / боярин* ‘лицо, принадлежащее к высшему служилому сословию в Русском государстве (до петровских реформ)’ (форма *болярин* преимущ. сохраняется в церковном употреблении в поминании покойных дворян; в нач. в. — в кн.-слав. текстах) *Бояря были первые сановники государства, и в степень сию производились обыкновенно из Окольничих, хотя ... и из Стольников в сию степень жаловались; пан* ¹ ‘лицо привилегированного сословия (в Польше, Литве и в юго-западной части России); помещик, богатый человек’ *Град Глухов земской ...; а в нем жителей богатых много, панов;*

— общественного статуса, например, наличия титула: *августа* ‘титул греческих императриц’ <Дочь византийского императора> *приятна бысть братом в соцарствование, и Августою учиненна; падишаг* ‘титул турецкого султана’ <Шейх Мекки> Султана *Падишаг, то есть Императоре ... называше* — Ср. султан;

— принадлежности к социальному классу, сравним, например: *бедняк* ‘простореч. неимущий, бедный человек’ *Дело знатного богача с невинным бедняком*; *барин*, ‘прост. помещик, господин (по отношению к своим крестьянам и дворовым слугам)’ *Барин подушных не заплатит*;

— места во власти (вышестоящий / нижестоящий): *батырь* ‘старейшина (у башкир и некоторых других народов)’ *Около Уфы живет Башкирский народ деревнями, а иные и кочевые, веры Магометанской, которые имеют своих Батырей, то есть первейших Старшин*; *начальник* ‘тот, кто является старшим, главным; руководитель’ *Во избрании начальников на красоту внешнюю неподобает смотреть, но на красоту душевную.*

Интересно отметить, что в данной группе преобладают слова, называющие людей, имеющих в той или иной степени привилегированное положение в обществе.

Третья ЛСГ «Религиозная, конфессиональная принадлежность» включает обозначения людей, имеющих разное вероисповедание, например, *басурман* ‘не христианин, магометанин’ *А ныне тою церковью владеют арапы басурманы*; не имеющих вероисповедания, противящихся богу, например, *безбожник* ‘тот, кто отрицает бытие бога; сторонник безбожия’ *Наипаче противятся заповеди сей, котории ... или не веруют Бога быти, котории суть безбожники: или не веруют быти промыслу и суду Божию; безверник* ‘безбожник’ *Ходят под видом святыни, а является в них большая часть безверников*; принадлежащих к разным конфессиям, например, *бабтисты* ‘то же, что анабаптисты’ *Примечанию достойны Анабабтисты, или как они сами себя называют Бабтисты.*

Четвертая ЛСГ со значением «Национальность, место жительства» включает лексемы, называющие представителей разных рас, национальностей, народностей, племен, жителей местности, например: *азиатцы* и *азийцы* ‘жители Азии, восточные народы’ *Когда день красный, тогда я гуляю в изрядных и долгих аллеях ..., ексерцициум туркам весьма неудоботворимы и который смешный является азиатом*; *батавы* и *батавцы* ‘древнее германское племя, населявшее территорию Голландии; (ритор.) голландцы’ *Агличане Батавов в союзство приявши, флот Ишпанский при Гадесах побеждают.*

Пятая ЛСГ «Родственные связи» включает лексику из социальной неинституциональной сферы, называющую членов семьи, например: *бабушка* ‘мать отца или матери’ [Корнилий:] *Обвенчаем их, да дождемся внучат: а ты будешь бабушка; падчерица* ‘неродная дочь одному из супругов’ *Несогласия между мачих и патчериц на свете почти обыкновенны.*

Шестая ЛСГ «Социальные характеристики человека, проявляющиеся в отношениях с другими людьми, обществом, государ-

ством» включает оценочную лексику. В составе данной группы мы выделили обозначения:

— людей, которые начинают какое-либо дело, например: заводчик ‘зачинщик, начинатель’ *Сия провинция зело гориста, и для того к бунтам способна гораздо, понеже заводчики зело легко по горам ретироватца могут; зачинщик ‘тот, кто начинает какое-либо дело, является основоположником чего-либо’ В землице ипускоа, есть старое поколение дому лоиолского, из котораго **зачинщик** езуицкого ордина игнациус лоиола, родился. — Ср. начинатель, начинальщик, учредатель, заводчик; начинатель ‘тот, кто начал что-либо, какое-либо дело, зачинатель’ Он же дед ево первым **начинателем** в вывозе шелку сырку ис Персии в Россиискую империю;*

— людей, являющихся последователями, сторонниками, почитателями, приверженцами кого-либо, чего-либо или, наоборот, отступниками, предателями (в последнем случае предполагается официальное наказание, что не отражено в ассерции, а выявляется из анализа иллюстративного материала), например: *единомышленник / единомысленник ‘тот, кто проявляет единомыслие с кем-либо’ Наследники <Лютера> ныне лутераны, и евангелской или аусбургской конфессии **единомысленники** имянуются; Надобно прежде собрать всех **единомысленников**, для учинения или мира или войны с общаго согласия. — Ср. сообщик, согласник; дезертир ‘воен. от неприятеля’... имеем во вся дни **дезертеров**. Все, которья оставят службу, не взяв писменного отпуску, ... будут вменены в **дезертиры**, [то есть в беглецы]. Всем сухопутным, и морским **дезертерам**, объявлено общее прощение;*

— людей, чей образ жизни вызывает осуждение у окружающих (однако, как правило, не наказывается официально), например: *блзнитель ‘слав. тот, кто соблазняет,*

подает дурной пример' *Видится мне, что ты злонравен человек, и **блзнитель**, ибо сварииши господина на раба; блудник* 'тот, кто предается блуду; распутник, развратник' *Попы суть всякия, и пьяницы, и **блудники**, и весьма грешники, которыя недостойны суть и священства; пакостник* 'нейтр. → прост. тот, кто делает пакости, причиняет зло, вред' <Фезеуш> *Сцирона, великаго разбоиника проходим людем великаго **пакостника** победив уби, и в море бросил; [Азбукин:] Едакой **пакостник**; да он бы едак у меня псалтырь украл; авантюрьер* 'искатель приключений; бродяга, плут; авантюрист' <Дюфон> *был заарестован повелением саксонскаго двора за некоторыя продерзости и пакости, и так как он был кроме того **авантюрьером**. — Ср. бродяга, прощлец, плут, пройдоха, плутяга, хитрец;*

— людей, нарушающих официально наложенные ограничения: *бракопреступница* 'неверная жена' *Бедная жена, чтоб ни делала, как бы она невинность свою не доказывала, ничто ей не помогает. Она есть, и пребудет в глазах его **бракопреступницею**.*

Анализ антропоцентрических номинаций, зафиксированных в «Словаре русского языка XVIII века», показал, что значительная часть характеристик человека подчеркивает его социальность. Выше перечислены далеко не все характеристики *homo socialis*, зафиксированные в словаре. Задача описания лексики этого периода осуществляется в ходе создания идеографического словаря социальной лексики, который, как уже было сказано, включает в себя языковые единицы, представляющие разные языковые подсистемы и разные периоды развития языка, что позволяет создать исчерпывающее описание социальных характеристик человека.

В процессе структурирования номинативных множеств для решения задачи составления идеографического словаря применяются методы семного, классификационного анализа, лингвоста-

тики, текстового эксперимента, интерпретации контекстной семантики, анализа дефиниций. Применяются методы сопоставительного (контрастивного) анализа, систематизации, типологизации. Важную роль играет контекстный анализ, позволяющий не только уточнять и дополнять словарные толкования, но и формулировать дефиниции для новых социальных номинаций, еще не зафиксированных в лексикографических источниках, но актуализированных в разного рода дискурсах, преимущественного газетно-публицистическом, а также разговорном интернет-дискурсе.

Например, актуальное для современной газетной, телевизионной, радиопублицистики, а также интернет-дискурса слово *бандеровец* появилось еще в середине XX века в значении (отличном от современного), не зафиксированном по каким-то причинам толковыми словарями, но представленном в «Контрразведывательном словаре» и в обнаруженных нами в сети Интернет текстах, что позволяет включить его в идеографию как обозначение социальной реалии XX века. Приведем определение из «Контрразведывательного словаря»: *бандеровец* ‘участник украинской националистической организации, главарем которой до 1956 года являлся Степан Бандера; за границей эта организация называется ЗЧ ОУН (Закордонные части Организации украинских националистов’ [КК]. Дефиниция в данном словаре фиксирует только факт существования бандеровца как участника националистической организации; в связи с отсутствием иллюстративного материала словарная статья не позволяет получить более полного представления о данном явлении. Обратившись к анализу текстового материала, можно реконструировать недостающие сведения:

— о роли бандеровцев в социально-политической жизни общества в XX веке, в частности, об их участии в Великой отечественной войне на стороне фашистской Германии: *28 февраля 1944 года солдаты украинской дивизии СС и боевики УПА уничто-*

жили около 1000 мирных жителей польского села на Львовщине. <...> Эта кампания по времени совпадает с проводимыми гитлеровцами антипартизанскими операциями на востоке и юго-востоке оккупированной Польши, к которым были привлечены подразделения добровольческой дивизии СС «Галичина», сформированной из украинцев <...> Поляки действительно не только помогают партизанам, но и формируют собственные отряды самообороны, призванные защитить мирное польское население от нападений **бандеровцев**, число которых к началу 1944 года резко возрастает (А. Сидорчик. Пеняцкая: история кровавого «подвига» дивизии СС «Галичина» // Аргументы и Факты, 11.01.2017) [АА]; После освобождения Украины частями Красной армии УПА стала активно совершать диверсии в тылу советских частей. От действий **бандеровцев** только в 1944 году погибло около 2000 советских солдат и офицеров (А. Сидорчик Легенда об УПА. Против кого и как воевали украинские «патриоты»? // Аргументы и Факты, 14.10.2015) [АА];

— о лидерах, за которыми следовали бандеровцы: *Стоит напомнить, что в 1941—42 годах этот деятель [Шухевич] состоял в чине гауптштурмфюрера СС и был заместителем командира подразделения военной разведки Третьего Рейха «Нахтигаль». После возглавил бандеровские банды — так называемую Украинскую повстанческую армию, известную только геноцидом поляков, евреев, русских и украинцев на Волыни. Шухевич лично принимал участие в уничтожении львовских евреев летом 1941 года (П. Лихоманов Проспект Ватутина в Киеве переименоуют в честь эсэсовца Шухевича // Российская газета, 01.06.2017) [АА];*

— об отношении к ним власти и общества: *В 1950 году Шухевич был ликвидирован сотрудниками МГБ под Львовом (П. Лихоманов. Проспект Ватутина в Киеве переименоуют в честь эсэсовца Шухевича // Российская газета, 01.06.2017); Их остались*

*единицы: тех, кто брал Берлин. И потому каждое слово участника событий на вес золота. Один из них — Геннадий Михайлович Феокистов, живёт в Москве, на память не жалуется. С лёту называет даты, когда 3-я танковая армия, в составе которой он воевал, освобождала города Украины, Польши, Чехословакии. Вспоминает зверства **бандеровцев**, вновь поднявших голову на Украине, и стычки с американцами в Берлине (М. Март. «Полевой госпиталь вырезали». Ветеран ВОВ о том, как воевал с бандеровцами // Аргументы и Факты, 22.06.2017) [АА] и др.*

Таким образом, включение в идеографию обозначения участника националистической организации требует сопровождения иллюстративным материалом, позволяющим пользователю словаря составить более полное представление об исторических реалиях. Особенно значимо такое представление слова *бандеровец* как исторической номинации в свете событий на Украине в XXI веке, обусловивших появление новой лексемы, также пока не зафиксированной современными толковыми словарями. Значение слова *бандеровец* как средства номинации нового явления мы устанавливаем посредством контекстного анализа, выявившего следующие семы:

— ‘неонацисты’, ‘погромщики’, ‘забить насмерть’, ‘из западных районов страны’, ‘ненависть к русским’, ‘выступающие против власти’, например: *Силы безопасности Украины приступили к зачистке центральной площади Киева после двухмесячной ее оккупации неонацистами из западных районов страны. Когда всё начиналось, то **бандеровцы** составляли треть среди протестующей массы, но последнее время они захватили инициативу и взяли под контроль все уличные акции протеста. Накануне кровавых событий во вторник лидер реваншистов Олег Тягнибок призвал бастующих совершить нападение на Верховную раду. Эта попытка провалилась, и тогда погромщики направились*

к близлежащему офису Партии регионов. Там они забили на смерть инженера Валерия Захарова, вся вина которого состояла в принадлежности к «москалям» (А. Эскин. Остановить нацистский мятеж // Известия, 2014.02.19) [НКРЯ] и др.;

— ‘крайне правые националисты’, ‘защитники «СС-Галичины»’, например: *Ведь что кричит БЮТ: «кто не бандеровец, тот не украинец», кто не адвокат «СС-Галичины» — тот враг Украины. Против антифашиста, антибандеровца Дмитрия Табачника выступили одиозные галицийские депутаты, профессиналы в деле захватов православных храмов и деятели, пытавшиеся запретить русский язык даже в автобусах», — отметил эксперт* (М. Рябов. Эксперт: Табачник — это образец эволюции от бандеровщины к антифашизму // Новый регион 2, 2010.03.16) [НКРЯ] и др.;

— ‘национальный герой’, ‘героизация лидеров’, например: *Этого деятеля в СССР считали бандеровцем и пособником нацистов, а сегодня он стал национальным героем* (Е. Мирная. Ветерана ВОВ обвиняют в убийстве бандеровца // Аргументы и Факты, 10.05.2001); *Украину превратили в нацистское государство. Бандеровцев назначили героями* (Е. Барова Кто спасёт Украину? Николай Азаров рассказал, как должна закончиться война // Аргументы и Факты, 03.08.2015); *Многим людям претили поначалу прямые ассоциации с нацизмом, даже когда они слышали своими ушами выкрики тысяч бесноватых: «Бандера, Шухевич — герои народа!»* (А. Эскин. Ложь и молчание о Коломойском // Известия, 2014.06.24) [НКРЯ] и др.

Возможность включения в социальную идеографию лексем *бандеровец*¹ и *бандеровец*² определяется в первую очередь активностью их употребления. Поискковый запрос только на сайте газеты «Аргументы и Факты» выявляет 224 материала с примерами их употребления. Таким образом, мы считаем целесообразным

представить в словаре описание обеих лексем в порядке их появления в языке. Каждое из значений требует иллюстрирования контекстами:

БАНДЕРОВЕЦ. Участник украинской националистической организации, идейными вдохновителями которой являлись Степан Бандера и его последователь Р. Шухевич, воевавшей во время Великой Отечественной войны на стороне нацистской Германии под лозунгом независимости Украины и участвовавшей в карательных операциях против мирных жителей.

► Целенаправленное уничтожение польского населения Волыни началось в феврале 1943 года, однако датой начала тотального террора со стороны подразделений УПА считается 11 июля 1943 года, когда отряды *бандеровцев* атаковали, по разным оценкам, от 99 до 150 сел и деревень с польским населением (А. Сидорчик. Переговоры с дьяволом. С чего начиналась Волынская резня // Аргументы и Факты, 10.07.2018) [АА].

► Но исторические факты неопровержимы, — говорил российский президент. — Так, они свидетельствуют, что *бандеровцы* и другие коллаборационисты, пособники Гитлера, участвовали сами в уничтожении еврейского народа, в уничтожении евреев Львова, Одессы, Киева и других населенных пунктов Украины, а прибалтийские нацисты проводили этнические чистки в Вильнюсе и Риге, в Каунасе и Таллине... (Владимир Путин зажег свечу памяти. Жертв Освенцима поминали в Москве // Коммерсантъ, 28.01.2015) [АА].

БАНДЕРОВЕЦ. Участник украинского националистического движения, возникшего в XXI веке, имеющий крайне правые, радикально националистические взгляды, для которого характерны идеализация и героизация образов С. Бан-

деры, Р. Шухевича, использующий насильственные методы борьбы.

► Силы безопасности Украины приступили к зачистке центральной площади Киева после двухмесячной ее оккупации неонацистами из западных районов страны. Когда всё началось, то **бандеровцы** составляли треть среди протестующей массы, но последнее время они захватили инициативу и взяли под контроль все уличные акции протеста. Накануне кровавых событий во вторник лидер реваншистов Олег Тягнибок призвал бастующих совершить нападение на Верховную раду. Эта попытка провалилась, и тогда погромщики направились к близлежащему офису Партии регионов. Там они забили насмерть инженера Валерия Захарова, вся вина которого состояла в принадлежности к «москалям» (А. Эскин. Остановить нацистский мятеж // Известия. 2014.02.19) [НКРЯ].

► Абсолютное большинство опрошенных россиян (91 %) уверены, что **бандеровцы** представляют собой полуфашистское движение, которое терроризирует русских, евреев и представителей других национальностей на Украине (А. Юнашев, Е. Созаев-Гурьев. Россияне уверены, что бандеровцы угрожают русскоязычным на Украине // Известия, 2014.03.31) [НКРЯ].

► Понятно, что БЮТ и прочие будут испытывать новую власть Украины на прочность. Понятно, что Виктор Янукович, сдав Дмитрия Табачника, потеряет всё. Ведь главные враги Украины — это, на самом деле, небандеровцы. Ведь что кричит БЮТ: «кто не **бандеровец**, тот не украинец», кто не адвокат «СС-Галичины» — тот враг Украины. Против антифашиста, антибандеровца Дмитрия Табачника выступили одиозные галицийские депутаты, профессионалы в деле захватов православных храмов и деятели, пытавши-

еся запретить русский язык даже в автобусах», — отметил эксперт (М. Рябов. Эксперт: Табачник — это образец эволюции от бандеровщины к антифашизму // Новый регион 2, 2010.03.16) [НКРЯ].

Таким образом, мы проиллюстрировали методы семного, лингвостатистического, дефиниционного, контекстного анализа, используемые для выявления и фиксирования слов с социальной семантикой, в том числе тех номинаций, которые подвергаются переосмыслению, фиксируются в новых значениях. Кроме того, данные лексемы встраиваются в синонимический ряд, объединяемый идеограммой «человек, занимающийся преступными деяниями, направленными против государства и общества». В этом случае реализуется метод идеографической реконструкции номинативных множеств. Интересно отметить, что в словаре жаргона В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной зафиксировано слово *бандеры* (с указанием на употребление во множественном числе) в значении ‘украинцы, как правило о заключенных’ [БСРЖ, 2001]. Дефиниция, как можно понять, явно недостаточна, поскольку упоминание о заключенных вызывает вопросы о том, кто эти заключенные, почему их так называют, связаны ли они с националистической организацией под руководством С. Бандеры или национальность — единственный признак, положенный в основу номинации, следовательно, необходим анализ контекстов с этим словом. Мы выявили только один малоинформативный пример употребления номинации *бандеры*. При этом анализ употребления слова *бандеровец* (*бандеровцы*) показывает, что оно может иметь синонимичное значение с акцентом на семантике национальной принадлежности, где ‘украинец’ (родовая сема), а ‘проживающий на западных территориях Украины’ (дифференциальная сема): *После третьего побега Кузнецов с товарищем снова попал в немецкий концлагерь в городе Вейдене.*

Выдали их бандеровцы из западной Украины (Е. Баранова. В плену тоже воевали // Комсомольская правда, 2014.05.07) [НКРЯ]; *А в целом, неуставные взаимоотношения складывались скорее на почве «землячеств»: «уральцы», «сибиряки», «хохлы», «бандеровцы» (западная Украина), «лабусы» (прибалтика), «москалы», «узбеки», «кавказцы»* (коллективный. Форум: Дедовщина и неуставные отношения. Кто есть кто в современной армии, 2011—2013) [Там же]. Судя по контекстам, лексемы *бандеровцы* и *бандеры* в значении ‘украинцы’ встраиваются в ряд номинаций человека по национальной принадлежности.

Очевидно, что лексикографические издания не успевают фиксировать все слова, которые получают широкое распространение вследствие деятельности средств массовой информации и в связи с популярностью интернет-коммуникации: «Журналистский текст “вездесущ” и “всемогущ”. Воздействуя на индивидуумов в частности и общество в целом, он “формирует” это общество, непосредственно влияет на происходящие в его “контексте социальные процессы”» [Богуславская, 2008, с. 8]. В связи с этим номинации, которые появились в последние годы и еще не зафиксированы словарями (например, *майданутые*, *титушки*, *крымская весна*, *революция розовых шапок* и др.), или новые значения уже известных слов (*бандеровец*, *подполье*, *пикет* и др.) извлекаются путем фронтального просмотра материалов с сайтов газет «Аргументы и факты», «Российская газета», «Коммерсантъ» и др. с учетом семантического фона дискурса и анализируются с привлечением методов контекстного и компонентного анализа.

2.2. Принципы отбора социальных номинаций для лексикографирования

Языковые единицы, которые извлекаются из словарей и других источников для включения в описание социальной лексики,

подвергаются семному анализу с целью выявления *социальных сем*, под которыми мы понимаем семантические компоненты, объективирующие принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального или неинституционального взаимодействия [Леонтьева, 2013]. При этом мы опираемся на идею Л. П. Крысина о том, что семантические множители, отражающие социальные качества человека, могут присутствовать не только в ассертивной зоне значения, но и в пресуппозиционной, притом главным образом на периферии значения [Крысин, 1988]. Логика отбора материала обусловлена еще и тем, что семантические множители из периферийной зоны значения слова, как правило, не зафиксированные в словарных дефинициях, оказываются наиболее интересными для анализа. В идеографию включаются слова, имеющие разные типы значения: во-первых, те, у которых социальные семы находятся в ассерции, поэтому отнесенность к социальной лексике совершенно очевидна; во-вторых, те, у которых социальный компонент отсутствует в ассертивной зоне, но реализуется на ближней периферии, создавая семантическую пресуппозицию. Те слова, у которых социальность актуализируется только в прагматической пресуппозиции в ограниченном количестве контекстов, в связи с явной неустойчивостью значения не включаются в идеографическую типологию социальной лексики, хотя такие единицы могут быть описаны в отдельных работах, посвященных проблемам лексической семантики. «Смысл как “величина”, варьирующая в зависимости от целого ряда экстралингвистических факторов, естественно, обрастает многообразными определениями, которые, с одной стороны, указывают на актуальный для данного дискурса вариант интерпретации, а с другой стороны, несут дополнительную информацию

об отношении между смыслом и участниками речевого акта» [Кобозева, 2000, с. 348].

2.3. Отражение в идеографическом словаре лексики, номинирующей исторические факты

Один из методических вопросов, возникающих в процессе исследования, связан с определением круга языковых фактов, которые могут быть включены в лексикографическое описание социальной лексики. В частности, перед исследователями стоит проблема выявления и описания языковых единиц (лексем, фразеологизмов, неидиоматических составных выражений), которые являются обозначениями исторических реалий (событий, явлений, персоналий, документов и др.) и обычно включаются в энциклопедические источники.

Традиционно толковые словари (в том числе толково-идеографические) редко включают имена собственные, выступающие символическими знаками в отечественной, зарубежной либо мировой культуре, поскольку соответствующие персоны имели широкую известность и влияние в определенный исторический период. Антропонимы, топонимы фиксируются обычно специальными лингвистическими словарями, см. например: [Ганжина, 2001; Смолицкая, 2002; Тупиков, 1903 и др.], факты истории — энциклопедическими [Большая..., 2010 и др.] или отраслевыми [Георгиева и др., 2018 и др.] словарями. Однако, на наш взгляд, исключение из идеографии языковых единиц, фиксирующих оригинальные (единичные) исторические или культурные реалии, нарушает системность в представлении лексических множеств, репрезентирующих фрагменты социальной действительности.

В процессе составления идеографии социальной лексики, репрезентирующей отношения в институциональной сфере, нами

выявлен ряд номинативных множеств, представленных как нарицательными, так и собственными именами, которые интересны с точки зрения лингвокреативной номинации исторических фактов. Так, например, фразеологические выражения и неидиоматические сочетания с социальной семантикой, образованные путем вторичной номинации (*медный бунт, оранжевая революция, Кровавое воскресенье, Золотая Орда* и др.), представляют интерес с точки зрения семантической мотивированности их значений, выявления механизма образования этих словосочетаний. В то же время данные языковые единицы сообщают сведения об исторических событиях, персоналиях, географических реалиях и др., то есть представляют собой энциклопедическую информацию.

Лексемы, обозначающие исторические факты, могут мотивировать образование других языковых единиц с социальными семантиками в значениях. Например: слово *орда* является полисемантом [СлРЯ, т. 3, с. 662]: в первом значении это ‘и с т. название крупных тюркских и монгольских феодальных государств в эпоху средневековья, а также ставка, местопребывание их правителей’, во втором — ‘пренебр. вражеское войско; полчище’, в третьем — ‘разг. многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-либо’. Все три лексемы имеют в составе значений социальные компоненты (1: ‘феодальный’, ‘государство’, ‘ставка’, ‘правитель’; 2: ‘войско’, ‘полчище’, ‘вражеский’; 3: ‘толпа’) и включаются в номинативные множества, репрезентирующие разные идеогаммы соответственно: «историческое государство», «вражеское войско», «толпа, сборище». При этом в первом значении *орда* является терминологическим историзмом, фиксирует энциклопедическую информацию и обуславливает появление других обозначений исторических государств, включающих в себя компонент *орда*. Так, «Словарь русского языка XI—XVII вв.» в словарной статье, посвященной слову *орда*, фиксирует, во-первых,

общее значение ('название крупных тюркских и монгольских феодальных государств и союзов кочевых племен, прежде всего Золото-ордынского государства (XIII—XV вв.)) [СлРЯ XI—XVII, вып. 13, с. 64]. Во-вторых, в этой же словарной статье конкретизируются названия разных государств с компонентом *орда*: *Большая (Великая) Орда, Золотая Орда, Казакская (Казацкая, Казачья) Орда, Нагайская Орда*. При этом каждое из них снабжено словарной дефиницией, включающей энциклопедическую информацию (даты, ареал) и иллюстративный материал, например: *Большая (Великая) Орда* 'татарское феодальное государство (XV—XVI вв.) в низовьях Волги, возникшее в процессе распада Золотоордынского государства' *Вселлишася в Большой Орде нагаи и мангиты из-за Яика пришедшие*. XVI в. *Крымский царь Минь-Гирей побил Ахмата царя Большой Орды*. XVI—XVII вв. 1560 г. [Там же].

Выявление языковых фактов (в том числе собственных имен), называющих реалии современности или исторического прошлого, и включение их в идеографическое описание позволяют создать более полную картину реальной действительности. И наоборот, их механическое исключение из идеографического описания создает определенные смысловые лакуны и нарушает логику систематизации социальной лексики. Проиллюстрируем данное утверждение. Лексико-семантическое множество «Институциональные отношения» включает в себя ряд подмножеств, среди которых выделяется группа, объединяющая три идеограммы, находящиеся в отношениях семантической зависимости (в логике последовательного включения):

Сущ. «государство»

Сущ. «государство с определенной формой правления»

Сущ. «историческое государство с определенной формой правления»

Идеограмма «государство» объединяет лексические репрезентанты на основе общности родовых сем («государство», «страна», «система управления»), которые находятся в ассертивной зоне. Дифференциальные семы («монархическое», «феодальное», «капиталистическое», «побежденное», «зависимое», «во главе с султаном» и др.) находятся в околядерной зоне значения и позволяют выявить виды государств. При этом дифференциальные семы, находящиеся на дальней периферии (например, выявляемые в иллюстративном материале) в значениях ряда слов, обуславливают выделение еще одной идеогаммы «историческое государство». Название можно считать условным, поскольку сема «историческое» является потенциальной, она не входит в значения слов, называющих конкретные государства, но подразумевает реальность их существования в прошлом или настоящем.

Проиллюстрируем соотношение названных выше идеогамм, представим их лексические репрезентанты. Так, лексема *империя* (монархическое государство, во главе которого стоит император [СЛРЯ, т. 1, с. 662]) репрезентирует идеогамму «государство с определенной формой правления», и в то же время родовая сема «империя» выявляется в значениях слов и словосочетаний, обозначающих «историческое государство с определенной формой правления»: *Российская империя, Российская корона, рейх, Поднебесная* и др. (заметим, что эти языковые единицы не представлены в словаре [Там же], их значение извлекается из энциклопедических словарей или контекстов). Например:

РÉЙХ. Любая из империй немцев или Германии: «Священная Римская империя»; Второй рейх, возглавляемый прусской династией Гогенцоллеров (1871—1918); Третий рейх в нацистской Германии (1933—1945) [ВЭС, 2004, с. 1114].

► «Необходимость даже и в нормальные времена, — заявил рейхсканцлер, — двадцать раз в течение четырех лет посылать народ к урнам, то в *рейхе*, то в отдельных землях, — приводит к полному падению авторитета законодательных собраний в глазах народа» (Н. Устрялов. Германский национал-социализм, 1933) [15].

► Во всем габсбургском *рейхе* он один смел бросить в лицо императору слово правды (Е. Парнов. Александрийская гема, 1990) [15]¹.

Родовая сема ‘империя’ дополняется дифференциальными семками ‘немцы’, ‘Священная Римская’, ‘прусская династия’, ‘Гогенцоллеры’, ‘нацистская Германия’, которые являются маркерами отдельной эпохи, что обуславливает включение лексемы *рейх* в особую группу языковых единиц со значением «историческое государство».

Репрезентантами идеограммы «историческое государство с определенной формой правления» выступают как лексемы, так и фразеологические выражения из разных языковых идиомов:

(1) литературного языка:

- слова и словосочетания терминологического характера: *рейх*, *метрополия*, *доминион*; *Первый рейх*, *Второй рейх*, *Третий рейх*; *Большая (Великая) Орда*, *Золотая орда*, *Нагайская орда*; *Российская империя* и др.;

- фразеологические выражения преимущественно из публицистической и художественной речи: *туманный Альбион* (‘древнее описательное наименование Британии’ [Бирх и др., 2007, с. 21–22]), *весёлая Англия* (‘устар. об Англии, Великобритании’ [Там же, с. 24–25]), *владычица морей* (‘публ. торж.

1 Словарная статья из разрабатываемого словаря социальной лексики.

перифрастическое название Британии' [Там же, с. 101]), *добрая старая Англия* ('об Англии, Великобритании' [Там же, с. 25]).

Интересно, что фразеологизмы, называющие Англию, представлены в фразеологических словарях, например, А. К. Бириха «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» (2007) [Там же], а перифрастические названия других государств в лексикографических источниках мы не обнаружили. При этом совершенно очевидно, что они активно используются в художественной и публицистической речи. Так, например, мы выявили устойчивые выражения (каждое более чем в ста контекстах, зафиксированных как в Национальном корпусе русского языка, так и в других источниках): *страна фараонов* ('Египет'), *страна восходящего солнца* ('Япония'), *страна тюльпанов* ('Голландия'), *Поднебесная* ('Китай'): *Ситуация в стране фараонов патовая: уличными боями охвачена Александрия, где противоборствующие бомбят друг друга коктейлями Молотова* (И. Юрченко. Египет в огне... // Комсомольская правда, 2013.07.06) [НКРЯ]; *У Японии уже есть противоракетные комплексы SM-3, которые установлены на кораблях ВМС Страны восходящего солнца, и наземные комплексы Patriot PAC-3* (Г. Иванов. Москва или Пхеньян? Против кого Япония строит третью линию ПРО // Аргументы и Факты, 20.12.2017) [АА]; *Европейский ордер на арест Измаилова был разослан прокуратурой Нидерландов по европейским столицам еще несколько месяцев тому назад после того, как стали выплывать на поверхность детали этого потрясшего Страну тюльпанов преступления* (В. Прокофьев. Сценаристы из Чечни // Труд-7, 2005.06.16) [НКРЯ]; *По доле в мировой торговле Поднебесная опередила Страну восходящего солнца, которая в 60–80-х годах совершила экономическое чудо, заполонив весь мир своими автомашинами и телевизорами* (В. Овчинников. Размышления странника, 2012) [НКРЯ] и др.

(2) нелитературного языка:

- жаргонизмы, включенные в словари, а также еще не зафиксированные, поскольку появились в последние десятилетия, заслуживают, на наш взгляд, включения в социальную идеографию, поскольку, во-первых, отражают отношение разных социальных групп к государству и обычно являются экспрессивами, а во-вторых, имеют высокую частотность употребления. Так, в словарях жаргона представлены слова, которые называют Советский Союз: *совдетия, совдеп, совок*; в интернет-коммуникации современную Россию называют *рашка, раша, наша Раша*; Америку — *Пендосия* (существует сайт *Pindosiya.com*, позиционирующий себя как интернет-площадку «для продуктивного общения <...> молодежи и людей с активной жизненной позицией», «налаживания бизнеса русских из Америки и самой России» и др. [*Pindosiya.com*]); современную Украину — *Незалежная, Укропия* и др.

Языковые единицы, номинирующие исторические факты, представляют интерес и с точки зрения их образования путем прямой или вторичной номинации. Далее на примере лексики гражданского протеста рассмотрим основания для включения таких единиц в идеографическое описание социальной лексики. Поскольку история России, как и многих других стран, богата внутригосударственными конфликтами, группа лексики гражданского протеста включает номинации, называющие реальные исторические события.

Так, идеограмма «Историческое событие в форме протеста, направленного против официальной власти, государственного строя, общества» объединяет порядка 40 языковых единиц, образованных путем как первичной, так и вторичной номинации, под которой «понимается использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Болдырев и др., 2001, с. 81]. Мы не рассматриваем и не включаем

в идеографию названия конфликтов, которые прямо указывают на его тип, время и / или место и участников, например: «Восстание смердов и горожан в XI веке», «Восстание на броненосце “Потемкин”» и др. В наше исследование включаются только языковые факты, интересные с точки зрения принципа номинации, обусловленного лингвокреативным мышлением, которое «с одной стороны, отражает окружающую человека действительность, а с другой — самым тесным образом связано с наличными ресурсами языка» [Серебренников, 1998, с. 198].

Большая часть наименований разного рода выступлений граждан представлена косвенными номинациями, появившимися в результате трансформации значения устойчивого сочетания. В эту группу номинаций входят как историзмы, так и новые наименования институциональных конфликтов в XXI веке, причем в группу новых наименований мы включаем названия не только внутрirosсийских конфликтов, но и социальных столкновений в других странах, которые активно обсуждаются в российских средствах массовой информации. Так, можно выделить историзмы, образованные путем метонимизации значения, например: *Медный бунт*¹ (‘истор. название Московского восстания низших и средних слоев жителей, стрельцов 25 июля 1662 года против власти, вызванного ростом налогов и выпуском обесцененных медных денег’), *Соляной бунт* (‘истор. название Московского восстания низших и средних слоев жителей 1—11 июня 1648 года против власти, вызванного ростом налогов после отмены повышенной соляной пошрины’), *Картофельные бунты* (‘истор. название массовых выступлений удельных (1834) и государственных (1840—1843) крестьян в России, по-

1 Значение этого и других исторических устойчивых выражений сформулировано автором на основе материалов Большой иллюстрированной энциклопедии: в 32 томах. — Москва: АСТ: Астрель, 2010.

водом для которых послужили распоряжения властей о принудительной посадке картофеля на общественной запашке, выделенной из крестьянской наделной земли в качестве страховой меры на случай неурожая'), *Чумной бунт* ('истор. восстание в сентябре 1771 года в Москве, которое возникло из-за вспышки чумы, вызвавшей социальное и политическое недовольство, и сопровождалось погромами и убийствами. '), *Холерные бунты* ('истор. название массовых выступлений городских, крестьянских и солдатских антикрепостнических волнения в России в 1830—1831 годах во время эпидемии холеры, поводом для которых послужили мероприятия царского правительства: карантин, вооружённые кордоны, запреты передвижений, сопровождающиеся слухами о намеренном отравлении правительственными чиновниками и лекарями простых людей') и др. Значения приведенных идиоматических выражений содержат семы, указывающие на повод для конфликта людей с властью: 'медные деньги', 'соляная пошлина', 'посадка картофеля' и др.

Интересно, что при создании обозначений современных конфликтов метонимизация также используется, но в качестве ключевого компонента указывается не повод, а преимущественно атрибутика, которая связана с протестом, например: *Революция норковых шуб* ('нов. ироничное название массовых политических выступлений в Москве, организованных оппозицией в 2011—2013 годах, из-за участия в них представителей класса богатых людей'), *Революция розовых шапок* ('нов. массовые акции в США против 45-го президента Дональда Трампа, избранного 20 января 2017 года, участники которых шли в розовых шапках'), *Революция роз* ('нов. мирные массовые акции протеста

1 Здесь и далее в отсутствие ссылки значение сформулировано автором на основе материалов энциклопедических словарей, контекстного анализа газетных публикаций и интернет-контента.

в Грузии в ноябре 2003 года, основным мотивом которых стала предполагаемая фальсификация на парламентских выборах 2 ноября 2003 года; на одной из демонстраций участники шли с розами в руках’); *Оранжевая революция* (‘нов. длительная акция мирных протестов, митингов, пикетов, забастовок, которая происходила в ряде городов Украины с 22 ноября 2004 года по январь 2005 года как реакция на предполагаемые массовые фальсификации, которые повлияли на результат выборов; получила название по цвету символики: флагов, ленточек, шарфов и т. д., — используемой сторонниками кандидата в президенты В. Ющенко’) и др.

Кроме того, косвенная номинация исторических событий в форме протеста граждан осуществляется путем метафоризации значения. К таким языковым фактам относятся устойчивые выражения, апеллирующие к отдаленному историческому контексту, например: *Кровавое воскресенье* (‘истор. шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу с целью вручить царю Николаю II коллективную Петицию о рабочих нуждах, разогнанное правительственными войсками, в результате чего погибли и были ранены несколько сотен человек’), *Генеральная репетиция Октябрьской революции* (‘истор. образное определение и характеристика первой русской революции 1905—1907 годов’ [РППК, 1979, с. 164]), и номинации, появившиеся в конце XX — начале XXI века, например: *Арабская весна* (‘нов. волна антиправительственных народных выступлений, начавшихся в арабском мире в 2010 году, следствием которых стали перевороты, гражданские войны, гражданские восстания, массовые протесты в странах Ближнего Востока’), *Бархатная революция* (‘нов. гражданское мирное восстание в Чехословакии в ноябре—декабре 1989 года, которое привело к отстранению от власти коммунистической партии и демонтажу социалистического режима’), *Марш миллионов* (‘нов. акция протеста, организованная оппо-

зицией 6 мая 2012 года в Москве, против инаугурации Владимира Путина') и др. Примером вторичной номинации является переосмысление слова *майдан*. Так была названа массовая акция протеста на Украине против действующей власти, начавшаяся в 2013 году на площади Майдан Незалежности в Киеве, предполагавшая борьбу за смену режима силовыми методами. Лексема в данном значении пока не зафиксирована в просмотренных нами словарях, хотя современные контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка, начиная с 2013 года репрезентируют преимущественно это значение, например: *К тому же невозможно поверить, что население, искренне возмущённое произволом олигархов в стране — по этой причине и вспыхнул майдан, во всяком случае, это была одна из основных причин, — вдруг выбирает себе в президенты олигарха* (Э. Лимонов. Я не уважаю украинский выбор // Известия, 2014.05.27) [НКРЯ].

Таким образом, представление социальной лексики на логико-понятийной основе путем систематизации номинативных множеств, то есть их упорядочения посредством разработки идеограмм, дает возможность осуществить лингвистическую реконструкцию знаний человека об окружающем мире. В круг языковых фактов, отражающих институциональные отношения, входят не только обозначения общих понятий (*бунт, революция, империя, руководство*), но и языковые единицы, называющие исторически и культурно значимые оригинальные явления, события, а также известных персон (*соляной бунт, революция роз, Поднебесная, Вашингтонский обком, Горби*). Как показало исследование, в лексикографировании таких имен собственных и единиц промежуточного статуса нет системы: они либо вообще не представлены в словарях, либо представлены фрагментарно. В то же время, на наш взгляд, системное представление в идеографии социальной лексики фразеологизмов, неидиоматических

составных выражений, лексем, называющих оригинальные факты истории, позволит более объективно представить институциональную сферу жизни в ретроспективном и современном освещении. Кроме того, можно утверждать, что данная этнокультурная информация может использоваться в практике изучения русского языка как неродного, а также сопоставительного изучения языков (см. об этом [Leontyeva et al., 2016]).

2.4. Структура словарной статьи в идеографическом словаре социальной лексики

Идеографический словарь социальной лексики задуман как лексикографический источник дефиниционного типа. Репрезентанты идеограмм в словаре сопровождаются словарной статьей, которая состоит из объяснительной и демонстрационной частей: она включает заголовочное слово (с ударением), толкование, примеры употребления, пометы, ссылки на источники. При этом, описывая языковые факты, авторы придерживаются ряда правил:

(1) Номинации, извлеченные из словарей, обычно сохраняются в том виде, который имеют в источнике, с целью демонстрации того значения слова, которое было зафиксировано в определенный исторический период. Приведем примеры словарных статей для номинаций, воплощающих идеограмму «массовое выступление против официальной власти»:

АГИТА́ЦИЯ. Народные или сословные смуты¹, подговоры, наущенья и волнение, тревога [Даль, т. 1, с. 4].

► Польские выходцы Алоизий Бернацкий. — Станислав Ворцель. — *Агитация* 1854—56 года. — Смерть Ворцеля.

1 Значение репрезентанта может воплощать несколько идеограмм (это особенно характерно для словаря В. В. Даля), поэтому слово или выражение может входить в несколько номинативных множеств.

Nuovi tormenti e nuovi tormentati! «Inferno» (А. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия, 1864) [НКРЯ].

А́КЦИЯ ПРОТЕ́СТА. Публичное общественно-политическое действие, как правило, организованное, с целью привлечь внимание власти, общественности, средств массовой информации к какой-либо общественно-политической или социальной проблеме.

► *Акция протеста* проходит также на юге Украины — в Одессе, где собравшиеся митингуют против политических репрессий, сообщает местное издание «Информационный центр» (Милиция начала уголовное производство ... // РИА Новости, 2014.04.06) [НКРЯ].

► Это не единственная *акция протеста* против нефтедобычи в Арктике, проведенная 27 мая активистами Greenpeace (Рафаэль Фахрутдинов. Активисты Greenpeace заблокировали платформу «Газпрома» в Нидерландах // Известия, 2014.05.27) [НКРЯ].

БАЛАМУ́ТЬ (БОЛАМУ́ТЬ)¹. Беспорядок, сумятица [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 67].

► А Петрушка Мурзенка ... многих худых людей къ тому жь роскольному делу наговариваль; такожде и приехавъ къ намъ войску, многия неистойственные речи рознесъ, и на *боламуте*, покинувъ домъ свой...уехалъ въ орду (1690 г.) [СлРЯ XI—XVII, вып. 1, с. 67].

БЕЗПОКО́ЙСТВИЕ (БЕЗПОКО́ЙСТВО, БЕСПОКО́ЙСТВО, БЕСПОКОЙСТВА). Народное волнение; мятеж, смута [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 217].

1 В скобках приводятся разные варианты написания слова, зафиксированные в источнике, а в иллюстративном материале — по возможности примеры с разным написанием.

► Во всей империи при повелении набирать рекрут происходят разные неприятные в народе *беспокойствия* и неудовольственные движения [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 217].

► Вы сами знаете, какия по смерти его <короля> были *беспокойства* [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 217].

► *Беспокойства* в южной Руси побуждали ее тамошних жителей переселяться в эту страну (Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск первый: X—XIV столетия, 1862—1875) [НКРЯ].

► Сыновья Султанбека, страдавшие от постоянного *беспокойства* и грабежей со стороны бурлаков, бродячих голодных людей переселились подальше от берегов реки Белой, где теперь стоит деревня Старосултанбеково (Дюртюли // Родина, 2010) [НКРЯ].

БЕЗПОРЯДОК. Нарушение общественного порядка, спокойствия; народные волнения, смута [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 218—219].

► Вся Европа наскучив *беспорядками* и кровопролитием, заключает мир [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 218—219].

► С того времени была я свидетельницею всех *беспорядков* чинимых от разбойников во всех местах, куда их лютое бешенство ни приводило [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 218—219].

БЕСПОРЯДОК (БЕСПОРЯДКИ)¹. Устар. Массовые народные волнения, являвшиеся выражением протеста против власти эксплуататоров [СлРЯ, 1999, т. 1, с. 83].

► В Таганроге были *беспорядки*, толпа голодных женщин с детьми разгромила пекарни и продовольственные магази-

1 Если разными источниками зафиксированы лексемы с разным написанием, но похожими формулировками значений, они последовательно включаются в словарь.

ны, и казаки отказались стрелять по толпе (К. Паустовский. Беспокойная юность) [СлРЯ, 1999, т. 1, с. 83].

► Лютыми казнями, пробудившими в народе спасительный страх перед законом, в короткое время прекратил он *беспорядок* и водворил совершенное спокойствие в стране (Д. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи, 1901) [НКРЯ].

► К вечеру *беспорядки* переместились на Куликово поле — там сторонники унитарной Украины разгромили лагерь Антимайдана и подожгли Дом профсоюзов, закидав его «коктейлями Молотова» (Митинг сторонников киевских властей проходит в Одессе // РИА Новости, 2014.05.04) [НКРЯ].

БРÓЛИО¹. Мятеж, бунт [Чудинов, 1894].

БУЗ². Том. Восстание, гражданская война [СРНГ, т. 3, с. 160]

БУЛГАКЪ. Мятеж, смятение [СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 353].

► Везде *булгакъ* сталь; князей везде выбыли, Яишу мурзу убиль Узуюсаньбекъ, а Солтамусаита окормили [СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 353].

БУНТ. Восстание, мятеж [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 166].

► Притчина *бунту* их <камчадалов> была может быть та, что им ясашной збор показался тягостен [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 166].

► Ходить *бунтом*. Сосланы они в Сибирь за то, что они в 190 году ходили бунтом к дьяком и подьячим на дворы и брали с них деньги [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 166].

-
- 1 Номинации, имеющие единичную фиксацию в лексикографических источниках без включения иллюстративного материала, также включаются в словарь. Если авторам удастся найти контекст с данным словом, принадлежащий тому же периоду развития языка, он также включается в словарную статью.
 - 2 Словари русских народных говоров также не всегда фиксируют контекстное употребление. В этом случае словарная статья дается без иллюстративного материала.

БУНТ¹. Нелегальная форма политического протеста, стихийное восстание, мятеж; как правило — ответная реакция на какие-либо действия государственных органов власти [НПС, 2010, с. 40].

▶ Пока Обама отдувается в Питере, в Америке происходит настоящий *бунт* против его решения атаковать Сирию (Израэль Шамир. Конгресс — не в кармане Обамы // Комсомольская правда, 2013.09.07) [НКРЯ].

▶ — Властям, несмотря на нехватку средств, придется продолжать закупки, потому что альтернатива — новый *бунт* голодной бедноты, — говорит главный научный сотрудник Института востоковедения РАН Владимир Исаев (Д. Цой, К. Волков. В бунтующем Египте заканчиваются запасы пшеницы // Известия, 2013.07.28) [НКРЯ].

▶ Не приведи Бог видеть русский *бунт* — бессмысленный и беспощадный (А. Пушкин, 1836).

БУНТОВСТВО́. Ставроп. Самар. Орл. Мятеж, бунт [СРНГ, т. 3, с. 278].

▶ Я долго не видал сестру, когда *бунтовство* было [СРНГ, т. 3, с. 278].

▶ Ставроп. Самар. Орл. Случилось в Ставропольской губернии *бунтовство*: прошел ей мимоходом Сенька Разин со своим войском (сказка). Садовников, 1884 [СРНГ, т. 3, с. 278].

БУ́РЯ. Перен. и образно. О крупных военных, общественных событиях, столкновениях [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 172].

1 Если в современном словаре приводится более развернутое определение понятия, нежели в историческом словаре, авторами фиксируются обе дефиниции.

► После грозных *бурь* политических, сила одна царствует; ибо тогда сила одна охраняет всеобщее спокойствие [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 172].

► Принимая такое решение глава правительственного кабинета, по его словам, руководствовался тем, что сотрудничество Японии с Соединенными Штатами в вопросах безопасности является неременным условием мира в регионе. И тут-то разразилась *буря*. Многие японцы посчитали премьера лгуном и приспособленцем, требуя его отставки (Денис Кабанов. Японского премьера гонят в отставку за сговор с США // Комсомольская правда, 2010.06.02) [НКРЯ].

► В Китае *буря* протеста, демонстранты нападают на офисы японских фирм (Евгений Арсюхин. Из Китая бегут заводы — как бы их заманить к нам? // Комсомольская правда, 2012.11.21) [НКРЯ].

БУШЕВНЯ. Ворон. Бунт, мятеж [СРНГ, т. 3, с. 332].

► И вот когда ливорюция у нас поднялась, наши солдаты *бушевно* подняли [СРНГ, т. 3, с. 332].

(2) Если слово, извлеченное из лексикографического источника, в настоящее время подвергается переосмыслению и анализ его репрезентации в современной речи выявляет более сложную систему значений (диффузность значения), авторы на основании контекстного анализа формулируют новую дефиницию. Словарная статья включает примеры словоупотребления, извлеченные преимущественно из текстов Национального корпуса русского языка (в этом случае пример сопровождается ссылкой на данный ресурс [НКРЯ]) либо из других источников, найденных автором (пример сопровождается ссылкой на архив автора [АА]), которые позволяют представить спектр значений исследуемой социальной номинации в настоящее время. Мы опираемся на принцип допол-

нительности, который обосновывается и находит поддержку в работах, посвященных интерпретационному анализу современной семантики слова [Карасик, 2005; Леонтьева, 2014 и др.]. При этом мы не оспариваем точку зрения, согласно которой существует «отчетливая тенденция к противопоставлению значения как закрепленного за данной единицей языка относительно стабильного во времени и инвариантного содержания, знание которого входит в знание данного языка, смыслу как связанной со словом информации, изменчивой во времени, варьирующей в зависимости от индивидуальных особенностей коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка» [Кобозева, 2000, с. 322].

Одна из задач нашего исследования, результаты которого воплощаются в лексикографировании номинаций, состоит в том, чтобы выявить случаи трансформации представлений, понятий и подготовить новые, корректные словарные статьи.

Так, согласно словарю существительное *оригинал* в одном из лексико-семантических вариантов обозначает ‘разг. странный, непохожий на других человек; чудак’ [СлРЯ, т. 2, с. 639]. Как видно, данную семему можно разложить на семы ‘человек’, ‘странный’, ‘непохожий на других’, ‘чудака’, которые нельзя отнести к социальным множителям: ‘другие’ могут быть члены семьи или друзья, что иллюстрирует первый пример в словарной статье: *Ты скажи там всем, что я оригинал, что я могу хорошо одеваться, да не хочу. Мало ли какие оригиналы бывают!* (А. Островский. Последняя жертва) [Там же], а второй пример: *Был с ним [Мысливечком] любопытнейший оригинал, художник и артист, ирландец Джеймс Барри* (М. Шагинян. Воскрешение из мертвых) [Там же] демонстрирует характеристику личности, значимую для общества, поскольку она называется в ряду других социальных признаков ‘художник’, ‘артист’, ‘ирландец’, которые косвенно создают благоприятное впечатление о человеке. Таким образом,

именно анализ пресуппозиции показывает соотношенность характеристики оригинала с его социальностью, что не выявляется посредством анализа ассертивной зоны. Кроме того, в газетном дискурсе выявляется ряд дополнительных коннотаций, каждая из которых связана с социальностью человека, например, оригинал — это человек, особенности поведения которого:

— проявляются в намеренной демонстрации своих мыслей, образа жизни и т. п. широкому кругу людей: *И еще там живет губернатор Олег Чиркунов. Большой оригинал. В свое время прославился тем, что, будучи сенатором, единственный в Совфеде не проголосовал за новый российский гимн* (К. Гуров. Как два чудака фашистов пропиарили // Комсомольская правда, 2006.02.07) [НКРЯ]; *Мик — большой оригинал, знаменитый не только уникальным голосом и песнями. Например, он активный борец за права рыжих, поскольку сам огненно-рыж* (С. Бирюков. Рыжие не сдаются // Труд-7, 2009.05.04) [Там же] и др. Интересно, что такие коннотации были характерны и для словоупотребления в газетном дискурсе начала прошлого века: *Жертвователь Лебедев был большой оригинал. Он известен был в Симбирске тем, что по утрам ходил с ложкой «побираться» по базару под видом пробы молока, сметаны, собирал по улицам головки от воблы и кости, варил и ел их* (Неизвестный. Щедрый скупец // Московская газета копейка, 1912) [Там же];

— оцениваются как необычные широким кругом людей: *Когда Перельман отказался от 7 тысяч долларов и медали Филдса, которую называют “нобелевкой математиков”, мы еще могли списать это на то, что ученый — большой оригинал. Или просто скромник. А, скорее всего, просто очень хорошо понимает, что такое пиар-технологии* (Д. Соколов-Митрич. Занимательная перельмания // Известия, 2010.04.02) [Там же]; *Автора этой статьи на вечер в греческом ресторане пригласил Хобарт Эрл,*

руководитель Одесского государственного филармонического оркестра, прекрасный музыкант, человек с удивительной биографией, местная знаменитость, мировая звезда и большой оригинал (Бальян Карина. Место встречи – Дерибассовская // Труд-7, 2008.09.17) [Там же] и др.

Если вычленишь на основе анализа газетного дискурса дополнительные коннотации, появляющиеся в контексте, то можно добавить в лексикографическое описание слова семы ‘отличающийся’, ‘общество’, ‘необычное’, ‘поведение’, ‘внешность’, ‘образ мыслей’, учесть их при выделении оттенка значения. Обратим внимание и на то, что качество оригинального во многих контекстах подчеркивается характеристикой «большой» (она указывает на интенсивность проявления признака). Так, расширив определение за счет оттенка значения с социальным компонентом, получим: «Станный, непохожий на других человек. *Дело в том, что Аркадий Укупник — большой оригинал и в его манере — разбрасывать свои вещи по всей квартире* (В. Бродский. Аркадий Укупник: Комнаты у меня — треугольные // Комсомольская правда, 2002.04.23) (в иллюстрации отражено личное качество человека) || Человек, отличающийся необычным для данного общества поведением, внешностью, образом мыслей; чудака. *К слову, брат премьер-министра вообще известен как большой оригинал* (О. Вандышева, А. Коноплев, В. Дорошенко. Как мы искали следы Михаила Фрадкова // Комсомольская правда (Самара), 2004.03.02) (в оттенке значения и иллюстрации отражено качество человека как части общества)».

В свою очередь, слово *чудака*, включенное в дефиницию, в словаре представлено таким образом: ‘человек со странностями, поведение, поступки которого вызывают недоумение, удивление у окружающих’ [СлРЯ, т. 4, с. 690]. При поиске этого слова в газетном корпусе НКРЯ обнаруживается 591 вхождение, при

этом большая часть выявляет социальную коннотацию ('окружающие' как общество), например: *Есть среди них **чудаки**. Обеспечив себя и потомков на три поколения вперед, вдруг едут в глушь, за копейки берут развалившийся колхоз и пытаются «поднять село»* (Е. Арсухин. Миллиардеры на селе: жену в Монако, детей в Гарвард, а сам ... в колхоз, работать! // Комсомольская правда, 2013.09.09); *Просторный Боинг заполнен шумными приплясывающими чернокожими **чудаками** с барабанами и гитарами ...* (В. Ворсобин. Как скандально известный галерист Марат Гельман провалил культурную революцию в Перми // Комсомольская правда, 2013.07.18); ***Чудак**-человек. В 2011 году журнал Forbes включил Полонского в список самых необычных российских бизнесменов. Скажем, одна из его причуд — обязал своих работников утром делать зарядку (причем упражнения показывал лично, прямо на столе). Ну, подумаешь — мало ли у нас начальников с закидонами? Однако и бизнес Полонский вел, по мнению экспертов, довольно экстравагантно* (А. Велигжанина. Сергей Полонский пошел по стопам Березовского // Комсомольская правда, 2013.08.08).

Таким образом, словарная дефиниция слова *оригинал* (в значении 'человек') не отражает всего разнообразия коннотаций, в том числе социальной составляющей, либо лишь слабо на нее указывает, из чего можно заключить, что в ассертивной зоне значения слова социальная семантика отсутствует. Однако социальные коннотации могут актуализироваться в семантической и прагматической пресуппозиции и, как следствие, значительно обогащать семантику слова. Кроме того, именно в этой зоне, как уже было показано выше (глава 1), могут находиться критерии разграничения личного и социального.

(3) Демонстрационная часть словарной статьи призвана показать функционирование слова в речи, при этом часть контекстов

извлекается вместе со значениями из словарей без дополнения другими примерами словоупотребления, в частности, это касается тех языковых фактов, которые не используются в современной литературной речи (некоторые устаревшие слова и фразеологизмы, диалектизмы, паремии). В этом случае словарная статья выглядит следующим образом:

ВЗИМОКЪ. Вымогание (денег) [СлРЯ XI—XVII, вып. 2, с. 152].

► 1669: Челобитье Свинеретцкого погоста крестьянъ на пристава на Кондрашку Тимофеева въ бою и *взимке* денгахъ [СлРЯ XI—XVII, вып. 2, с. 152].

Ряд словарных статей дополняется примерами из современных контекстов, что позволяет продемонстрировать сохранение актуальности определенной социальной номинации:

ГИДРА. Перен. неодобр. О крайне отрицательных, враждебных явлениях, силах [Язык Совдепии, 1998, с. 117].

► Буржуазная *гидра* (о силах буржуазии). Вот покончим с меньшевиками, обезглавим буржуазную кобру. — Не кобру, а *гидру*, — подсказал Хуриев. (С. Довлатов) [Язык Совдепии, 1998, с. 117].

► *Ги́дра* контрреволюции (о силах контрреволюции). Пошел биться с *гидрой* контрреволюции (А. Толстой) [Язык Совдепии, 1998, с. 117].

► “*Ги́дра* олигархического капитализма”, как отмечается в письме, создает препятствия на пути строительства “великой, процветающей, счастливой России” (Ветераны требуют защиты от «Альфа-групп» // Комсомольская правда, 2005.11.15) [НКРЯ].

► Сейчас нам говорят, что США триумфально побеждают в Ираке. Недобитая *гидра* «Аль-Каиды», естественно, агонизирует. Теряя под американским военным прессом шансы творить террор в самом Ираке, она в бессильной злобе начинает кусать соседние режимы (Миф по имени «Аль-Каида» // РИА Новости, 2005.11.15) [НКРЯ].

Если наряду с извлеченной из источников лексемой авторы считают необходимым включить номинацию со значением, которое претерпело изменения в новых социокультурных условиях, но еще не зафиксировано словарями, авторы формулируют новое значение и иллюстрируют его примерами, которые демонстрируют появление новых смыслов, актуальных для настоящего времени. Сравним:

ПОДПОЛЬЕ. Организация, занимающаяся подпольной деятельностью [СлРЯ, т. 3, с. 210]¹.

► История нашего антифашистского *подполья* в годы Великой Отечественной войны в большей своей части еще остается нераскрытой (С. Смирнов. Брестская крепость) [НКРЯ].

► Это было в Краснодаре, В грозном зареве войны, Комсомольское *подполье* Поднялось за честь страны (С. Островой. Песня о краснодонцах) [СлРЯ, т. 3, с. 210].

► Себя раскрыть кому б то ни было, подставить, обнаружить, попасться в руки немцу мертвым ли, живым, по сути, означало обезглавить все *подполье*, активную его, диверсионно борьбой занятую часть (С. Самсонов. Одиннадцать, 2010) [НКРЯ]².

1 Оттенок основного значения 'организованная деятельность против властей, протекающая в условиях строгой тайны, строгой конспирации, а также условия конспирации, жизнь в условиях конспирации во время такой деятельности'.

2 В иллюстративном материале подполье оценивается позитивно, поскольку борется с захватчиками, либо вообще не оценивается.

ПОДПОЛЬЕ. Организация, занимающаяся тайной деятельностью, направленной против официальной власти, общества.

► Террористическое *подполье*, несмотря на серьезные потери, всё еще сохраняет возможность для совершения террористических актов против мирных жителей, как это, к огромному сожалению, произошло в конце прошлого года в Волгограде (Е. Созаев-Гурьев. Путин призвал не путать оппозицию с экстремистами // Известия, 2014.04.07) [НКРЯ].

► В рядах сирийской оппозиции воюют молодые люди с Кавказа, которые, может быть, в будущем пожелают использовать свой опыт на родине, в террористическом *подполье* (И. Каралов. Гарем Цезаря // Известия, 2014.01.13) [НКРЯ].

► Попытка бывшего председателя меджлиса крымско-татарского народа Мустафы Джемилева вернуться на родину спровоцировала первый конфликт между российскими властями Республики Крым и крымскими татарами. Прокуратура Крыма потребовала открыть уголовные дела на активистов меджлиса и пригрозила ликвидировать организацию. Меджлис предупредил, что может уйти в *подполье* (А. Артемьев. Крымские татары угрожают отказаться от мирных способов протеста // РБК Дейли, 2014.05.06) [НКРЯ]¹.

Включение обоих слов мы считаем необходимым для того, чтобы разграничить понятия, стоящие за словом в разные исторические периоды, в данном случае представления о подполье как организации, борющейся с захватчиками, и представление о подполье как организации, которая в настоящее время представляет угрозу для легитимно существующих общества и госу-

¹ В данных контекстах подполье оценивается негативно, поскольку занимается террором в отношении мирных жителей.

дарства. Таким образом, иллюстративный материал, отражающий прагматику употребления той или иной языковой единицы, играет важную роль для экспликации смыслов, актуализирующихся в современной речи, что признается многими лексикологами и находит отражение в их исследованиях [Воробьева, 2000; Загребельный, 2013; Карасик, 2005; Леонтьева, 2014; Кобозева, 2000 и др.].

В результате по окончании работы планируется представить комплексное описание социальных номинаций в виде лексико-семантических полей, структурированных на основе выделения идеограмм (в форме идеографической сетки, отражающей фрагмент социальных отношений, с примерами лексических репрезентантов). Каждая идеографическая сетка внутри общей организована в виде иерархии («лесенки») идеограмм, уровни (ступени, слоты) которой отражают ветви семантического подчинения (в соответствии с логикой последовательного добавления новых сем) между группами лексических репрезентантов, образующих ряды в пределах каждой идеограммы. При этом существующие деривационные связи между словами не являются предметом специального рассмотрения, хотя в некоторых случаях они очевидны. Порядок расположения идеограмм обусловлен полевой организацией номинативного множества: сначала фиксируются идеограммы ядерной зоны, затем приядерной зоны, далее — идеограммы, находящиеся на ближней и дальней периферии.

В третьей главе мы проиллюстрируем идеографическое описание социальных номинаций на примере идеографических сеток лексико-семантических полей «Взяточничество» и «Конфликт человека и власти» и комплексно покажем логику формирования номинативных множеств и систему смысловых отношений внутри поля.

2.5. Энциклопедический компонент в составе дефиниций слов

Отдельного рассмотрения требует вопрос о включении энциклопедической информации в дефиниции слов, называющих понятия из сферы институциональных отношений. Как уже неоднократно отмечалось в данной работе, идеографическое описание социальной лексики на основе структурирования идеограмм, которые объединяют языковые единицы, номинирующие, в частности, понятия из сферы институциональных отношений, предполагает выявление в значениях слов как ядерных, так и периферийных семантических множителей. Предметно-понятийные компоненты в составе семантемы в первую очередь обуславливают включение лексемы в определенную идеограмму, а семы, которые находятся на периферии значения, в том числе прагматические компоненты, дифференцируют языковые факты, объединенные одной идеограммой. Так, идеограмма «система управления государством» объединяет лексемы, идиоматические выражения и неидиоматические составные выражения, которые имеют в составе значений родовые семы: ‘система управления’, ‘власть’, ‘политический режим’. В свою очередь каждая семантема включает в себя видовые семы (‘классовое общество’, ‘чиновники’, ‘князь’, ‘абсолютная’, ‘ограниченная’ и др.), которые дифференцируют значения слов. Выявление языковых фактов в рамках одной идеограммы может вызывать затруднение, обусловленное отсутствием единого подхода к формулировкам словарных значений. Так, «Словарь русского языка» фиксирует лексему *гетманщина* со значением ‘контрреволюционная военная диктатура на Украине в 1918 года, установленная ставленником германских империалистов генералом Скоропадским, назначенным ими гетманом’ [СлРЯ, т. 1, с. 307]. В составе семемы можно выделить родовую сему ‘диктатура’, дифференциальные семы

общего характера ‘контрреволюционная’, ‘военная’, ‘установленная’, ‘назначенный’ и национально-культурные семы, отражающие исторические факты ‘Украина’, ‘1918 год’, ‘генерал Скоропадский’ ‘ставленник’, ‘германские империалисты’, ‘гетманы’. Хотя в словарной статье отсутствует иллюстративная часть, само значение включает в себя достаточно информации, чтобы составить первичное представление о данном историческом явлении.

В то же время данный словарь не фиксирует в значениях ряда слов, которые называют факты истории, семы, отражающие энциклопедическую информацию, хотя она могла бы, на наш взгляд, быть интересной и значимой для пользователей словаря. Например, значения лексем *самодержавие* (‘неограниченная власть монарха, царя, императора, а также система государственного управления, основанная на такой власти’ [Там же, т. 4, с. 18]) и *царизм* (‘форма государственного правления, при которой верховная неограниченная власть принадлежит самодержавному монарху, царю; царский режим’ [Там же, т. 4, с. 632—633]) не содержат информации о том, что эти понятия употребляются по отношению к власти монарха в России. В разных лексикографических источниках можно найти довольно много слов, имеющих, на наш взгляд, неполные дефиниции из-за отсутствия в составе значения сем, отражающих энциклопедическую информацию. Мы полагаем, что включение в значение слов, номинирующих понятия из институциональной сферы, такого рода сведений целесообразно, тем более что многие из них связаны с определенными историческими периодами существования государств (*деспотизм, диктатура пролетариата, султанат, халифат* и др.).

Интерес лингвистов к прагматической информации в значении слов и вопросам ее фиксации в словарях отражен в языковедческих трудах [Алефиренко, 2006; Апресян, 1987; Басалаева,

2016; Касьянова, 2007; Лаппо, 2015; Саженин, 2015; Складневская, 1997, Трипольская и др., 2015 и др.]. Однако исследователи справедливо отмечают: «Как всякая новая и стремительно развивающаяся область знания, интересующая нас сфера лингвистики не имеет пока сложившейся терминологической системы и даже четко очерченного объекта изучения» [Трипольская и др., 2015, с. 29]. В рамках нашего исследования — идеографического описания социальной лексики — анализ прагматической составляющей семантики языковых единиц связан в первую очередь с решением задачи — как можно более полно отразить зафиксированные в исторических и современных словарях языковые факты, описывающие представления носителей языка о процессах, явлениях, исторических личностях и других реалиях в сфере институциональных отношений.

Так, денотативные семы, как отмечалось выше, позволяют объединить языковые единицы в рамках определенных идеограмм: например, «человек, обладающий верховной властью», «обладающий верховной властью», «быть верховным правителем, получать верховное правление, править», «пребывание у власти в качестве верховного правителя», «титул верховного правителя», «прозвище верховного правителя», «члены семьи верховного правителя», «человек, состоящий на службе у верховного правителя», «состоящий на службе у верховного правителя» и др. Прагматические же семантические компоненты позволяют выявить различия в значениях лексических репрезентантов, показать оригинальность называемых явлений, событий, личностей, связанных со сферой политических и общественных отношений. Например, идеограмма «вид власти; система управления» включает в себя понятие «деспотизм», которое в толковых словарях представлено по-разному, что позволяет включить его в наше идеографическое описание как два лексических репрезентанта

в рамках одной идеограммы и подобрать к ним соответствующие дифференцирующие их значения контексты. Покажем, как лексемы, называющие «деспотизм», представлены в создаваемом идеографическом словаре социальной лексики:

ДЕСПОТИ́ЗМ. Неограниченная власть, произвол [СлРЯ, т. 1, с. 392].

► Он говорил, что привилегированные принцы новых экономических династий, жаждущие власти, стремятся захватить контроль над правительством. Они создали новый *деспотизм* под вывеской демократии. Они жалуются, что мы стремимся сокрушить базовые свободы, но на самом деле они боятся, что мы лишим их власти (А. Баранов. Путин — это Рузвельт сегодня? // Комсомольская правда, 2007.02.09) [НКРЯ].

► Аристократия предохранила абсолютистскую государственность от превращения в *деспотизм* (А. Янов. Откуда в самодержавной России взялся Герцен? // «Знание — сила», 2009) [НКРЯ].

ДЕСПОТИ́ЗМ. В рабовладельческих монархиях Древнего Востока: неограниченная власть верховного правителя, деспота; соответствующая форма правления [РСС, т. 3, с. 474—475].

► Философ подвергал критике теорию Бокля, предписывавшую Индии экономическую отсталость и *деспотизм* (И. Ионов. Империя и цивилизация // Общественные науки и современность, 2003.04.30) [НКРЯ].

► Сила его власти переходила в азиатский *деспотизм*, превращающий всех подчиненных в боязливых и безгласных рабов (Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск второй: XV—XVI столетия, 1862—1875) [НКРЯ].

В значении первой лексемы представлены только денотативные семы, отражающие общую характеристику понятия, в значение второй лексемы, помимо родовых сем ‘неограниченная власть’, ‘форма правления’, включена информация энциклопедического характера. Именно она позволяет дифференцировать эти лексемы в рамках одной идеограммы.

Таким образом, очевидно, что номинации институциональных отношений зачастую требуют при лексикографировании включения в словарное определение прагматической составляющей, локализованной прежде всего в самой семеме посредством введения сем, отражающих энциклопедическую информацию (даты, имена, названия документов, исторические события и др.). Включение в дефиницию прагматического компонента позволяет создать более полное представление о месте и роли определяемого понятия в современной или исторической картине действительности. Включение в дефиниции ряда слов, значения которых связаны с институциональными отношениями, фактографической информации, на наш взгляд, важно еще и по иным причинам. Назовем некоторые из них.

Во-первых, многие языковые факты литературного языка, которые фиксируют институциональные отношения, имеют терминологический характер (например, названия стадий развития общества: *империализм, индустриальное общество, капитализм, коммунизм* и др.; форм правления: *деспотия, колониализм, монархия* и др.; периодов в истории государства: *гетманищина, постперестройка* и др.). Однако информации, содержащейся в ассертивной зоне значения и на ближней периферии, не всегда достаточно для того, чтобы составить представление о понятии. Так, например, идеограмма «период в истории государства» включает лексему *постсоциализм*, которая в толковом словаре новых слов и значений представлена семантемой ‘этап общест-

венного развития государств Восточной Европы и республик бывшего СССР, характеризующийся отказом от социалистического пути развития и переходом к рыночной экономике' [НСиЗ, т. 3, с. 323], где энциклопедические компоненты значения создают вполне очевидное представление о данном политическом явлении. А лексема *гетманщина* представлена в Словаре русского языка как 'период, когда на Украине были гетманы (16—18 вв.)' [СлРЯ, т. 1, с. 307], здесь, наоборот, энциклопедическая информация о периодизации и месте представлена очень скудно для того, чтобы человеку, незнакомому с этим периодом истории, составить более или менее точное первичное представление о понятии; более того, сема 'были' не отражает роли гетманов: они просто существовали в это время, управляли Украиной или выполняли другую функцию. При этом в словарной статье отсутствует иллюстративная часть, которая помогла бы конкретизировать значение слова. Конечно, при использовании толкового словаря, фиксирующего лексику в алфавитном порядке, выяснить, кто такой *гетман*, не составляет проблемы: лексема находится на этой же странице, и у нее более полное определение. Однако в идеографическом словаре слова *гетманщина* и *гетман* могут быть не только на разных страницах, но и в разных томах словаря, что затрудняет поиск и соотнесение их значений. Другое слово из группы «период в истории государства» *советско-тоталитарный* 'связанный с советским тоталитарным режимом; относящийся ко времени его существования' [НСиЗ, т. 3, с. 929] вообще не содержит в дефиниции указания на периодизацию, и не вполне понятно, относится данная характеристика ко всему периоду существования СССР или только к определенному времени. Во многом такое формулирование значений связано с особой ролью идеологической семантики в словарных толкованиях, которая не только отражает, но и во многом формирует языковую

картину мира носителей языка. Идеологическое содержание значений «призвано отражать и формировать идеологическую картину мира социума, то есть оказывать идеологическое давление на адресата словаря» [Трипольская и др., 2015, с. 30].

Кроме того, как известно, мир постоянно изменяется, в том числе изменяются институциональные отношения в нашем Отечестве. Соответственно трансформируются представления людей о тех или иных явлениях, событиях, ценностях и др., что должно отражаться в словаре. Принцип составления идеографии на основании выделения идеограмм и составления номинативных множеств, репрезентирующих институциональные отношения, позволяет в рамках одного семантического ряда отразить представления носителей языка об идеологических установках в разные исторические периоды. Так, например, идеограмма «политическая практика, система политических мероприятий» включает в себя понятие «антисемитизм», которое в лексикографических источниках представлено по-разному. Так, в Словаре русского языка, который отражал «состояние словарного состава 60–70-х годов XX-го века» [СлРЯ, т. 1, с. 5], лексема *антисемитизм* содержит в дефиниции явно выраженные идеологические семы ‘одна из форм национальной нетерпимости, выражающаяся во враждебном отношении к евреям, искусственно создаваемом *реакционерами в классовых интересах буржуазии*’ (курсив наш. — А. Щ.) [Там же, с. 40], что подтверждает и анализ контекстов из НКРЯ, относящихся к дореволюционному периоду, например: *В самом деле, кому полезно, что в России существует такое отношение к евреям? Очевидно, германцам. И Баш тоже лично ни к кому не обращался. Он не знает отдельных депутатов русской Думы и их мнений, он говорит в общей схеме: **антисемитизм** есть дело реакции, и реакция есть специально германфильская вещь* (Стенограмма доклада А. И. Шингарева 20 июня 1916 г. в Воен-

но-морской комиссии Государственной Думы, 1916) // Красный Архив, 1934) [НКРЯ]; *По поводу холодного приема королем Карлом лидера консерваторов Карпа, газеты сообщают, что в начале аграрного восстания Карп в письме к своему венскому другу, объясняя причины разгрома евреев, писал, что король — большой антисемит, поэтому **антисемитизм** в Румынии прочно обосновался* (неизвестный. Вести // Русское слово, 1908) [Там же] и др. В «Толковом словаре русского языка начала XXI века» данная идеологическая семантика утрачивается, сохраняется только общее денотативное значение ‘враждебное отношение к евреям; юдофобия, юдофобство’ [ТСРЯ начала XXI, 2008, с. 75]. В последнем случае утрата семантики, связывающей *антисемитизм* с практикой классового отношения к евреям, позволяет определять его и как внеинституциональную характеристику отношения между людьми в социуме, что подтверждается контекстуально: *После, сообразив наконец, что среди закадычных бабушкиных подруг были и старухи еврейки, в нашем районе нечестые, я снисходительно отменил обвинение в юдофобстве, придумав определение «социальный **антисемитизм**» — с ударением на первое слово. Глупо? Наверное, так. Говорю же — не могу до конца разобраться, и как разберешься, если вдруг — бац: «Стасик, вы не еврей?»* (С. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них, 2004-2008) [НКРЯ]; *Мать надавала мне по морде за отца, о чем я тогда в эгоистическом страдании своем не догадался. В наплевательском интернационализме матери претворялась заповедь апостола Павла: «Несть эллин, несть иудей». Она не придавала значения **антисемитизму**, поскольку выросла и жила в той среде, где он не допускался* (Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля, 1994) [Там же]; — *И чего ты, Иванов, выступаешь? Она ж на колесах. Или тебе повылазило? Говорят — **антисемитизм, антисемитизм, а Федя ее любил. И соседи***

любили. Ленка из четвертой квартиры говорила: — Ой, Раиса Натановна, вы такая хорошая, ну совсем на еврейку не похожи (А. Хургин. Дурацкий случай // Огонек, № 1 (3311), 1991) [Там же] и др.

Таким образом, идеографическое описание номинаций, репрезентирующих отношения в институциональной сфере, выявляет важность включения в дефиниции информации о прагматической составляющей энциклопедического характера как на ближней периферии, так и в иллюстративном материале с целью объективного представления языковых фактов, содержащих информацию об отношениях человека и государства в разные исторические периоды.

ГЛАВА 3. ОПЫТ ОПИСАНИЯ ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ СФЕР «ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО» И «КОНФЛИКТ ЧЕЛОВЕКА И ВЛАСТИ»

3.1. Идеографическая сетка

лексико-семантического поля «Взятничество»

Вводные замечания. Тема взяточничества является одной из ключевых тем социально-политической жизни современного общества. Исследованию лексических репрезентаций взяточничества в словарях и разных видах дискурса посвящен ряд работ [Анохина и др., 2014; Головачева, 2015; Макаров, 2015; Плотникова, 2014; Устюжанина, 2014; Шипицына, 2016 и др.]. Факт присутствия в лексико-семантическом поле «Взятничество» номинаций, принадлежащих разным временным пластам, свидетельствует о том, что соответствующее явление социальной действительности процветает длительное время, а тема взяточничества весьма популярна в текстах, созданных в разные исторические периоды. Например, в «Словаре XI—XVII веков» слово *мзда* имеет одно из значений «подношение, взятка» и иллюстрируется контекстами начала XIII века (1228: *Выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а самъ сель, давъ мьзду князю*. Новг. I лет., 228 [СлРЯ XI—XVII, вып. 9, с. 145]); второй половины XVII века (*А тот пристав Алешка взявъ у него Ивашка и у товарыщев ево мзду и ево Ивашка для оговору упустил* (А. Свир. м., № 351. 1672 г. [Там же]) и др. Это же слово охарактеризовано в современных словарях как устаревшее и ироничное, а также представлено в качестве переносного устаревшего ироничного эвфемизма «вместо взятка» [СЭРЯ, 2008, с. 198]. При этом в Национальном корпусе русского фиксируется 99 вхождений дан-

ного слова, которые в современных контекстах актуализируют ироничную и даже саркастичную оценочность, например: *Этот предприимчивый милиционер умудрился создать собственную базу данных по всем сдаваемым в районе квартирам. И теперь ему остается только ходить по адресам и снимать оброк. Хотя чаще приезжие приносят все сами. Ежемесячная мзда еще божеская — от 150 до 500 рублей с человека* (В. Грач. Резиновый дом // Труд-7, 2006.09.02) [НКРЯ]; *Вероятно, десятикратное увеличение мзды теперь является своеобразной надбавкой за риск нечистоплотных чиновников и страх перед суровым наказанием* (А. Игорев. Средняя взятка в России выросла до 3-х миллионов рублей // Комсомольская правда, 2011.10.28) [Там же] и др.

Мы выявили 342 языковых факта, образующих организованное пространство в форме лексико-семантического поля «Взяточничество». Полевая структура этого типа рассматривается как «объединение языковых фактов по тематическому принципу, точнее, совокупность лексем и фразеологизмов, соотносительных с определенным фрагментом действительности, с одной понятийной сферой» [Леонтьева, 2013, с. 10]. Мы исходим из положения о том, что номинации и связи между ними фиксируют «психологически реальные для носителя языка связи между понятиями» [Там же].

Взаимосвязи между фактами социальной действительности, отраженными в языке, с позиции идеографического подхода, репрезентируются в идеографической сетке, которая посредством идеограмм аккумулирует все наиболее значимые представления о том или ином социальном явлении. При идеографическом описании лексики используются, как известно, разные подходы «от общего понятия, формирующего семантические поля и семантические группы слов, — к выявлению и описанию состава этих полей и групп, или, наоборот, от словаря, лексикона, рассматри-

ваемого в разном объеме, — к поиску общих понятий и базовых категорий, репрезентируемых различными семантическими полями и группами слов» [Бабенко, 2016, с. 11].

Идеографическая сетка поля «Взятничество» составлена на основе семантической классификации языковых единиц, извлеченных из литературных, диалектных и жаргонных словарей, фиксирующих факты языка в разные исторические периоды. На основе анализа значений составлены идеограммы, сгруппированные в зависимости от семантических связей внутри исследуемого поля. Все исследуемые факты языка (лексемы, фразеологемы, неидиоматические составные выражения и паремии) имеют в значении интегральные семы 'взятка', 'взяточник', 'взяточничать', 'взяточничество'. Эти семы, безусловно, можно отнести к социальным, поскольку они делают очевидной, объективируют принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального общения. При этом мы учитываем не только те семы, которые содержатся в асертивной зоне значения, зафиксированной в дефиниции словаря, но и те, которые извлекаются в результате анализа пресуппозиционной части.

Так, лексема *кормление* зафиксирована в «Словаре русского языка XI—XVII веков» (далее — СлРЯ XI—XVII) в одном из значений как «способ содержания княжеских и государевых людей за счет поборов с местного населения; административно-территориальная единица, подати с которой (денежные и натуральные) обеспечивают их» [СлРЯ XI—XVII, вып. 7, с. 322]. Важно, что в период появления «кормления» как способа содержания представителей власти поборы с местного населения не были связаны со взяточничеством как преступной деятельностью. Синонимы «побор» и «подать» в словаре представлены как «налог, пошлина» [СлРЯ XI—XVII, вып. 15, с. 220], в то время как в современном

русском языке *побор* — это «взятка, вымогательство» [СлРЯ, т. 3, с. 153]). Более того, Г. М. Шипицына указывает на связь *кормления* с *кормой* в значении ‘задняя часть судна’ и на способность дериватов (*кормчий* и др.) выражать смысл ‘управлять, направлять, рулить’; следствием утраты этого значения стала ошибочная мотивация слов древним корнем *корм-* (*кормление, кормильство, кормёж* и др.) со значением ‘мздоимство, взяточничество’ [Шипицына, 2016]. Представление о кормлении как о взяточничестве «стало единственно возможным в настоящий период развития нашего языка, фокусирующего мировоззрение, ценности и состояние культуры нашего общества» [Там же, с. 297]. Это положение подтверждают и выявленные нами факты современного словоупотребления лексемы *кормление*: *С такой доминирующей мотивацией любые «чистки» бесполезны: если госслужба рассматривается не как служение, а как **кормление**, то на место одних разоблаченных воров придут другие* (В. Путин: Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным // Комсомольская правда, 2012.02.060) [НКРЯ]; *Учитывая, что нет серьезных наказаний за коррупцию, они считают свою должность ярлыком на **кормление**. Это, конечно, очень плохо* (А. Новикова. Депутаты разошлись в оценке причин трагедии в Крымске // Известия, 2012.07.10) [Там же] и др. Благодаря большому количеству контекстов анализ семантики слова в прагматической презумпции позволяет сформулировать новое значение ‘преступная деятельность должностных лиц, состоящая во взяточничестве и других способах незаконного обогащения с использованием служебного положения’. Однако появление новых значений (как и новых слов) в поле «Взяточничество» представлено единичными случаями. Большая часть лексем имеет давнюю традицию употребления как в литературном языке, так и в его нелитературных формах.

Идеографическая сетка лексико-семантического поля «Взятничество» служит основой для систематизации обозначений тех фрагментов реальности, которые связаны с данным феноменом, начиная с названий социального положения («места»), которое позволяет брать взятки («должность, служба, дающая возможность брать взятки»: теплое местечко, доходное место), и заканчивая номинациями реальных людей, причастность которых к взяткам получила широкую огласку («прозвища лиц, ассоциирующихся со взятничеством»: *Миша 2 процента, Паша-мерседес*). Представим идеографическую сетку с примерами лексических репрезентантов, отражающую фрагмент институциональных отношений, связанных с явлением взятничества, которая разработана для включения в идеографический словарь социальной лексики.

3. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ СЕТКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО»

Сущ. «обычай брать взятки» (*взятничество, коррупция*)

Сущ. «должность, служба, дающая возможность брать взятки» (*теплое местечко, доходное место*)

ГЛАГ. «вынуждать к даче взятки» (*злыбить, доить*)

ГЛАГ. «давать взятку» (*давать на лапу, подмазывать*)

Сущ. «дача взятки» (*взяткодательство*)

Сущ. «человек, дающий взятки» (*взяткодатель, мзододатель*)

ГЛАГ. «брать взятку» (*брать на лапу, взяточничать*)

Сущ. «нелегальное получение должностным лицом доходов за оказание услуги путем использования служебного положения» (*взятка, безгрешные доходы*)

Прилаг. «относящийся к действиям, связанным с получением взятки» (*взятковый, посульный*)

Нареч. «с помощью взятки» (*посульно*)

Сущ. «человек, берущий взятки» (*взяточник, сельдяной карман*)

Сущ. «прозвища лиц, ассоциирующихся со взяточничеством» (*Миша 2 %*)

Прилаг. «берущий взятки» (*мздоимный*)

Прилаг. «любящий взятки» (*мздолюбивый, срывчивый*)

Прилаг. «не берущий взятки» (*бездарный, неберущий*)

ГЛАГ. «ничего не взять» (*с нас взятки гладки*)

ГЛАГ. «решить дело за взятку» (*откупить, отмазать*)

ГЛАГ. «разорить поборами, взятками» (*ограбить*)

Сущ. «преступление, совершенное за взятку» (*тайнобрачие*)

Как видно из порядка расположения идеограмм, они отражают все составляющие процесса взяточничества. Лексико-семантическое поле «Взяточничество» имеет частично фреймовую структуру, которая отражает схему действий в реальной ситуации, и «позволяет не только выявить структуру, состав той или иной группы слов, но и охарактеризовать элементы данных объединений, выяснить их соотношенность друг с другом и с едини-

цами других тематических образований» [Буренкова, 2009, с. 76]. Так, взяточничество как явление включает 5 основных составляющих: место, которое позволяет брать взятки, человека, берущего взятку, человека, дающего взятку, сам вид взятки и процесс ее передачи. При этом в составленной идеографической сетке ядро, на наш взгляд, представлено идеограммой «обычай брать взятки» (слот 1), поскольку само *взяточничество* мы предлагаем рассматривать как ‘обычай брать взятки’, именно *обычай*, поскольку лексические репрезентанты в той или иной степени отражают устойчивый характер данного явления, имеющего давнюю историю (обоснование данного положения будет представлено ниже). В приядерной зоне располагается место службы, которое дает возможность вымогать и / или брать взятки, идеограмма «должность, служба, дающая возможность брать взятки» (слот 2) объединяет имена существительные и находится в семантико-мотивационных отношениях с идеограммами следующих уровней «вынуждать к даче взятки» (слот 3) и «давать взятку» (слот 4). Последняя идеограмма, обозначающая действие, мотивирует идеограмму, объединяющую языковые факты, обозначающие процесс «дача взятки» (слот 5). При этом, нужно учитывать, что должность, которая позволяет вымогать и получать взятку, свидетельствует о наличии власти у того, кто это делает, а властные отношения предполагают функциональную связь с тем, в отношении кого (или чего) они осуществляются [Муштук, 2004, с. 39]. Следовательно, в приядерной зоне находится идеограмма «человек, дающий взятки» (слот 6), объединяющая языковые факты, называющие объект власти. Поскольку власть, согласно одному из определений, — это асимметричные отношения, при которых «одна сторона побуждает (принуждает) к действию, тогда как другая сторона (объект власти или подвластный) это действие производит» [Там же], приядерную зону поля составляют идео-

граммы разного уровня, объединяющие языковые факты со значением действий, исходящих от того, кто осуществляет власть, в данном случае берет взятки, сами виды взятки, характеристики и обстоятельства действия: «брать взятку» (слот 7); «нелегальное получение должностным лицом доходов за оказание услуги путем использования служебного положения» (слот 8); «относящийся к действиям, связанным с получением взятки» (слот 9); «с помощью взятки» (слот 10). Здесь же, на ближней периферии, мы располагаем идеограммы разного уровня, объединяющие лексические репрезентанты, связанные с самим человеком, берущим взятки: «человек, берущий взятки» (слот 11), «прозвища лиц, ассоциирующихся со взятничеством» (слот 12), «берущий взятки» (слот 13), «любящий взятки» (слот 14), к ним в оппозиции находится идеограмма «не берущий взятки» (слот 15). На периферии поля находятся идеограммы одного уровня, репрезентанты которых отражают разные действия, связанные с взяточничеством: «ничего не брать» (слот 16), «решить дело за взятку» (слот 17), «разорить поборами, взятками» (слот 18), а также само «преступление, совершенное за взятку» (слот 19). Таким образом, 19 слотов интегрируют информацию о взяточничестве как части коррупционных отношений, связанных с проявлением власти.

Взяточничество как обычай. На исторический характер взяточничества указывают и включение слов в лексикографические источники, фиксирующие языковые факты с XI по XXI века, в том числе лексемы и фразеологемы с семой 'взятка' в значении, см.: [СлРЯ XI—XVII; СлРЯ XVIII; Михельсон, 1896—1912; Ушаков, 1935; СлРЯ; БУСРЯ, 2017 и др.], и их репрезентация в разных языковых стратах [см.: СРНГ; Даль; ССМЖ, 2006 и др.], и актуализация в контекстах, зафиксированных как в словарях в качестве иллюстративного материала, так и Национальном корпусе русского языка.

В большинстве словарей *взятничество* определяется как ‘получение взяток должностным лицом’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 332], а дефиниции его синонимов включают в себя семы ‘взятка’, ‘мзда’, ‘взятничество’ (*лихоимство* ‘Устар. Взятничество, ростовщичество’ [СлРЯ, т. 2, с. 190]; *мздоимство* ‘Взимание мзды, взяток, подарков’ [СРЯ XVIII, вып. 12, с. 175]; *мздоприимство* ‘Взятничество, лихоимство’ [Там же]; *поборство* ‘Выманивание денег, вещей обманом; взятничество’ [СРНГ, вып. 27, с. 201]; *посулоимание* ‘Взятничество’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 269] и др.). При этом в дефинициях слов, зафиксированных в словарях, ничто не указывает на то, что феномен *взятничества* имеет устойчивый исторический характер. Только В. В. Даль фиксирует значение с семой ‘обычай’ (‘обычай брать взятки; порядок вещей, где требуются, берутся взятки’ [Даль, т. 1, с. 197]). Однако мы исходим из положения о том, что значение слова может быть описано более детально на основе контекстного анализа, что, например, было сделано для самого слова *обычай* [Леонтьева, 2014], в результате интерпретационных процедур Т. В. Леонтьева выявила несколько тематических групп слов, одна из которых реализовывала значение ‘Выработанные в долговременной практике взаимодействий принцип или система принципов, негласное правило деловой среды, установленный порядок, церемониал’ [Там же, с. 20]. Это значение, на наш взгляд, соотносимо с понятием *взятничество*, что подтверждает интерпретационный анализ контекстов. Приведем примеры актуализации сем, связанных с указанным выше значением слова *обычай*, при употреблении слова *взятничество* и его синонимов в фрагментах текстов, извлеченных из иллюстраций к словарным статьям, контекстов, включенных в Национальный корпус русского языка, и других источников:

‘долговременная практика’

— В новой России изменилась мотивация элит: **взятничество** и кумовство существовали и при царе, и при Советах, однако никогда прежде сановные казнокрады не стремились вывезти свои семьи и имущество за рубеж (С. Подосенов. СПЧ и НАК разработают идеологию развития страны // Известия, 2014.02.13) [НКРЯ];

— Тут нужно бы знать, что именно казалось Гоголю дурным в современном обществе. «Но, кажется, мы это очень хорошо знаем: ему казалось дурно, что у нас существует **взятничество** и неправосудие, апатия, развлекаемая только сплетнями и преферансом, и так далее, и так далее». Все это так, но из всего этого еще ничего не следует. На **взятничество** и тому подобные пороки напал не один Гоголь, напали чуть ли не все наши писатели от Державина (чтоб не заходить слишком далеко в древность) до г. Бенедиктова (Н. Чернышевский. Сочинения и письма Гоголя, 1857) [НКРЯ];

‘негласное правило деловой среды, установленный порядок’

— Какое **мздоимство** господствовало тогда в сем месте: всему положена была цена и установление. Желющий быть попом должен был неотменно принести архиерею десять голов сахару [СРЯ XVIII, вып. 12, с. 175]

— Незадолго до роспуска Думы ко мне заезжали и Родзянко и Алексеенко, и оба, точно сговорившись между собою, старались разъяснить, что на этом вопросе Дума должна уступить правительству, так как иначе, — говорили они, — все **взятничество** при разрешении трактиров падет на голову Думы, и правительство будет только справедливо торжествовать свою правоту (В. Коковцов. Из моего прошлого, 1933) [НКРЯ];

— Если бы у наших медиков была бы нормальная заработная плата, не было бы **взятничества**, они бы держались своего

рабочего места, а к взяткам приучили их сами... А больной человек готов идти на всё ради здоровья. Отсутствие денег вынуждает людей действовать как получается. А шарлатанов, которые не имеют никакого отношения к медицине — судить по всей строгости закона... (коллективный форум: Хватит губить детей! 2011) [НКРЯ].

Представление о *взятничестве* как *обычае* актуализируется также в пословицах и поговорках. Т. В. Леонтьева выделяет дифференциальные признаки представлений об *обычае*, актуализированных в паремиях: «‘постоянный’, ‘характеризующийся посессивностью’, ‘обладающий идентифицирующим потенциалом’, ‘имеющий широкое распространение’, ‘являющийся регулятором’, ‘древний’, ‘наблюдаемый’, ‘привычный в силу повторяемости’ создают некоторый собирательный образ обычая» [Леонтьева, 2014, с. 71]. В сборниках пословиц и поговорок русского народа [Даль; Иллюстров, 1915; Михельсон, 1896—1912; Снегирев, 2014; Соловьева, 2001] мы нашли 82 паремии, значения которых, на наш взгляд, отражают большую часть признаков, характеризующих явление взяточничества как обычай:

— взяточничество постоянно: *Не подмажешь — не поедешь; Безъ помази скрипитъ, а не едет* и др.;

— взяточничество обладает идентифицирующим потенциалом (отражаются стереотипы поведения людей определенных профессий, должностей): *Подьячий любитъ калачъ (или: «принось») горячий; Попъ ждетъ покойника богатого, а судья — тягуна тароватого; Съ кого судья взялъ, тот и правъ сталъ; Конь любитъ навозъ — а воевода принось; Лошадь любитъ овесь, земля — навозъ, а становой — принось; Приказный и со смерти на вино просит; За перо возьметъся — у мужика мошна и борода трясетъся и др.*; иначе говоря, в паремиях можно обнаружить образы «типичных взяточников», стереотипно взяточничество

приписывается воеводам, писцам, приказным, станovým, судьям, священнослужителям;

— взяточничество имеет широкое распространение: *Прежде одну свинью кормили, а теперь съ поросятами;*

— взяточничество как распространенное явление вынуждает человека принимать этот обычай, следовать ему и в этом смысле негласно определяет, регулирует жизнь человека в обществе: *Не ходи къ воеводе съ однимъ носомъ, ходи къ нему съ приносомъ; Дари судью, так не посадит въ тюрьму; Знай, кому дать, и знай, с кого взять. Знай, когда дать в руку, а когда в ухо и др.*; обратим внимание на присутствие в примерах глаголов в повелительном наклонении; побудительные по цели высказывания предложения выражают прагматическую установку на регламентирующее воздействие — практический совет, рекомендацию;

— взяточничество наблюдаемо, поэтому может оцениваться: *Дарами и праведного судью къ неправде приведешь; Мзда и мудра мужа очи залепляет и др.*;

— взяточничество привычно (даже обосновывается его «естественность»): *Блины пекутъ, такъ подмазываютъ; Чія кварта на столе, того правда на селе; Эта вина стоит полведра вина и др.*

Отметим, что большая часть паремий сочетает в своем значении несколько признаков обычая, при этом наиболее часто в качестве основного или дополнительного реализуются значения взяточничества как регулятора поведения человека во взаимоотношениях с должностными лицами и идентификатора самого взяточника: *Начнешь судиться, придется разориться. Легче откупиться, чем судиться; Набей возъ людей, да привези возъ золота судьямъ — чистымъ выйдешь; Порожними руками съ судьей не сговоришь и др.* Поэтому во многих паремиях взяточничество констатируется безоценочно (*В суд подношение несут*). Если пословица или поговор-

ка содержит осуждение, то оно может быть как явно выраженным (*Судьи за деньги страхъ божій забыли — стараются, чтобы виноватые правы были; Брюхо, что неправедный судья — молча просит*), так и скрытым (*Утиногo зоба не накормишь, а подъяческаго кармана не наполнишь; Судейский карман, что поповское брюхо*). Интересно, что в русской народной культуре есть пословицы, которые по сути объясняют и, можно даже сказать, оправдывают взяточничество, поскольку государственная служба рассматривается как дело, не приносящее доходов (*Казна съ голоду не уморитъ, да и досыта не накормитъ; Что и въ титуле, когда нетъ ничего въ шкатуле; На що тійи чыны и кресты, колы карманы пусты*), более того, как «голодное» место в случае честной службы (*Правдою служи — кость гложи; Какіе чыны, когда нетъ во щахъ ветчины; Нелюба («Что за») честь, коля нечего есть*).

Представление о взяточничестве как обычае, отражающем, судя по количеству и характеру называющих данное социальное явление языковых фактов, значимую сторону деловых отношений, а также охватывающем все этапы и всех участников процесса, позволяет считать идеограмму «обычай брать взятки» ядром лексико-семантического поля.

Взяточничество как обычай почти не представлено в диалектных словарях, только у В. И. Даля есть значение ‘обычай брать взятки; порядок вещей, где требуются, берутся взятки’ [Даль, т. 1, с. 197]. Однако в разных говорах широко представлены лексемы со значением ‘нелегальное получение должностным лицом доходов за оказание услуги путем использования служебного положения’, синонимы слова *взятка*: сарат. *албан* ‘выкуп, взятка’ [СРНГ, т. 1, с. 233]), татарск. *бахишишь* ‘на чай, на гостинец, водку, магарычи; принось, срывъ, взятка’ [Даль, т. 1, с. 40], дон. *бешкеш* ‘взятка, подношение’ [СРНГ, т. 2, с. 287], орл., курск. *брача* ‘действие берущего; взятка’ [СРНГ, т. 3, с. 168]), *гостинец* ‘взятка’

[СРНГ, т. 7, с. 93]), ряз. *емь* ‘сборъ, подать, пошлина или взятка’ [Даль, т. 1, с. 519]), южн.-сиб. *жемюлька* ‘взятка в виде подарка’ [СРНГ, т. 9, с. 123], вологд., енис. *закуп* ‘подкуп, взятка; подарок’ [СРНГ, т. 10, с. 176]) и др.

Кроме того, в словарях народных говоров фиксируются лексемы, называющие участников процесса получения или вымогания взятки: яросл. *алтынник* ‘взяточник, корыстолюбец’ [ЯОС, вып. 1, с. 22], киргиз. *биркей* ‘взяточник’ [СРНГ, т. 2, с. 293], новг. *бируха* ‘вымогатель, взяточник’ [СРНГ, т. 2, с. 293], смол. *взях* ‘взяточник, тот, кто берет что-либо от кого-либо’ [СРНГ, т. 4, с. 272], помор. *кожедёрина* ‘взяточник’ [Дуров, 2011, с. 189], перм. *рукосуй* ‘претендент, искатель, домогающийся чего-либо, взяточник’ [СРНГ, вып. 35, с. 255] и др., а также сами действия: смол. *глыбить* ‘вымогать взятку’ [ССГ, вып. 3, с. 3], сибир. *брать (взять) саргу* ‘брать взятку’ [СРНГ, вып. 36, с. 143], *взять срыва* ‘сорвать взятку’ [Даль, т. 4, с. 305], *хабарничать* ‘хапать, брать взятки, поживляться’ [Даль, т. 4, с. 540] и др.

Таким образом, номинации основных составляющих явления взяточничества, а также иллюстративный материал, зафиксированные в словарях народных говоров, отражают основные характеристики данного понятия как обычая, поскольку оно репрезентируется как ‘негласное правило деловой среды, установленный порядок’ (*Ты бы гостинец дал, дело-то и выиграл, 1907* [СРНГ, т. 7, с. 93]) и ‘долговременная практика’ (*Приносы служащим, даже воеводам, встарь были в обычае, почему принос ныне взятка* [Даль, т. 3, с. 430]).

В жаргонах по теме «Взяточничество» нам удалось выявить несколько слов, репрезентирующих в словарях данную тему: *бакшиши* (‘жарг. подарок, подношение начальству; в арг. — взятка’ [ССМЖ, 2006, с. 53]), *пылесос* (‘студ. преподаватель-взяточник’ [Там же, с. 451]) и некоторые другие.

Значительное число обозначений взяточничества и связанных с ним понятий представлены в словаре эвфемизмов: там зафиксировано 32 лексемы, среди которых как языковые факты современной речи (*административная рента* ‘соц. эвф. с последнего десятилетия XX в. вместо взятка и отступные, получаемые чиновниками’ [СЭРЯ, 2008, с. 54] и др.), так и устаревшие слова (*мздоимствовать* ‘устар. соц. стерт. эвф. вместо брать взятки’ [Там же, с. 198]).

Кроме того, в словарь Михельсона включены слова и фразеологизмы с пометой «иносказательно»: *акциденции* (‘иноск. взятки, то есть побочные, случайные доходы, поборы, которые перепадают’ [Михельсон, 1912, с. 10]), *барашекъ въ бумажке* (‘иноск. взятка’ [Там же, с. 33]); *безгрешные доходы* (‘ирон. иноск. взятки (намекъ на мненія лицъ, получающихъ такіе доходы, что эти добровольныя приношенія закономъ не воспрещаются, а потому считаются законными и безгрешными)’ [Там же, с. 36]), которые также можно рассматривать как эвфемизмы.

Выводы. Описание лексических репрезентантов институциональных отношений обуславливает обращение к исследованию номинаций не только официальных понятий (названий должностей, учреждений, документов и т. п.), но и тех, которые связаны с полуофициальным, «закулисным» взаимодействием людей в сфере деловых отношений. Языковые факты (лексемы, фразеологизмы, неидиоматические составные выражения, паремии), составляющие лексико-семантическое поле «Взяточничество», отражают систему неформальных взаимоотношений людей в сфере делового общения, складывавшуюся на протяжении всей истории существования русского государства, о чем ясно свидетельствует лексикографическая традиция с XI по XXI века. Долговременно реализуясь на практике и являясь негласным правилом деловой среды, установленным порядком, взяточничество приобретает статус обычая, поскольку име-

ет его основные характеристики. Именно эта группа лексем со значением ‘обычай брать взятки’ рассматривается нами как ядро поля, на ближней периферии которого находятся группы слов со значениями ‘вымогать взятку’, ‘давать взятку’, ‘брать взятку’, ‘человек, берущий взятки’, поскольку вербальные репрезентанты этих значений отражают все составляющие явления взяточничества. Лексические подмножества, составляющие поле «Взяточничество», представлены номинациями из разных языковых страт, но особенно активно данная тема репрезентирована в литературном языке с XI по XVIII века и народных говорах, причем в последних посредством как лексем, так и паремий, что дает интересный материал для интерпретации представлений о взяточничестве в традиционном крестьянском социуме. Проанализированное лексико-семантическое поле является фрагментом обширного фонда социальной лексики русского языка. Выявление идеограмм, воплощенных в языковых единицах этого поля, важно как в контексте разработки комплексного идеографического описания социальной лексики (лингвистический фактор), так и в контексте осмысления так называемой «актуальной лексики», соотносимой с фрагментом действительности, неизменно вызывающим оценки, обсуждения в медиапространстве и побуждающим ученых и рядовых носителей языка к постижению ментальной основы этого явления и причин его неистребимости (экстралингвистический фактор).

3.2. Конфликт человека и власти в аспекте идеографического описания¹

Отношения человека и власти во всем их многообразии находят отражение в разных видах дискурса, но не только множество текстов может служить материалом для исследования, имеюще-

¹ Материалы данного раздела частично опубликованы в соавторстве с Т. В. Леонтьевой.

го целью выявление способов концептуализации представлений о том, как человек относится к властным структурам. Лексика также хранит оценочные смыслы, характеризующие восприятие властей человеком. При этом знания, зафиксированные в виде цельнооформленного слова либо фразеологически связанного сочетания слов, можно считать наиболее устойчивыми ментальными единицами. Государственные институты, назначение которых состоит в обеспечении организации жизни граждан, то есть служении людям, в наивно-языковом сознании предстают как структуры, оказывающие внешнее воздействие, а оно в свою очередь видится как вызывающее ожидаемое сопротивление (как все чужеродное) и побуждающее к противодействию. «Повсюду власть сообщается со своей диалектической оппозицией — сопротивлением, вокруг которого и образуется протестный дискурс, где и гнездятся протестные тексты» [Скиперский, 2015, с. 31]. Семантико-мотивационный анализ языковых единиц, называющих разные формы влияния власти на граждан государства и формы сопротивления им, позволяет понять, какие социальные явления жизни людей подвергаются осмыслению и переосмыслению, как фиксируются в языке, каким образом слова с социальной семантикой могут актуализироваться в разных дискурсах. Работы отечественных и зарубежных лингвистов освещают институциональные отношения внутри государства с точки зрения способов концептуализации политической действительности (как в лексике, так и в текстах), ее места в языковой картине мира, способов воздействия на общественное мнение [Лакофф, 2004; Леонтьева, 2013; Паршин, 2001; Чудинов, 2003; Anderson, 2001; Varndeny et al., 2004; Chomsky, 2004; Musolff, 2004 и др.].

Особым образом представлено противодействие власти в традиционном крестьянском социуме. Среди лексических единиц, которые можно обнаружить в русских народных говорах, на-

ходим лексемы, объективирующие противопоставление «своего мира» без официальных властей (в качестве строительного материала для конструирования слов и фразеологизмов привлекаются лексемы *сам, свой, братский*) и «чуждого мира» властей, устанавливающих закон и порядок извне. Идеограмма «отсутствие власти» воплощена в волог., вят., перм. *самáтовщина*, север, вост. *самотóвщина*, ряз. *самотовщина* [удар.?] ‘отсутствие власти, руководства, безначалие, беспорядок’ (*Какая у них самáтовщина, ни большего ни меньшего нет*) [СРНГ, т. 36, с. 74], перм., вят. *самáтовщина* и *самотóвщина* (б/у места) ‘самоуправство, беззаконие’ (*На этом селе такая самотовщина, что и концов не сыщешь*) [Там же, т. 36, с. 74]. Приведенные факты соответствуют функционирующему в русском литературном языке существительному *самоуправство* с тем же корнем *сам-*. При этом семантический объем этих лексем таков, что мы не можем утверждать, будто речь идет об отсутствии именно официальной власти, утвержденной законодательно. Вполне можно представить себе контексты, которые выявили бы противопоставление признанного в общине центра управления (постоянного, традиционного) и непризнанного (стихийного, временно сложившегося, которое при других обстоятельствах не имело бы веса и не оказывало влияния на уклад жизни в деревне). Может подразумеваться в подобном случае также оппозиция порядка (наличия самоуправления) и беспорядка (отсутствия механизмов самоуправления, несогласованности действий людей) в организации жизни деревенской общины. Сема ‘согласованность (действий)’ зафиксирована во внутренней форме омск. *самоу́гласие* ‘произвол, самовластие’ (*Тогда самоугласие было — кто что хотел, тот и творил*) [Там же, т. 36, с. 108] посредством элементов *у-глас-*. Возможность появления значения ‘добиться согласия’ у сочетаний префикса *у-* с глаголом говорения подтверждается словами *уговорится*

‘сговориться, прийти к соглашению’ [Срезневский, т. III, с. 1134], *уговор* ‘взаимное соглашение, договоренность относительно чего-либо; условие, установленное сообща’, *уговариваться* ‘приходить к взаимному согласию в результате переговоров; договариваться’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 214], *уговорный* ‘разг. установленный по общему уговору; условленный, договоренный’ (*Деньги за провоз я заплачу здесь по уговорной цене*) [Там же, т. 16, с. 216]. Таким образом, основной (но, вероятно, не единственный) зафиксированный лексическими средствами механизм доинституциональной самоорганизации в традиционном социуме — согласование действий по договоренности, достигнутой членами «своего» микросоциума (жителей деревни, села или куста деревень). Сема ‘свой’ видна без специальной исследовательской оптики в том., кемер. *своёй выдумкой* ‘самовольно, без разрешения властей’ (*Игород-то не давали садить, они сами, своей выдумкой. Земли здесь много было. Занимали сколь под силу, селились своевольно, своей выдумкой*) [СРНГ, т. 36, с. 317]. Она трактуется здесь в контексте взаимной проекции оппозиций «свой — чужой» и «несанкционированный властями — установленный официальными властями». В традиционном обществе олицетворением оппозиции официальной власти выступали общинные собрания и суды. Соответствующие диалектные номинации своей внутренней формой апеллируют к словам, называющим единицу социума (*себр* ‘сосед’, *брат*) или деревенское сообщество в целом (*мир*, *община*): курск. *себровщина* ‘собрание членов сельской общины, мирская сходка’ (*Вся себровщина присудила мне владеть этою землею*) [Там же, т. 37, с. 95], арх. *брáтский суд* ‘самосуд’ («Обсуждение дурного поступка своим судом, без участия местных властей; и так выражение “он у нас за то-то был наказан братским судом” означает, что наказан собственными товарищами»; *Начальству не жалелись, братским судом отстегали*)

[Там же, т. 3, с. 160], арх. *мирову́хой* ‘все вместе, сообща’ (*Его сегодня мировухой лупили*) [СРГК, т. 3, с. 241], свердл. *сбо́рень* ‘деревенская сходка, собрание’ [СРНГ, т. 36, с. 181], твер., пск., калин., новг. *суём, суйм, суйма* ‘собрание, сходка, совещание о делах; мирской сход’ [Там же, т. 42, с. 180, 191], волог. *суёма* ‘собрание жителей деревни’ (*Вчерась на суёме решили вот что: будем загороды стеречь по очерёдке*) [СВГ, т. 10, с. 153], том. *схóдня* ‘сходка; собрание членов сельской общины’ [СРГС, т. 4, с. 494], арх. *шумиха* ‘мирской сход’ [Подвысоцкий, 1885, с. 194] (стереотип поведения — «шуметь, обсуждая»), брян. *грамáда* ‘мирская сходка’ [Расторгуев, 1973, с. 82] (возникло на основе метонимии от брян. *грамáда* ‘толпа, много народу, множество’ [Там же]; этимологически предположительно производно от *и.-е. *ger-* ‘собирать, схватывать’; в индоевропейских языках континуанты этого корня имеют значения ‘множество, куча’, ‘груда’, ‘толпа’, ‘ком, глыба’ и др. [ЭССЯ, т. 7, с. 103]) и т. д. В период до формирования институциональных органов управления в деревенской общине не предполагалось расслоения на «власть» и «остальных», управленческие функции выполнялись сообща. Итак, деревенская община вершила суд над поступками человека, а значит, в оппозиции к ней во всякой сложной ситуации, требовавшей разрешения, находился лишь сам «подсудимый», а в других случаях, когда община собиралась не для суда над провинившимся, а для обсуждения общих вопросов управления, принималось совместное решение, даже если были несогласные стороны внутри общины, поэтому и конфликта между «властью» и «обычным человеком» в современном понимании быть не могло. Впрочем, возможность конфликта между человеком и общиной фиксирует уникальный языковой факт — рус. (бурят.) *сведёнь* ‘насиленно выселенный в другую деревню человек’ (*Сведенем его прозвали потому, что его три раза всем обществом переселяли из одной деревни в дру-*

ую. А сведенем он стал потому, не мог долго ужиться с мужиками в деревне) [СРГС, т. 4, с. 245]. Перед нами своего рода разновидность конфликта между человеком и властью в том смысле, что община и была властью.

В литературном и публицистическом дискурсах конфликт между человеком и властью актуализируется в более широком поле номинаций, нежели в диалектах. Выборка из словарей русского литературного языка позволяет представить семантические слоты такой лексики в виде идеографической сетки, отражающей одну из зон лексики-семантического поля, центр которой представлен идеограммой 'протестовать против государственной власти'. Не касаясь оценочной лексики, используемой в процессе противостояния человека и власти, человека и общества, общества и власти, например, слов с пейоративной или дерогативной семантикой, оскорбляющих достоинство человека, его гордость и т. д., а также общество и власть или их представителей, рассмотрим только те номинации, которые в той или иной форме репрезентируют протест, его участников, их характеристики и т. п. Нас интересуют лексические единицы, значения которых отражают институциональные отношения личности, общества и государства в разные периоды истории.

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ СЕТКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВА (КОНФЛИКТ)»

Глаг. «действовать, выступать против официальной власти, идеологии, государственного устройства; противодействовать власти» (*бунтовать*)

Сущ. «массовое действие, выступление против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*бунт*)

Сущ. «неприятие официальной идеологии, власти, государственного строя»

Сущ. «слова, направленные против официальной власти, государственного строя»

Прилаг. «направленный против официальной власти, идеологии, общества, действий власти»

Сущ. «коренной переворот в результате протеста против власти, идеологии, государственного устройства» (*революция*)

Прилаг. «относящийся к коренному перевороту в результате протеста против власти, идеологии, государственного устройства» (*революционный*)

Сущ. «историческое событие в форме протеста, направленного против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*Пугачевский бунт*)

Прилаг. «относящийся к действиям, выступлениям против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*смутный*)

Сущ. «участник протеста против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*бунтарь*)

Прилаг. «свойственный человеку, протестующему против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*бунтарский*)

Сущ. «человек, отличающийся свободомыслием, не согласный с официальной властью, идеологией» (*аболиционист*)

Сущ. «группа людей, занимающаяся деятельностью, направленной против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*оппозиция*)

Прилаг. «относящийся к людям, борющимся против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*оппозиционный*)

Нареч., катег. состояния. «быть настроенным против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*оппозиционно*)

Прилаг. «сформировавшиеся под влиянием протеста против официальной власти, идеологии»

Сущ. «характеристика революционно настроенных людей» (*безумство храбрых*)

Сущ. «общественно-политическое движение, деятельность которого направлена против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*антиглобализм*)

Прилаг. «относящийся к деятельности общественно-политического движения, борющегося против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*антиглобалистский*)

Сущ. «способ политической борьбы против официальной власти»

Глаг. «протестовать путем отказа от работы, пищи, жизни с целью оказать влияние на власть» (*бастовать*)

Сущ. «протест путем отказа от работы, пищи, жизни с целью оказать влияние на власть» (*забастовка*)

Прилаг. «относящийся к протесту путем отказа от работы, пищи, жизни с целью оказать влияние на власть» (*забастовочный*)

Сущ. «участник протеста путем отказа от работы, пищи, жизни с целью оказать влияние на власть» (*забастовщик*)

Глаг. «действовать, выступать против официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*терроризировать*)

Сущ. «деятельность, направленная на подрыв официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*терроризм*)

Сущ. «преступное деяние, направленное на подрыв официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*террористический акт*)

Прилаг. «относящийся к преступным действиям против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*террористический*)

Сущ. «человек, занимающийся преступной деятельностью против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*террорист*)

Сущ. «группа людей, занимающихся преступной деятельностью против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*банда*)

Сущ. «экстремистские организации, занимающиеся деятельностью, направленной против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*ИГИЛ*)

Сущ. «борьба с государственной властью, присвоенной революционным путем» (*контрреволюция*)

Прилаг. «относящийся к борьбе с государственной властью, присвоенной революционным путем» (*контрреволюционный*)

Сущ. «контрреволюционное движение как исторический факт» (*белогвардейщина*)

Сущ. «борец с государственной властью, присвоенной революционным путем» (*контрреволюционер*)

Прилаг. «состоящий из людей, борющихся с государственной властью, присвоенной революционным путем» (*белоказачий*)

Глаг. «подстрекать к протесту против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*агитировать*)

Сущ. «подстрекательство к протесту против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*агитация*)

Прилаг. «относящийся к действиям, связанным с подстрекательством против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*агитационный*)

Сущ. «человек, занимающийся подстрекательством к протесту против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*агитатор*)

Прилаг. «свойственный человеку, занимающемуся подстрекательством к протесту против официальной власти, идеологии, государственного устройства» (*агитаторский*)

Сущ. «организация, занимающаяся агитационной работой»

Сущ. «мероприятие, посвященное агитационной работе»

Сущ. «агитационный материал»

Сущ. «тревожное время»

В сфере обозначений институциональных отношений между человеком, обществом и государством можно выделить номинации, воплощающие две базовые идеограммы: «действия граждан в отношении государства (направленные на сотрудничество либо конфликт)» и «действия государства в отношении граждан

(ориентированные на помощь либо подавление намерений)». В том и другом случае языковые факты фиксируют две стороны отношений человека и государства: взаимное признание и протестное отношение в силу разных причин. Так, например, слово демонстрация как ‘массовое шествие для выражения общественно-политических настроений’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 693] в ассертивной части значения фиксирует только факт проведения мероприятия с определенной целью, которая актуализируется лишь в пресуппозиции, часто в зоне коннотаций. Например, первомайская демонстрация в СССР имела исключительно мирный характер и предполагала не только выражение солидарности с трудящимися всех стран, но и демонстрацию лояльности граждан к власти: *Победив, праздную, сколько хочешь, мирными демонстрациями к коммуне иди* (В. Маяковский. Третья) [Там же]; *На Руси первомайская демонстрация (в духоподъемно-советском понимании этого слова) — действие сакральное, почти языческое. По сути — это обрядовый, веселый и совершенно бессмысленный праздник (ну как восторженно купаться при луне на Ивана Купала), когда люди выходят на улицы не требовать что-либо, а просто порадоваться весне, солнцу, цветным шарикам и друг-другу, а заодно погордится своим местом в обществе — ты рабочий человек!* (В. Ворсобин. Первомайские митинги в Москве: назад в СССР // Комсомольская правда, 2012.05.01) [НКРЯ]; *В современной России этот праздник утратил такое социально-политическое значение, поэтому воспринимается более как празднование начала весны, о чем свидетельствует его новое название «Праздник весны и труда»: Своими праздничными впечатлениями о Первомае в Москве делится корреспондент «Труда». Кто-то отмечал праздник весны и труда, а кто-то по старинке: Международный день солидарности трудящихся. Отпраздновать удалось, с тем или иным успехом, всем. С утра пораньше праздничное*

*шествие устроили профсоюзные организации. Студентки МЭИ Оля и Маша в блестящих париках, с флажками в руках, пританцовывают под музыку (С. Хазова. Первомай — Кого хочешь, выбирай // Труд-7, 2002.05.07) [НКРЯ]. В то же время демонстрация определяется в этом же словаре и как ‘массовое уличное противоправительственное выступление (до Октябрьской революции и в буржуазных странах)’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 693—694]: *Революционное возмущение петроградских рабочих и солдат переливало через край. 3 (16) июля в Петрограде, в Выборгском районе, стихийно начались демонстрации. Отдельные демонстрации разрослись в общую грандиозную вооруженную демонстрацию под лозунгом перехода власти к Советам (История ВКП (б), Краткий курс) [Там же, т. 3, с. 693—694].**

Интересно, что в начале XXI века акции протеста в форме массовых выступлений, в том числе и противоправных, проводятся во всем мире чаще, нежели мирные демонстрации, как следствие, это значение снова актуализировалось, в частности, на первый план выдвинулись семы ‘противоправительственное выступление’ и ‘в буржуазных странах’, что подтверждается анализом контекстов: *Томичи и раньше протестовали в связи с ростом тарифов, а в этот раз состоялась самая мощная демонстрация протеста, в некоторых органах прессы даже высказывалась точка зрения, что жители города готовы были штурмовать местный Белый дом, резиденцию городской администрации (В. Симонин. Гнев закипает и при 30-градусном морозе // Советская Россия, 2003.07.10) [НКРЯ]; Протест против самого непопулярного президента Франции Франсуа Олланда вышел на улицы. В ночь на 27 января, по данным полиции, около 17 тыс. радикально настроенных французов (по данным организаторов — 160 тыс.) собралось на площади Бастилии в Париже на «День гнева», чтобы потребовать отставки президента-со-*

циалиста и высказать «нет» результатам его правления — разрешению однополых браков, беспрецедентному росту безработицы, наплыву иммигрантов. Мирная демонстрация вылилась в потасовки со стражами порядка: 19 полицейских были ранены, 262 манифестанта — задержаны (М. Горковская. «День гнева» против Олланда растягивается на неделю // Известия, 2014.01.27) [НКРЯ] и др.

Анализ показывает, что в лексико-семантическом поле «Действия граждан в отношении государства» количественное преимущество имеет зона конфликта (в данной работе не стоит задача статистического учета лексических репрезентантов разных зон и их сравнения по данному критерию, поскольку численное преобладание знаков не является абсолютным показателем значимости тех или иных смыслов для языкового коллектива). Идеографическая сетка включает 38 идеограмм с семантическим центром «протестовать против государственной власти». При этом выделяются сегменты зоны, соответствующие этапам и формам развития протеста. Первый этап условно связан с формированием протеста, которое в семантическом поле представлено идеограммами «подстрекать», «подстрекательство», «относящийся к подстрекательству», «человек, занимающийся подстрекательством», «свойственный человеку, занимающемуся подстрекательством», объединенных интегральной семой ‘протест против официальной власти, идеологии, государственного устройства’. Лексическими репрезентантами идеограмм являются соответственно слова разной частеречной принадлежности, например: *агитировать* (‘волновать, подстрекать, возбуждать к какому-нибудь действию’ [Чудинов, 1894]: *Но скажите вы мне, на кой черт агитировать за восстание, если сам поджимаешь хвост?* Б. В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было, 1918 [НКРЯ]); *агитация* (‘народные или сословные смуты, подговоры, наущенья и волнение,

тревога' [Даль, т. 1, с. 4]: *Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись в наивозможно широких размерах протест против существующего порядка и требование реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного Собрания* (Народная воля. Социально-революционное обозрение. № 3 // Народная воля, 1880 [НКРЯ]); *агитатор* ('волнователь, подстрекатель, смутчикъ, зачинщикъ мятежа' [Даль, т. 1, с. 4]: *Вспоминался агитатор-большевик, в марте все ходил по палаткам, отговаривал наступать. Тогда казался сумасшедшим, а ведь правильно говорил: кроме как на пушечное мясо — мы никому здесь не нужны...* (О. Копытов. Долгая дорога // Сибирские огни, 2013 [НКРЯ]) и др.

Второй этап выступлений граждан против власти связан с собственно протестными действиями и репрезентирован идеограммами, включающими ту же интегрирующую сему протеста 'против официальной власти, идеологии, государственного устройства': «действовать, выступать» (*бунтовать, крамолити*), «массовое действие» (*бунт, волнение, смута*), «коренной переворот в результате протеста» (*революция, цветная революция*), «относящийся к коренному перевороту» (*революционный*), «историческое событие в форме протеста» (*Пугачевский бунт, Майдан*), «относящийся к действиям, выступлениям» (*смутный, крамольный*), «участник протеста» (*бунтарь, белоленточник*) и др. При этом интересно провести анализ семантики лексем в диахронии. Так, В. В. Колесов, анализируя значения некоторых слов, включенных нами в данную лексическую группу, пишет: «Итак, революции делают дворяне, у мужиков это стачки, которые называют бунтом. Для власти подобные выступления по-прежнему остаются бунтами, но в действительности они изменялись в своем характере. Эти изменения требовали своих обозначений» [Колесов, 2006, с. 62]. К этой же группе примыкают идеограммы, связанные

с особыми формами протеста, например, «путем отказа от работы, пищи, жизни с целью оказать влияние на власть» (*забастовка, голодовка, самосожжение*).

Условно третий этап развития конфликта между гражданами и государством связан с оценкой протестных действий как преступных. Здесь актуализируются идеограммы «действовать, выступать против официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*терроризировать*), «деятельность, направленная на подрыв официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*антисоветчина, терроризм*); «преступное деяние, направленное на подрыв официальной власти, идеологии, государственного устройства путем совершения преступления» (*дворцовый переворот, террористический акт*) и др. Структура значения слов данной группы дополняется семей 'путем совершения преступления'. К этой же группе примыкают идеограммы «борьба с государственной властью, присвоенной революционным путем» (*контрреволюция*), «контрреволюционное движение как исторический факт» (*белогвардейщина*) и др., поскольку в наивно-языковом сознании такая борьба в момент ее существования обычно связывается с преступной политической деятельностью, хотя со временем и в разных социальных группах такая связь может переосмысливаться, сравним: *Национальная рознь и прочие «плоды» колониальной политики самодержавия создавали клубок неизжитых противоречий, затруднявших работу партийных организаций и органов советской власти. Басмачество, кулацкие восстания, остатки белогвардейщины и английская интервенция превращали территорию Туркестана в сплошной фронт [НКРЯ] и В советское время понятия басмáч и басмáчество имели отнюдь крайнего осуждения. После распада СССР отношение к басмачам в независимых республиках Средней Азии постепенно пере-*

считается. В настоящее время это движение называется «освободительным движением народов Центральной Азии [Басмачество]. Таким образом, идеографическая сетка, включающая в себя идеограммы протеста против официальной власти, идеологии, государства, отражает разветвленную систему конфликтных отношений человека и власти, которые составляют важную часть институциональных отношений в государстве на протяжении всего периода его существования, при этом поле институционального конфликта постоянно наполняется языковыми единицами, номинирующими новые реалии жизни социума (*арабская весна, бархатная революция, антимайдан, правосеки* и т. д.), а также новыми значениями уже имеющихся номинаций, еще не зафиксированными в существующих лексикографических источниках (*бандеровец* ‘участник украинского националистического движения, в XXI веке, для которого характерны крайне правые, радикально-националистические взгляды’: — *В них сидят все эти бандеровцы из «Свободы» (всеукраинское националистическое объединение. — «Известия»)*, у которых с уст не сходят разговоры про происки «жидів та москалів». Ну и мы, коммунисты, у них тоже злейшие враги. Молодым националистам определение «бандеровец» льстит. Многие из них даже называют так друг друга, стоя 9 мая в толпе у Холма славы (Ю. Мацарский. Бой во Львове за Знамя Победы // Известия, 2012.05.09) [НКРЯ]; ополчение ‘войско, созданное из гражданских лиц в условиях вооруженного сопротивления власти, захваченной революционным путем’: *Киев объявил войну и мирным гражданам, — заявил Руденко. — Мы призываем собирать народное ополчение. Люди понимают, что их некому защищать, кроме них самих, поэтому мы будем очищать свою территорию от киевской хунты* (Т. Байкова, К. Волков. В Донецке готовятся к военному столкновению после референдума // Известия, 2014.05.07) [Там же] и т. д.).

Таким образом, конфликт человека и власти, столь различный в традиционном обществе с его внутренними механизмами самоуправления и в обществе, управляемом официальными (законодательно установленными) властными институтами, закономерно получает языковое выражение. Этот лексический пласт составляет один из заметных сегментов социальной лексики. Систематизация этих номинаций по идеографическому принципу, на сегодняшний день еще не осуществленная, видится нам тем более перспективной в свете стремительно меняющихся социальных реалий. Перспектива исследования видится в том числе в выявлении и описании номинаций институциональных отношений, воплощенных в разного рода языковых фактах: лексемах, идиоматических выражениях и паремиях из диалектной, жаргонной, литературной страт в диахронном аспекте и современном употреблении. Такое описание лексической репрезентации социальных отношений позволит создать комплексную картину институциональных отношений в разные периоды истории народа, воплощенную в его языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование социальной лексики русского языка, разработка методики ее описания, а также принципов и способов идеографирования языковых единиц, номинирующих значимые для человека явления, события, персоналии и др., связанные с жизнью общества и государства, позволяет сделать ряд выводов:

1. Лингвистические работы, посвященные исследованию лексико-семантических номинаций социальной сферы, содержат отдельные наблюдения над языковыми фактами, репрезентирующими социальные отношения из разных сфер жизнедеятельности человека. В публикациях и диссертационных работах описываются обозначения властных отношений, конфликтного взаимодействия, дружеского общения, лексика трудовых отношений, политики, идеологии и мн. др. Однако комплексное описание социальной лексики в этих исследованиях в настоящее время отсутствует, что свидетельствует о своевременности обращения к вопросам выявления и описания этого массива языковых единиц.

2. Определение понятия «социальная лексика» дает возможность проводить комплексное исследование данного объединения слов. Материал (лексемы, фразеологизмы, неидиоматические составные выражения, поговорки) может быть извлечен из лексикографических источников разного типа (современных и исторических толковых словарей русского языка, словарей диалектов, жаргонов, из энциклопедий). Помимо этого, есть необходимость проводить анализ текстов современных средств массовой информации, в частности газетных контекстов, в которых можно обнаружить новые языковые факты, новые значения

и коннотации слов. Задача всестороннего описания социальных номинаций обуславливает обращение к разным языковым идиомам (литературному языку, жаргонам, диалектам, просторечию).

3. В результате разработки методики выявления языковых фактов, называющих понятия из социальной сферы, установлено, что описание социальной лексики, как и лексической системы вообще, требует обращения к анализу семного состава значений слов. Обнаружено, что социальные компоненты могут находиться в разных зонах значения. Наиболее очевидно отнесение лексической единицы к фонду социальной лексики в том случае, когда семантические компоненты ('профессия', 'форма правления', 'общество', 'должность', 'политический', 'административный', 'коллективный', 'воспитывать', 'управлять', 'властвовать' и др.) делают явной принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального или социального неинституционального общения, благодаря тому, что социальные семы находятся в ассертивной зоне значения. Пресуппозиционная часть, которая обычно соотносима с ближней и дальней периферией значения, также может содержать социальные семантические множители, в этом случае значения лексических единиц обычно требуют семантической интерпретации с учетом использования слова в разных контекстах. Если социальная сема локализуется на периферии значения слова и визуализируется только в иллюстративном контексте, то можно говорить о выявлении социальных смыслов в семантической пресуппозиции. В этом случае лексические единицы сочетаются с номинациями, имеющими социальные семы в ассертивной зоне значения и встраиваются в парадигматические отношения синонимии / антонимии; обозначаемые этими словами понятия имеют отношение как к социальной,

так и к личной сферам жизни человека. В ряде слов социальные смыслы могут выявляться только в прагматической пресуппозиции, в этом случае социальные коннотации актуализируются только в конкретном контексте, при этом понятны адресату, потому что пишущий и читающий имеют общие фоновые знания. Социальные семы, извлекаемые из прагматической пресуппозиции, не фиксируются словарными дефинициями.

4. По критерию общности значений, выявляемой на основании анализа семного состава значений слов и вычленения социальных компонентов в ассертивной и пресуппозиционных зонах значения, лексические единицы с социальной семантикой объединяются в группы и могут быть подвергнуты идеографированию.

Идеографическое описание социальной лексики представляет собой концепцию членения этого семантического пространства. Включение стилистически дифференцированных лексем в номинативные множества, репрезентирующие одну идеограмму, позволяет создать более полное представление об актуальных в разные периоды истории для представителей разных социальных слоев и групп общества явлениях, событиях и др., в чем видится ценность создания словаря толково-идеографического типа. Безусловно, значимой работой представляется также введение в научный оборот слов, не вошедших ранее в материалы лексикографических источников. Подбор газетных и художественных иллюстративных контекстов, различающихся по времени создания, позволяет зафиксировать специфические для разных хронологических срезов смыслы.

По мере накопления и оформления языкового материала принципы и правила составления идеографии социальной лексики уточняются. Однако уже на данном этапе подготовки идеографии социальной лексики очевидно, что разметка основных

номинативных множеств, аккумулирующих социальную информацию, необходима для того, чтобы во всей полноте обозреть ту часть русского лексического фонда, которая фиксирует знание о социальной жизни человека, а также для того, чтобы совершенствовать принципы создания и систематизации лексических множеств и продолжать работу по сбору и интерпретации языковых фактов с учетом того, что язык постоянно пополняется новыми номинациями.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.
2. АиФ. — *Еженедельник «Аргументы и Факты»*, 2016, № 5—8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.aif.ru/gazeta/number/31185>
3. *Басмачество* [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. — Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Басмачество>.
4. Бирих и др., 2007 — *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь* : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. — Москва : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 926 с.
5. БИС — *Большая иллюстрированная энциклопедия*. В 32-х томах. — Москва : АСТ : Астрель, 2010.
6. БСРЖ, 2001 — *Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона* / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 720 с.
7. БТСРР, 2008 — *Большой толковый словарь синонимов русской речи : Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы* / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2008. — 784 с.
8. БТСРЯ, 1998 — *Большой толковый словарь русского языка / Ин-т лингвист. исслед. ; авт., сост., глав. ред. С. А. Кузнецов*. — Санкт-Петербург : НОРИНТ, 1998. — 1535 с.
9. БУСРЯ, 2017 — *Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка* / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Словари XXI века, 2017. — 1456 с.
10. ВЭС, 2004 — *Всемирный энциклопедический словарь* / М. В. Адамчик, В. В. Адамчик. — Минск : Современный литератор, 2004. — 1639 с.
11. *Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий* / И. М. Ганжина. — Москва, 2001. — 672 с.
12. *Георгиева Н. Исторический словарь* / Н. Георгиева, В. Георгиев, А. Орлов. — Москва : Издательство «Проспект», 2017. — 640 с.
13. *Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы* / О. В. Григоренко. — Воронеж : Научная книга, 2009. — 517 с.
14. *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка* : в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1981—1982.
15. *Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении* / И. М. Дуров. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — 455 с.
16. *Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980-х—1990-х)* / В. С. Елистратов. — Москва : Русские словари, 2000. — 694 с.

17. Иллюстров, 1915 — *Иллюстровъ I. И.* Жизнь русского народа въ его пословицахъ и поговоркахъ : сборник русскихъ пословицъ и поговорокъ. Издание 3-е, исправленное и дополненное / I. И. Иллюстровъ. — Москва : [б. и.], 1915. — 469 с.
18. ИСРЯ, 1990 — *Баранов О. С.* Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. Выпуск 1. — Москва : Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1990. — 198 с.
19. *Лопатин В. В.* Толковый словарь современного русского языка : активная, наиболее употребительная лексика русского языка конца XIX — XX века / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Эксмо, 2009. — 928 с.
20. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое : Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1896—1912. (Репринтное издание).
21. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.ruscorpora.ru.
22. *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук, 1885. — 198 с.
23. *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. — Минск : Наука и техника, 1973. — 296 с.
24. РИС, 2011 — *Русский* идеографический словарь : Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2011. — 1032 с.
25. РСС, 2003 — *Русский* семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6-ти томах / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 2003. —Т. 3. — 660 с.
26. СВГ — Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1—10. — Вологда : Русь, 1983—2005.
27. *Словарь-тезаурус* русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : Проспект, 2011. — 232 с.
28. СлРЯ XI—XVII — *Словарь* русского языка XI—XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. — Москва : Наука, 1975—2008.
29. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.

30. *Смолицкая Г. П.* Топонимический словарь Центральной России / Г. П. Смолицкая. — Москва : «Армада-пресс», 2002. — 416 с.
31. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев ; отв. ред. О. А. Платонов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2014. — 528 с.
32. *Соловьева Л. В.* Не в бровь, а в глаз : пословицы и поговорки Псковской и Ленинградской области. Бабушкины байки. — Гатчина : Типография Салезианского Центра «Дон Боско», 2001. — 128 с.
33. СРГС — *Словарь русских говоров Сибири* : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука, 1999—2006. Т. 1—5.
34. СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1—6. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1994—2005.
35. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук, 1893—1912.
36. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Т. 1—38. — Москва, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965—2004.
37. ССМЖ, 2006 — *Грачев М. А.* Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. — Москва : Эксмо, 2006. — 672 с.
38. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1950—1965.
39. СЭРЯ — *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 464 с.
40. ТСРГ, 1999 — Толковый словарь русских глаголов : идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : Аст-пресс, 1999. — 698 с.
41. ТСРЯ XXI, 2008 — Толковый словарь русского языка начала XXI века / под ред. Г. Н. Складневской. — Москва : Эксмо, 2008. — 1136 с.
42. *Туников Н. М.* Словарь древнерусских собственных имен / Н. М. Туников. — Санкт-Петербург, 1903. — 857 с.
43. Ушаков, 1935—1940 — *Толковый словарь русского языка* в 4-х томах : Описание ЭНИ // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). — Москва : [б. и.], 2006. — Режим доступа : <http://feb-web.ru>.
44. *Фразеологический словарь русского языка* : свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. — Москва : Русский язык, 1978. — 544 с.
45. ЭИС — *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области : в пяти выпусках / О. В. Востриков. — Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора ;

Уральское литературное агентство, 2000. Вып. 1: Народный календарь. — 148 с. Вып. 2: Народная свадьба. — 206 с. Вып. 3: Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. — 200 с. Вып. 4: Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры). — 161 с. В. В. Липина. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. — Екатеринбург, 2004— Вып. VI/1—.

46. Хронотип — *Хронотип* // Википедия. — Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/хронотип>.

47. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. — Санкт-Петербург : Издание книгопродавца В. И. Губинского, Типография С. Н. Худекова, 1894. — 1004 с.

48. ЭССЯ — *Этимологический* словарь славянских языков : праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. Вып. 1—38. — Москва : Наука, 1974—2012.

49. ЯОС — *Ярославский* областной словарь / Ред. Г. Г. Мельниченко и др. Вып. 1—10. — Ярославль, 1981—1991. — Вып. 1. Аа — Бобинка, 1981. — 68 с.

50. “*Pindosiya.com*”. — Access mode : <http://pindosiya.com/>.

Литература

1. *Аболин Б. И.* Концепт «Толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Б. И. Аболин. — Екатеринбург, 2009. — 23 с.

2. *Абрамов В. П.* Семантические поля русского языка / В. П. Абрамов. — Москва ; Краснодар : Академия педагогических и социальных наук РФ ; Кубанский государственный университет, 2003. — 338 с.

3. *Адясова Л. Е.* Концепт Советский Союз и его языковая экспликация в современном российском медиадискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. Е. Адясова. — Нижний Новгород, 2016. — 269 с.

4. *Аксютенкова Л. Г.* Деривация как фактор эволюции терминосистемы (на материале терминологии «Рыночная экономика») : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Л. Г. Аксютенкова. — Краснодар, 2002. — 200 с.

5. *Андреев В. К.* Автономияция в корпоративных языках молодежи : форма и содержание / В. К. Андреев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 5 (59). — С. 4—7.

6. *Анохина С. А.* Отражение деловой сферы в русских пословицах и поговорках / С. А. Анохина, Н. В. Кожушкова, А. В. Прокофьева // Вестник Новгородского государственного университета. — 2014. — № 77. — С. 50—52.

7. *Анферова Г. Н.* Глаголы труда с оценочным компонентом в современном литературном языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. Н. Анферова. — Екатеринбург, 2000. — 21 с.

8. *Апресян Ю. Д.* Осуждать, порицать / Ю. Д. Апресян, И. В. Галактионова // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка : 2-е изд-е, испр. и доп. — Москва : Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. 729—733.
9. *Арапова О. А.* Концепт «Дружба» : системный и функционально-когнитивный анализ : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. А. Арапова. — Уфа, 2004. — 242 с.
10. *Архарова А. В.* Лексико-фразеологическая объективация концепта «провинция» в русском и английском языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. В. Архарова. — Благовещенск, 2008. — 238 с.
11. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — Москва : Язык русской культуры, 1999. — 895 с.
12. *Афанасова Н. В.* О чем говорят фикрайтеры / Н. В. Афанасова // Научный диалог. — 2016. — № 3 (51). — С. 9—17.
13. *Афинская З. Н.* Гостеприимство и l'hospitalité как культурно мотивированные понятия / З. Н. Афинская // Россия и Запад : диалог культур. — 2015. — № 9. — С. 4.
14. *Ахметова М. Э.* Особенности формирования терминологии предметной области «антикризисное управление» : экстралингвистические и когнитивно-деривационные аспекты (на материале русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. Э. Ахметова. — Майкоп, 2015. — 254 с.
15. *Бабаева Е. Э.* Авторитет, вес, влияние, престиж / Е. Э. Бабаева // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка : 2-е изд-е, испр. и доп. — Москва : Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. 1—4.
16. *Бабенко Л. Г.* Классы слов в аспекте идеографической лексикографии : принципы выделения, формирования состава и описания / Л. Г. Бабенко // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016. — № 5. — С. 10—14.
17. *Баженов Н. Ю.* Лексика по теме «Нравственная характеристика личности» в самарских говорах / Н. Ю. Баженов // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2012 / ответственный редактор А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — С. 289—299.
18. *Байбурин А. К.* Гостеприимство и застольный этикет / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. — В книге : *Байбурин А. К.* У истоков этикета : этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. — Ленинград : Наука, 1990. — С. 110—160.
19. *Балашова Л. В.* Идиомы со значением «власть» в современном российском политическом дискурсе / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 12—21.
20. *Балашова Л. В.* Реализация концептов «свой» — «чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI века / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2014б. — № 1 (47). — С. 40—50.

21. *Балашова Л. В.* Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискурса / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2006. — № 20. — С. 21—43.
22. *Балашова Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014а. — 496 с.
23. *Баматгиреева М. В.* Вербализация понятия «общность / объединение людей» в русской языковой картине мира : автореферат ... диссертации кандидата филологических наук / М. В. Баматгиреева ; Кубанский государственный университет. — Ставрополь, 2010. — 27 с.
24. *Бараева О. Г.* Концептуализация понятия «конфликт» в русской национальной картине мира второй половины XX в. — начала XXI в. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Г. Бараева. — Краснодар, 2009. — 189 с.
25. *Барилловская А. А.* Лексическое выражение концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. А. Барилловская. — Красноярск, 2008. — 207 с.
26. *Барсукова М. И.* Медицинский дискурс : стратегии и тактики речевого поведения врача : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. И. Барсукова. — Саратов, 2007. — 141 с.
27. *Бартминский Е.* Какие ценности участвуют в формировании языковой картины мира славян? / Е. Бартминский // Етнолінгвістичка проучавања српског и других словенских језика : у част академика Светлане Толстој. — Београд : САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. — С. 60—70.
28. *Басова Л. В.* Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. В. Басова. — Тюмень, 2004. — 241 с.
29. *Белова О. В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (Этнолингвистическое исследование) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.03 / О. В. Белова. — Москва, 2006. — 264 с.
30. *Бенвенист Э.* Гостеприимство / Э. Бенвенист. — В книге : *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов : [пер. с франц.] / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1995. — С. 74—83.
31. *Березович Е. Л.* Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. Человек. Культура. Политика и экономика / Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова // *Quaestio Rossica*. — 2015. — № 1. — С. 129—152.
32. *Березович Е. Л.* «Рай идет в этом райке...» : к образу рая в русской языковой традиции / Е. Л. Березович // *Этимология* / под редакцией Ж. Ж. Варбот. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. — С. 18—35.
33. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Москва : Индик, 2007. — 600 с.

34. *Березович Е. Л.* Языковой образ дурака : этнолингвистический аспект / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Язык культуры : семантика и грамматика : к 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого. — Москва : Индрик, 2004. — С. 368—384.
35. *Библиева О. В.* Молодежный сленг как форма репрезентации молодежной культуры в средствах массовой информации / О. В. Библиева // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 304. — С. 62—65.
36. *Блинова А. Н.* Обозначения неформальных литературных сообществ XX—XXI веков / А. Н. Блинова // Культура и цивилизация. — 2016. — № 5А. Том 6. — С. 162—171.
37. *Богуславская О. Ю.* И нет греха в его вине (*виноватый* и *виновный*) / О. Ю. Богуславская // Логический анализ языка. Языки этики / под редакцией Н. Д. Арутюновой. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 79—89.
38. *Богуславская О. Ю.* *Хитрый, хитроумный, плутоватый, лукавый* / О. Ю. Богуславская // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 1237—1240.
39. *Борисова М. К.* Продуктивные модели терминологизации в сфере безопасности на примере тематических областей «Международная безопасность», «Ядерная безопасность» (на материале современного русского языка) / М. К. Борисова // Политическая лингвистика. — 2016. — № 3 (57). — С. 61—68.
40. *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. — 330 с.
41. *Будина М. Э.* Динамика языковых явлений от возникновения до приобретения новых смыслов (на примере именованных «цветных революций») : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. Э. Будина. — Тверь, 2016. — 151 с.
42. *Буренкова С. В.* Фрейм как способ моделирования фрагментов поля в идеографической лексикографии (на материале лексико-семантической группы «Неуклюжесть» / С. В. Буренкова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 2. — Рр. 73—81.
43. *Быкова Е. В.* Однословные финансово-экономические термины, заимствованные из английского языка в 90-е годы : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Быкова. — Санкт-Петербург, 2000. — 16 с.
44. *Варбот Ж. Ж.* Лехитские этимологии / Ж. Ж. Варбот // Общеславянский лексический атлас : материалы и исследования : 1979. — Москва : Наука, 1981. — С. 317—328.
45. *Васильев А. Д.* Интерпретативные потенции текста политического выступления / А. Д. Васильев // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1 (47). — С. 51—60.

46. *Васильев А. Д.* Информационная война : лингвистический аспект / А. Д. Васильев, Ф. Е. Подсохин // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 10—16.
47. *Васильева Е. В.* Кодекс поведения хозяина и гостя в русской праздничной культуре (на материале паремий и ассоциативного эксперимента) / Е. В. Васильева, А. Н. Сперанская // Язык и социальная динамика. — 2012. — № 12-2. — С. 8—11.
48. *Ваулина Е. Ю.* Картина мира в языковой метафоре / Е. Ю. Ваулина, Г. Н. Скляревская // Scando-Slavica. Copenhagen. — 1995. — Т. 41. — С. 200—213.
49. *Вдовиченко С. С.* Речевой портрет языковой личности игрока в DOTA2 / С. С. Вдовиченко // Научный диалог. — 2016. — № 2 (50). — С. 9—20.
50. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелёва. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — С. 63—210.
51. *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. — Москва : Индрик, 2002. — 336 с.
52. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Москва : ОЛМА ПРЕСС, 2005. — 384 с.
53. *Веснина Л. Е.* Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. Е. Веснина. — Екатеринбург, 2010. — 250 с.
54. *Володина Т. В.* Кто кого и зачем обучает в лапти / Т. В. Володина // Славянские языки в свете культуры. — Москва : ООО «А Темп», 2006. — С. 228—242.
55. *Вильк Г.* Семантика труда в русско-польском языковом сопоставлении : диссертация ... кандидата филологических наук / Г. Вильк. — Католице : Силезский университет, 2013. — 238 с.
56. *Вольф Е. М.* Друг. Друг друга. Дружба. Дружен. Дружеский. Дружественный. Дружить. Дружный / Е. М. Вольф, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, В. Н. Телия // Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка : опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. — Вена : Wiener Slawistischer Almanach, 1984. — С. 292—316.
57. *Воробьева О. И.* Политический язык : семантика, таксономия, функции : диссертация... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. И. Воробьева. — Москва, 2000. — 382 с.
58. *Воронина Т. М.* Опозиция «образованный / необразованный человек» как объект описания в лингвокультурологическом словаре концептов / Т. М. Воронина // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 355. — С. 10—12.

59. *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст : ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 194 с.

60. *Выходцева И. С.* Концепт «свой — чужой» в советской словесной культуре : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. С. Выходцева. — Саратов, 2006. — 187 с.

61. *Гак В. Г.* Актантная структура грехов и добродетелей / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки этики / под редакцией Н. Д. Арутюновой. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 90—96.

62. *Гайсина Р. М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. — Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1981. — 194 с.

63. *Галимова О. В.* Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков) : диссертация ... кандидата филологических наук / О. В. Галимова. — Уфа, 2004. — 309 с.

64. *Гаранович М. В.* Лексикографическое описание лексики субкультур г. Перми / М. В. Гаранович // Социо- и психолингвистические исследования. — 2013. — № 1. — С. 33—38.

65. *Гарипова Г. Р.* Концепт «Гостепримство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Г. Р. Гарипова. — Уфа, 2010. — 23 с.

66. *Глебкин В. В.* Ритуал в советской культуре / В. В. Глебкин. — Москва : Янус-К, 1998. — 168 с.

67. *Голованевский А. П.* Формирование идеологически-оценочной общественно-политической лексики в русском литературном языке XIX — начала XX века : диссертация ... доктора филологических наук. — Кокчетав, 1993. — 365 с.

68. *Голованова Н. И.* Семантико-синтаксические и референциально-прагматические основания представления фрейма «вооруженное столкновение» в публицистическом тексте (на материале интернет-изданий российских газет и информационных агентств) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. И. Голованова. — Ростов-на-Дону, 2015. — 198 с.

69. *Голованова Е. И.* Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка : лингвокогнитивный анализ : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. И. Голованова. — Челябинск, 2004. — 367 с.

70. *Головачева О. А.* Языковые оценочные средства в статьях Н. С. Лескова о полицейских врачах / О. А. Головачева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. — 2015. — № 7 (102). — С. 154—159.

71. *Гоннова Т. В.* Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. В. Гоннова. — Волгоград, 2003. — 210 с.
72. *Гриценко А. В.* Фразеосемантическое поле «введение в заблуждение» : когнитивный аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Гриценко. — Благовещенск, 2009. — 273 с.
73. *Гриценко Е. С.* Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур / Е. С. Гриценко // Вестник Московского университета. Серия 19 : лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 2. — С. 87—93.
74. *Громыко М. М.* Мир русской деревни / М. М. Громыко. — Москва : Молодая гвардия, 1991. — 270 с.
75. *Гукетлова Ф. Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Ф. Н. Гукетлова. — Нальчик, 2009. — 431 с. *С. Ю.* Идеографическая стенограмма христианской лексики в русских диалектах : способы подачи материала / С. Ю. Дубровина // *Филоlogos*. — 2014. — № 2 (21). — С. 44—50.
76. *Гукетлова Ф. Н.* Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смысловозначительный фактор мировидения / Ф. Н. Гукетлова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — Вып. 2. — 2009. — С. 121—125.
77. *Дуличенко А. Д.* Этносоциоллингвистика «перестройки» в СССР : Антология запечатленного времени / А. Д. Дуличенко. — Munchen : Sagner, 1999. — 583 с.
78. *Двуссалиева Э. А.* Национальная специфика языковой активации концепта «мужчина» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Э. А. Двуссалиева. — Астрахань, 2009. — 226 с.
79. *Егорова Э. В.* Лексическая реализация политических стереотипов в медиaprостранстве : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Э. В. Егорова. — Москва, 2016. — 170 с.
80. *Едалина А. А.* Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. А. Едалина. — Екатеринбург, 2016. — 256 с.
81. *Епимахова А. Ю.* Межъязыковое заимствование наименований лиц по профессии в когнитивно-коммуникативном аспекте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Ю. Епимахова. — Челябинск, 2010. — 172 с.
82. *Ерёмкина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду в русских народных говорах : этнолингвистический аспект : автореферат

диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. А. Ерёмина. — Екатеринбург, 2003. — 22 с.

83. *Ермина М. А.* Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции : монография / М. А. Ермина. — Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2014. — 204 с.

84. *Ермакова О. П.* Концепты *совесть* и *стыд* по данным языка / О. П. Ермакова // Русский язык в контексте культуры : сборник статей. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — С. 54—59.

85. *Ерофеева Е. В.* Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка / Е. В. Ерофеева, Е. А. Пепеляева // Вестник Пермского университета. Серия : Российская и зарубежная филология. — 2011. — Вып. 1. — С. 7—19.

86. *Ефанова Л. Г.* Категория нормы в русской языковой картине мира : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Л. Г. Ефанова ; Национальный исследовательский Томский государственный университет. — Томск, 2013. — 501 с.

87. *Зализняк Анна А.* О семантике щепетильности (*обидно, совестно* и *неудобно* на фоне русской языковой картины мира) / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки этики / под редакцией Н. Д. Арутюновой. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 101—118.

88. *Заречнева Е. Н.* Социокультурный концепт «учитель» : когнитивно-дискурсивное исследование : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Н. Заречнева. — Барнаул, 2009. — 214 с.

89. *Зацепина Е. В.* Вербализация концепта «друг» в немецких и русских паремиях : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. В. Зацепина. — Тамбов, 2010. — 178 с.

90. *Жданова Л. А.* Общественно-политическая лексика : структура и динамика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. А. Жданова. — Москва, 2001. — 224 с.

91. *Желтухина М. Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / М. Р. Желтухина. — Москва, 2004. — 358 с.

92. *Жуков К. А.* Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира : на материале русской и английской паремиологии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. А. Жуков. — Великий Новгород, 2004. — 156 с.

93. *Заварзина Г. А.* Процессы неологизации в лексической подсистеме тематической сферы «Государственное управление» в современном русском языке / Г. А. Заварзина // Язык и культура. — 2014. — № 1 (25). — С. 14—21.

94. *Загребельный А. В.* Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном

аспектах : монография / А. В. Загребельный. — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. — 248 с.

95. *Зайкина З. М.* Когнитивная синтагматика представления о значимости труда в русском национальном сознании / З. М. Зайкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12—1 (54). — С. 82—87.

96. *Ивашкович Т. И.* Лексико-синтаксическое структурирование семантического поля «Знание. Компетентность» в современном русском языке : лексикографический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. И. Ивашкович. — Волгоград, 2001. — 184 с.

97. *Игошина Ю. В.* КВН-язык как маркер молодежных субкультурных форм / Ю. В. Игошина // Вестник Вятского государственного университета. — 2009. — № 4. Том 1. — С. 110—116.

98. *Исаева Н. В.* Новые наименования лиц на рынке труда : структурно-семантический и функциональный аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Исаева. — Москва, 2010. — 340 с.

99. *Ицкович Т. В.* Базовые субкатегории тональности в текстах религиозного стиля (на материале православной проповеди) / Т. В. Ицкович // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2012. — № 14. — С. 147—154.

100. *Кабакова Г. И.* Русские традиции застолья и гостеприимства / Г. И. Кабакова. — Москва : ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2015. — 464 с.

101. *Калинина Л. В.* Семантика и функционирование лексемы Бро в интернет-коммуникации / Л. В. Калинина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 2-2. — С. 411—414.

102. *Карасик В. И.* Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 25—53.

103. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1976. — 356 с.

104. *Карпухина Н. М.* Лексико-семантические процессы в русской терминологии товарно-денежного обращения : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Н. М. Карпухина. — Москва, 2007. — 393 с.

105. *Карцевский С. О.* Язык, война и революция / С. О. Карцевский. — Берлин : Рус. универс. изд-во, 1923. — 72 с.

106. *Касаткина Е. А.* Концепт «власть» в русской лингвокультуре : когнитивный и фразеосемантический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Касаткина. — Ростов-на-Дону, 2012. — 225 с.

107. *Каслова А. А.* Метафорическая модель : ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА — это ВОЙНА в российском политическом дискурсе. — В диссертации : Кас-

лова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. А. Каслова. — Екатеринбург, 2003. — 208 с.

108. Катермина В. В. Русское чиновничество XIX века в зеркале фразеологии и художественной литературы / В. В. Катермина / Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажи : сборник научных трудов / под редакцией В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 104—116.

109. Ким И. Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / И. Е. Ким. — Красноярск, 2011. — 503 с.

110. Китайгородская М. В. Современная экономическая терминосистема (Состав. Устройство. Функционирование) / М. В. Китайгородская // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / под редакцией Е. А. Земской. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — С. 163—236.

111. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи : «значение» и «смысл» / И. М. Кобозева // Язык о языке : сборник статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 304—359.

112. Ковенева С. Б. Функционально-семантическая характеристика глаголов социальных отношений в современном художественном тексте (на материале трилогии Е. А. Кулькина «Прощеный век») / С. Б. Ковенева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2008. — № 1. — С. 175—178.

113. Ковлакас Е. Ф. Семантические аспекты рыночно-экономической терминологии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Ф. Ковлакас. — Краснодар, 2003. — 201 с.

114. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов : лингвокультурологический аспект : диссертация... доктора филологических наук / М. Л. Ковшова. — Москва, 2009. — 654 с.

115. Козырев В. А. Современная лексикография как инструмент формирования лингвистической компетентности личности / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // VERBUM : язык, текст, словарь : сборник научных трудов : посвящается юбилею Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. — С. 30—96.

116. Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания : демократия / В. В. Колесов // Политическая лингвистика. — 2016. — № 3 (57). — С. 31—43.

117. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов ; Ленинградский государственный университет. — Ленинград : Издательство ЛГУ, 1986. — 312 с.

118. Кондрашова Е. Е. Лексика геймеров / Е. Е. Кондрашова // Русская речь. — 2013. — № 6. — С. 55—58.

119. *Корбо Б.* Спортивно-игровая метафора в политическом дискурсе (на материале русского и итальянского языков) / Б. Корбо // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 116—123.
120. *Коростелева Л. В.* Концепт ПАТРИОТИЗМ в контексте националистического экстремистского дискурса / Л. В. Коростелева // Научный диалог. — 2017. — № 3. — С. 45—54.
121. *Косенко Н. А.* Семантическое поле «Труд» в русской паремиологии : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. А. Косенко. — Санкт-Петербург, 1993. — 16 с.
122. *Косицына Н. О.* Именованная служителей культа, церкви в идиолекте А. А. Фета / Н. Ю. Косицына // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2010. — № 2. — С. 365—370.
123. *Кретов А. А.* Обед и беседа : славянские этимологии / А. А. Кретов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 3. — С. 24—43.
124. *Кривошапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом аспекте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. А. Кривошапова. — Екатеринбург, 2007. — 161 с.
125. *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. — Москва : Знак; Языки славянских культур, 2007. — 145 с.
126. *Кругликова Л. Е.* Лексико-фразеосемантическая группа качественных наименований лица в русском языке XI—XX веков : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Л. Е. Кругликова ; Институт лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург, 1995. — 37 с.
127. *Крюков А. В.* Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / А. В. Крюков. — Волгоград, 2005. — 26 с.
128. *Крючкова Т. Б.* Общественно-политическая лексика и терминология : основные свойства и тенденции развития : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Т. Б. Крючкова. — Москва, 1991. — 308 с.
129. *Крысин Л. П.* Ненормативные этнонимы : проблема словарного описания / Л. П. Крысин // Экология языка и коммуникативная практика. — 2015. — № 1. — С. 46—56.
130. *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
131. *Крысин Л. П.* Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л. П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — Москва : [б. и.], 1988. — С. 124—143.
132. *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1989. — 186 с.

133. *Кузнецова Н. В.* Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. В. Кузнецова. — Улан-Удэ, 2017. — 207 с.
134. *Купина Н. А.* Советский конформизм в зеркале языка / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 27—32.
135. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. — 185 с.
136. *Купина Н. А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры / Н. А. Купина. — Екатеринбург : Издательство Уральского Университета, 1999. — 176 с.
137. *Кусова М. Л.* Представление социума и социальных проблем в лексической картине мира / М. Л. Кусова // VERBUM : язык, текст, словарь : сборник научных трудов : Посвящается юбилею Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. — С. 89—96.
138. *Кучко В. С.* Вокруг русского *мытарь*: о развитии семантики слова и его системных связях в различных формах существования языка / В. С. Кучко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2016. — № 4 (36). — С. 31—39.
139. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
140. *Лаптева М. Л.* «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / М. Л. Лаптева. — Астрахань, 2013. — 383 с.
141. *Лапшина М. Н.* Когнитивная ценность зоометафоры / М. Н. Лапшина // Наука вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 3. — С. 102—107.
142. *Лапшина О. Г.* Социальная составляющая языкового образа человека (на материале предметных фразеологизмов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Г. Лапшина. — Тюмень, 2008. — 24 с.
143. *Леонтьева Т. В.* Вербальные репрезентации понятия «общественное мнение» в русском языке : семантический анализ / Т. В. Леонтьева // Вестник Самарского государственного университета. — 2011. — № 4 (85). — С. 160—166.
144. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира : монография / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. — 283 с.
145. *Леонтьева Т. В.* Лексика дружбы : перспективы изучения / Т. В. Леонтьева // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык : научное издание. — 2016. — Выпуск 5. — С. 71—78.
146. *Леонтьева Т. В.* Лексика социальной регуляции в русских народных говорах / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. — 219 с.

147. *Леонтьева Т. В.* «Мы, говорит, люди, а вы — безлюдье...» : социальные характеристики человека / Т. В. Леонтьева // Живая старина. — 2014. — № 3 (83). — С. 52—55.
148. *Логический анализ языка. Ассерция и негация* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2009. — 560 с.
149. Лотман Ю. М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 576. — 1982. — С. 110—121.
150. *Мазон А.* Лексика войны и революции в России (1914—1918). Введение. Аббревиация / А. Мазон; перевод с фр. К. Л. Филатовой, Д. В. Спиридонова // Политическая лингвистика. — 2013. — № 1 (43). — С. 203—210.
151. *Майба В. В.* Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / В. В. Майба. — Ростов-на-Дону, 2013. — 177 с.
152. *Макаров В. И.* «Хапен зи гевезен» и другие названия взяточничества в юрислингвистическом фразеологическом словаре / В. И. Макаров // Вестник Новгородского государственного университета. — 2015. — № 4—1 (87). — С. 171—175.
153. *Макарова А. А.* Детерминологизация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. А. Макарова. — Москва, 2007. — 220 с.
154. *Маклакова Е. А.* Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименования лиц русского и английского языков) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19. — Воронеж, 2013. — 367 с.
155. *Малафеева Е. П.* Семантическая структура фразеологизмов с компонентом зоонимов в современном русском литературном языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. П. Малафеева. — Челябинск, 1989. — 231 с.
156. *Мамина Т. В.* Специфика лингвокогнитивного моделирования сценария «карьера» в русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. В. Мамина. — Томск, 2011. — 226 с.
157. *Маркелова Е. В.* Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Маркелова. — Новосибирск, 2004. — 237 с.
158. *Маслов А. С.* Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке / А. С. Маслов // Научные ве-

домости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2013. — Т. 18. — № 13. — С. 51—58.

159. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. — Москва : Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.

160. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия / Н. Б. Мечковская. — Москва : ФАИР, 1998. — 352 с.

161. *Михайлова О. А.* Имидж телеведущего политического ток-шоу : к проблеме гендерных особенностей / О. А. Михайлова, Ю. С. Харитоновна // Научный диалог. — 2017. — № 10. — С. 69—80.

162. *Михайлова О. А.* Семантические вариации актуальных слов : лексемы *экстремизм* и *терроризм* в современном русском языке / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1. — С. 252—258.

163. *Михалева О. Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : диссертация кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Л. Михалева. — Иркутск, 2004. — 289 с.

164. *Морковкин В. В.* Идеографические словари / В. В. Морковкин. — Москва : Издательство Московского университета, 1970. — 71 с.

165. *Муштур О. З.* Политология : учебник / О. З. Муштур. — Москва : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2014. — 480 с.

166. *Мы такие разные ... и все-таки мы вместе!* Интернет-пространство : речевой портрет пользователя : коллективная монография / Т. И. Попова [и др.] ; под редакцией Т. И. Поповой. — Санкт-Петербург : Эйдос. — 2012. — 224 с.

167. *Никитина С. Е.* Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект) : монография / С. Е. Никитина. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 2009. — 354 с.

168. *Никитина Т. Г.* Этимологизация субкультурно маркированных лексики как вид лингвоинтерпретационной деятельности носителя сленга / Т. Г. Никитина // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. — 2013. — № 73-1. — С. 66—69.

169. *Нагибина Е. В.* Концепт «слава» в русском языке : лингвокультурологический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Нагибина. — Новосибирск, 2002. — 163 с.

170. *Надель-Червиньска М.* Язык Совдепии и мотивация семантического переноса в маргинальных средах : имена собственные в польском и русском уголовных жаргонах / М. Надель-Червиньска // Политическая лингвистика. — 2009. — № 30. — С. 148—163.

171. *Назаренко Н. А.* Структурно-семантические и функциональные характеристики экономической терминологии (в рамках сегмента терминосферы «Рыночная экономика») : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Назаренко. — Ставрополь, 2005. — 269 с.

172. *Нахимова Е. А.* История России как гиперсфера-источник прецедентных онимов / Е. А. Нахимова. — В книге : Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации : теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. — С. 153—227.
173. *Невинская М. Д.* Концептуальная оппозиция «народ — власть» в политическом дискурсе : диссертация кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. Д. Невинская. — Волгоград, 2006. — 177 с.
174. *Никифорова М. В.* Речевой портрет регионального политика (на материале устной диалогической речи мэра Екатеринбурга Е. В. Ройзмана) : диссертация ... кандидата филологических наук / М. В. Никифорова. — Екатеринбург, 2016. — 253 с.
175. *Олсон Л.* Традиция, трансгрессия, компромисс : миры русской деревенской женщины / Л. Олсон, С. Адоньева ; пер. с англ. А. Зиндер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 440 с.
176. *Ошеева Ю. В.* Политическая лексика и фразеология русского языка (1985—2000 гг.) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. В. Ошеева. — Уфа, 2004. — 270 с.
177. *Падучева Е. В.* Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 304 с.
178. *Панченко Н. Н.* Коммуникативный типаж «льстец» / Н. Н. Панченко // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия Филология. — 2008. — № 5 (19). — С. 36—44.
179. *Паршин П. Б.* Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П. Б. Паршин // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. — Москва : Азбуковник, 2001. — С. 81—208.
180. *Паршина О. Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. Н. Паршина. — Саратов, 2005. — 325 с.
181. *Пелипенко М. В.* Социальная семантика в структуре диалектного слова (на материале тамбовских говоров) : автореферат диссертации... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. В. Пелипенко. — Тамбов, 2009. — 27 с.
182. *Петрова О. О.* Культурно-идеологические созначения в семантике слов с общим значением «Внешние и внутренние конфликты государства» / О. О. Петрова // Лингвокультурология. — 2014. — № 8. — С. 142—145.
183. *Пихурова А. А.* Судьба советизмов в русском языке конца XX — начала XXI века : на материале словарей и текстов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. А. Пихурова. — Саратов, 2005. — 214 с.
184. *Плотникова А. М.* Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 226 с.

185. *Плотникова А. М.* Наименования социальных групп и коллективов в идеографических словарях русского языка / А. М. Плотникова // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 3. — С. 22—24.
186. *Плотникова А. М.* Речетворчество в криминальных диалогах / А. М. Плотникова // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : лингвистика креатива. — 2014. — № 1. — С. 66—72.
187. *Погодаева Е. А.* Репрезентация когнитивного стиля современного делового человека в текстах деловой прессы : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Погодаева. — Барнаул, 2009. — 177 с.
188. *Полозова С. В.* Иноязычные заимствования как источник пополнения лексико-фразеологического состава современных русских жаргонов / С. В. Полозова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 3. — С. 83—87.
189. *Попова И. В.* Лексико-семантические и стилистические особенности языка индустрии моды (на материале журналов о моде) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. В. Попова. — Москва, 2007. — 156 с.
190. *Поповичева И. В.* Социально-оценочное значение в диалектных наименованиях детей / И. В. Поповичева // Социально-экономические явления и процессы. — 2011. — № 9. — С. 213—217.
191. *Прибылова О. В.* Динамика вербализации концепта «терроризм» в институциональном дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. В. Прибылова. — Челябинск, 2011. — 193 с.
192. *Прохватилова О. А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохватилова. — Волгоград : Волгоградский государственный университет, 1999. — 364 с.
193. *Радбиль Т. Б.* Язык и мир : парадоксы взаимоотражения / Т. Б. Радбиль. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с.
194. *Рамазанова Ш.* Концепт «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ш. Рамазанова. — Москва, 2012. — 217 с.
195. *Растатуева С. Г.* Репрезентация концепта «Толерантность» в русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Г. Растатуева. — Тула, 2008. — 173 с.
196. *Руженцева Н. Б.* Межнациональный дискурс : модель в контексте эпохи / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — 292 с.
197. *Ряпосова А. Б.* Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999 — 2000 гг.)» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Б. Ряпосова. — Екатеринбург, 2002. — 201 с.

198. *Савельева У. А.* Архетипический лингвокультурный концепт «предательство» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / У. А. Савельева. — Астрахань, 2008. — 211 с.
199. *Санников А. В.* Понятия достоинства и смирения / А. В. Санников // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — С. 405—469.
200. *Саттарова М. Р.* Религиозная культура в зеркале языка / М. Р. Саттарова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2014. — № 4 (38). — С. 184—188.
201. *Свиридова А. В.* Фрейд «интеллект, ум как средства познания и продуцирования знания / отсутствие интеллекта, ума» / А. В. Свиридова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2008. — № 8. — С. 225—232.
202. *Свистельникова С. А.* Речевой портрет оппозиционной газеты : концептосфера, жанры, образные средства : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. А. Свистельникова. — Белгород, 2010. — 224 с.
203. «Своё» и «чужое» : межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте : коллективная монография / под редакцией Л. А. Шкатовой. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2003. — 185 с.
204. *Селезнева С. Н.* Динамика группы слов с гиперсемой святой : по данным русской лексикографии : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Н. Селезнев. — Красноярск, 2013. — 196 с.
205. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи : из наблюдений над русским языком последних лет / А. М. Селищев. — Москва : Работник просвещения, 1928. — 250 с.
206. *Сенько Е. В.* Диггерство, стритрейсинг и прочие увлечения / Е. В. Сенько // Русская речь. — 2014. — № 4. — С. 73—75.
207. *Серова Л. А.* Концепт «труд» в немецких и русских паремиях : на материале современных публицистических текстов сельской тематики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Л. А. Серова. — Москва, 2009. — 196 с.
208. *Сидоренко А. В.* Исторические реалии. — В книге : Сидоренко А. В. Язык советского детства / А. В. Сидоренко. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. — С. 78—85.
209. *Ситникова О. В.* Лексика морально-нравственного содержания в русском языке новейшего периода и ее отражение в языковом сознании современных носителей русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Ситникова. — Воронеж, 2009. — 238 с.
210. *Скитерский А. В.* Тело как поверхность письма : опыты протестного дискурса в современной России // Дискурс-Пи. — 2015. — № 1. — С. 31—36.

211. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. — Москва : Наука, 1993. — 152 с.
212. *Скляревская Г. Н.* Слово в меняющемся мире : русский язык начала XXI столетия : состояние, проблемы, перспективы / Г. Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. — Сеул, 2001. — № 6. — С. 177—202.
213. *Смирнова С. А.* О понятии «церковная лексика» / С. А. Смирнова // Научный диалог. — 2014. — № 12 (36) : Филология. — С. 84—97.
214. *Солганик Г. Я.* Язык СМИ на современном этапе / Г. Я. Солганик // Мир русского слова. — 2010. — №2. — С. 21—24.
215. *Солнцева Н. В.* Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. В. Солнцева. — Омск, 2004. — 23 с.
216. *Сурикова О. Д.* Еще раз о русском слове *шаромыга* / О. Д. Сурикова // Научный диалог. — 2016. — № 10 (58). — С. 113—124.
217. *Табанакова В. Д.* Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.21 / В. Д. Табанакова. — Тюмень, 2001. — 288 с.
218. *Талл Уссейну.* Семантика и употребление единиц семантического поля *гость* : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Уссейну Талл. — Воронеж, 2011. — 220 с.
219. *Теоретическая семантика и идеографическая идеография* : сборник докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 40-летию образования и научной деятельности кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского Федерального университета, 23—24 октября 2014 г., Екатеринбург, Россия. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. — 152 с.
220. *Терских М. В.* Медиаобраз сибирского региона : лингвокогнитивное моделирование : монография / М. В. Терских, Е. Д. Малёнова. — Омск : ЛИТЕРА, 2015. — 160 с.
221. *Тихонова В. Я.* Концепт «борьба» в русской языковой картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. Я. Тихонова. — Новосибирск, 2005. — 238 с.
222. *Токарев Г. В.* Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке / Г. В. Токарев : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01. — Волгоград, 2003. — 48 с.
223. *Толстая С. М.* Опасность знания (из народной гносеологии) / С. М. Толстая // Слово в тексте и словаре : сборник к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 236—242.
224. *Толстая С. М.* Питание и воспитание в зеркале славянской лексики / С. М. Толстая // Вопросы языкознания. — 2016. — № 2. — С. 22—36.

225. *Толчина Н. Ю.* Гендерный аспект концептосферы «ДРУЖБА» (на материале русского, английского и испанского языков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. Ю. Толчина. — Петрозаводск, 2010. — 21 с.
226. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. — Москва : Издательство АН СССР, 1959. — 220 с.
227. *Урысон Е. В.* *Норма, образец, стандарт, эталон, шаблон* : заметки о полисемии / Е. В. Урысон // Слово и язык : сборник к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки русской культуры, 2010. — С. 340—349.
228. *Устюжанина А. К.* Тема взяточничества во фразеологизмах и поговорках (на материале текстов российских СМИ) / А. К. Устюжанина // Вестник Новгородского государственного университета. — 2014. — № 77. — С. 242—244.
229. *Уфимцева А. А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира. — Москва : Наука, 1988. — С. 108—140.
230. *Федюнина И. Э.* Лингвистическая репрезентация лицемерия как формы социального поведения (на материале русских, английских и немецких фразеологизмов) / И. Э. Федюнина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — Т. 1. — № 2. — С. 166—173.
231. *Федосов Ю. В.* Принципы составления идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Ю. В. Федосов. — Волгоград, 2002. — 442 с.
232. *Феоктистова Л. А.* Об «Иванах» в наименованиях алкогольных напитков / Л. А. Феоктистова, С. О. Горяев // Ономастика Поволжья : материалы XV Международной научной конференции / под редакцией Л. А. Климовой, В. И. Супруна ; Арзамасский филиал ННГУ, 2016. — Арзамас : Интерконтакт, 2016. — С. 380—384.
233. *Формановская Н. И.* Речевое действие и деятель / Н. И. Формановская // Русская речь. — 2008. — № 3. — С. 40—46.
234. *Червинский П.* Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц / П. Червинский. — Режим доступа : http://www.rumvi.com/products/ebook/негативно-оценочные-лексемы-языка-советской-действительности-обозначение-лиц/757a7880-9c48-4472-8119-4f13cf651fab/preview/preview.html#ТОС_ЕОВ.
235. *Чернова О. Е.* Концепт «труд» как объект идеологизации : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Е. Чернова. — Екатеринбург, 2004. — 163 с.

236. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. — 248 с.
237. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — 176 с.
238. *Шавлюк В. Б.* «Фанфикшн» : от жаргонизма к термину / В. Б. Шавлюк // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского — 2017. — № 1. — С. 245—249.
239. *Шаховский В. И.* Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации / В. И. Шаховский // Человек в коммуникации : аспекты исследований : сборник научных статей / научный редактор В. И. Шаховский. — Волгоград : Перемена, 2005. — С. 173—204.
240. *Шацкая М. Ф.* Обычай — обыкновение — международное право / М. Ф. Шацкая // Русская речь. — 2006. — № 4. — С. 86—89.
241. *Шведова Н. Ю.* Русская дейктическая форма *сделано* и означаемый ею тип сообщения / С. М. Толстая // Слово в тексте и словаре : сборник к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 249—256.
242. *Шейна И. М.* Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта / И. М. Шейна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». — 2010. — № 2. — С. 69—72.
243. *Шипицына Г. М.* Историко-лингвистический взгляд на концепт *взяточничество* / Г. М. Шипицына // Уральский филологический вестник. Серия : Русская литература XX—XXI веков : направления течения. — 2016. — № 2. — С. 296—305.
244. *Шипицына Г. М.* Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода / Г. М. Шипицына, Ю. О. Мамонова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2016. — № 14 (235). — С. 21—28.
245. *Шкатова Л. А.* Труд в фольклорном сознании россиян / Л. А. Шкатова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 4 (386). — С. 213—215.
246. *Шмелев А. Д.* Врали и лжецы в русской языковой картине мира / А. Д. Шмелев // «Слово — чистое веселье...» : сборник статей в честь А. Б. Пенковского / ответственный редактор А. М. Молдован. — Москва : Языки славянской культуры, 2009. — С. 77—84.
247. *Шмелев А. Д.* Дружба в русской языковой картине мира / А. Д. Шмелев. — В книге : Зализняк А. Ключевые идеи языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 289—303.

248. *Шмелькова В. В.* Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке : диссертация ... доктора филологических наук / В. В. Шмелькова. — Москва, 2010. — 301 с.
249. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.
250. *Щетинина А. В.* Бритоголовый молодец : к вопросу о методике описания социальной лексики / А. В. Щетинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9 (63). — Ч. 1. — С. 181—185.
251. *Щетинина А. В.* Лексикографирование социальных номинаций (опыт создания идеографического словаря) / А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2017а. — № 11. — С. 214—230.
252. *Щетинина А. В.* От дородный добрый молодец к дородная тетка : социокультурная трансформация значения / А. В. Щетинина // Jezikoslovniki zapiski. — 2017б. — № 23. — С. 75—87.
253. *Щетинина А. В.* Цветовые номинации homo socialis / А. В. Щетинина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2017в. — Том 3. — № 1. — С. 57—71.
254. *Щур Г. С.* Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. — Москва : Наука, 1974. — 254 с.
255. *Экстремистский текст и деструктивная личность* / Ю. А. Антонова [и др.]. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. — 276 с.
256. *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная монография / ответственные редакторы И. Т. Вепрева, Н. В. Купина, О. А. Михайлова.* — Труды Уральского МИОНа. Выпуск 20. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. — 560 с.
257. *Язык. Дискурс. Политика* / Р. Водак ; пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной. — Волгоград : Перемена, 1997. — 138 с.
258. *Anderson R. D., Jr.* Metaphors of Dictatorship and Democracy : Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics / R. D., Jr. Anderson // Slavic Review. — Vol. 60, No. 2 (Summer, 2001). — Pp. 312—335.
259. *Barnden J. A.* Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor / J. A. Barnden, S. R. Glasbey, M. G. Lee, A. M. Wallington // Metaphor and Symbol. — 2004. — Vol. 19. № 1. — Pp. 1—30.
260. *Chomsky N.* Language and Politics / N. Chomsky. — U. K. : AK Press, 2004. — 802 p.
261. *Heim I.* On the projection problem for presuppositions // WCCFL 2 : Second Annual West Coast Conference in Formal Linguistics / M. Barlow, D. Flickinger, M. Wescoat (eds.). — Stanford University, 1983. — Pp. 114—125.
262. *Karttunen L.* Presuppositions and linguistic context / L. Karttunen // Theoretical Linguistics. — 1974. — № 1. — Pp. 181—194.

263. *Leontyeva T.* Using the Results of Ethnolinguistic Studies in Teaching the Russian Language as a Foreign Language (by the Material of Education Lexis in Russian and Tajik Languages) / T. Leontyeva, E. Dorozhkin, A. Shchetinina, Kh. Tabarov // *XLinguae Journal*. — 2016. — V. 9, Is. 4. — Pp. 100—107.

264. *Musolff A.* Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. — 516 p.

Научное издание

Щетинина Анна Викторовна

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ИДЕОГРАФИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ**

Монография

Художник Неупокоева Елизавета Евгеньевна

Подписано в печать 15.06.2018. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 10,49. Уч.-изд. л. 7,89.

Тираж 500 экз. Заказ № 15/06-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.

Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.